

Анатолий Анатольевич Логинов
Рокировка Сталина. СССР-41 в XXI веке

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - Марфушка; OCR, Conv, ReadCheck - Uagadugu) HL
«Рокировка Сталина. СССР-41 в XXI веке / Анатолий Логинов»: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62220-7

Аннотация

*Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Три танкиста из будущего»!
«Обратная рокировка» во времени! Теперь уже не наши современники-«попаданцы»*

проваливаются в 1941 год, а Сталинский СССР «образца 41-го» переносится в наши дни!

Выживет ли Советский Союз в XXI веке? Есть ли шанс у Красной Армии устоять против НАТО? Что будет делать нынешняя Варшава с эшелонами польских офицеров, которые якобы были расстреляны в Катыни «кровавой гэбней», но на самом деле оказались живы? Сможет ли Сталин возглавить новую модернизацию страны и еще раз превратить нашу Родину в Сверхдержаву?

Анатолий Логинов РОКИРОВКА СТАЛИНА СССР-41 в XXI веке

ОТ АВТОРА

Перед вами — многоавторский проект, родившийся на форуме «В вихре времен» и написанный совместно его участниками Анатолием Логиновым, Виктором Гвором, Михаилом Рагимовым и Игорем Поручиком при участии Александра Ерзылева и Андрея Судьбина. Наш небольшой коллектив под руководством Логинова А. А. решил попытаться смоделировать ситуацию первых девяти дней при переносе в современный мир СССР из 22 июня 1941 года. Традиционно перенос проходит по границам СССР от 1991 года, включая морские воды на расстоянии двенадцати миль от береговой черты (на реках — по зарубежному берегу). При анализе получившейся ситуации нами использовались открытые материалы, не противоречащие выводам привлеченных нами в частном порядке экспертов.¹ Преимущества СССР того времени нами отнюдь не выдуманы и опираются на исторические аналоги. Именно поэтому описываемый вариант событий является, с нашей точки зрения, наиболее вероятным, даже с учетом некоторого авторского произвола в описании событий (некоторое ускорение принятия решений в ООН и английским правительством, введение тайного общества «Темной Комнаты» и отдельные эпизоды второй части).

Еще раз приносим благодарность всем участникам форума <http://forum.amahrov.ru/>, принимавшим активное участие в обсуждении книги.

Особая благодарность коллеге CanadianGoose (Самиздат) за его конструктивную критику, а также Максиму Шейко, автору АИ — антиутопии «Иная реальность» за разрешение использовать его главного героя в нашей книге.

Предупреждение:

Все совпадения имен, географических названий и событий абсолютно случайны.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В неведомых пространствах и временах.

Из отчетов комиссии по проверке происшествия в 6-альфа секторе Большой Лаборатории Времени (перевод с Вейского, 25637 год Вегранской эры).

«В результате выхода из строя по вышеуказанным причинам сингулярного фазового синхронизатора триангуляционная диссипация по в-параметру привела к созданию локального пробоя пв-континуума с взаимным переносом около шести миллионов стоунгов

¹ Мы можем твердо вас заверить, что обнаружить и уничтожить атомную ПЛ в море практически маловероятно, что подтверждают данные о проводимых флотом РФ учениях; срок хранения ядерных боеприпасов — не менее 10–15 лет; а современные вооруженные силы всех стран действительно имеют серьезные проблемы с количеством и качеством состоящего в строю и на хранении вооружения.

материи из хронокластера 34a657пр-О в хронокластер 34a897пр-Е. Сохранение работоспособности субблока Эйч привело к синхронинформационизации переброшенной материи и материи кластеров...

Подводя итоги, надо заметить, что предварительная оценка локального пробоя как единственного оказалась полностью неверной... Выяснилось, что кроме основного пробоя и перемещения материи имеются также локальные перемещения в кластерах 34a657хар-Мин и 34a898рнхар-Мин, кластерах 34a853пол-А и 34a914пол-М, а также аналогичный основному двойной пробой с взаимным переносом около шести миллионов стоунгов материи из сектора 34a10годзи-О в сектор 34a41годзи-Р, сопровождаемый к тому же откатом временной линии в кластере и, соответственно, глобальными изменениями погодных условий...»

ПРОЛОГ

Ой, да не вечер, да не вечер.

Мне малым-мало спалось.

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось.

С. Есенин

г. Брест.

Девятая погранзастава семнадцатого Краснознаменного пограничного отряда.

Бессонной ночью на границе никого не удивить, разве что вовсе случайного человека. Корреспондента столичной газеты, к примеру, приехавшего описывать подвиг защитников границы. Или еще какого шального штатского, вынесенного волнами бурного моря жизни на узкую полосу прибоя, указывающую пределы Страны Советов. Но шальных здесь не было. Новобранцы, пришедшие совсем недавно, и те уже «обмялись», освоились и не путали погранзону с погранполосой. А определение, что есть государственная граница, отскакивало от зубов, даже если среди ночи разбудить.

Только в это лето спать по ночам особо не приходилось.

Лейтенант покрутил головой. Шея затекла. С прошлого утра еще спать не ложился. Надеялся прикорнуть хоть на пару часов. Ага. Самому не смешно? Растолкали минут через двадцать. В такие моменты, Андрей жалел, что живет в соседнем с заставой помещении. В ином случае посыльному пришлось бы добираться до начальника заставы хоть немного дольше. А сейчас что? Выскочил из расположения, пробежал по коридору и на месте. Можно толкать начальника заставы, а когда тот раскроет глаза, шепнуть: «Тревога, тарих лейтенант! Диверсантов спыймалы!» Почему шепнуть? Потому что в соседней комнате дети спят. Все трое. И жена с матерью.

Хорошо, что Катя умница и все отлично понимает. Знает, что не на «гульки» сорвался муж посреди ночи, не с местными мужиками теплый «бимбер» глотать, а по службе. У кавалеристов говорят: «Труба зовет!» Красиво звучит. Только у нас тревожнее: «Застава, в ружье!» И, не успев толком проснуться, летишь, хватая по пути в оружейке табельное оружие. Потом извилистые лесные тропы, липкая паутина, ветви, хлещущие по лицу... Порой погоня оканчивалась стрельбой. Тогда у жен и матерей прибавляется седых волос. Шила в мешке не утаишь, и простреленную руку не назовешь царапиной...

В этот раз все обошлось относительно спокойно. Диверсантов взяли живыми и без боестолкновения. Просто вышел навстречу двум подозрительным красноармейцам Индус, названный в честь того самого, и пасть раскрыл. И как раз Луна из-за тучки вылезла... Уж насколько он сам привычный, но если признаваться как на духу, опешил бы, если такая зверюга поперек тропы выйдет. Вот и те растерялись. Что? К чему? Зачем? И сколько раз? То ли стрелять начинать, то ли молиться, то ли еще что... Пока разбирались, пришла пора руки вверх поднимать и сдаваться, потому как тревожная группа подросла. А против «дегтяревского» пулемета и трех самозарядок особо не повоюешь...

Отчаянно захотелось есть. Желудок прямо-таки раскаленной спицей пронзило. Загнал ты себя, Андрей Митрофанович, ей-богу, загнал! А как иначе? Ведь это твоя застава и ты тут начальник. Разминая заболевший бок, лейтенант спустился к каптерке. Из приоткрытой двери пробивался свет.

— Не спишь, старшина?

— Как тут уснешь! — поднял голову от журнала старший сержант Шиколаев. — Патроны списывать надо, на шпионов сопроводилку заполнять. Кто, кроме меня, сделает? Не тебя же бумажной волокитой грузить.

— А Поляков что? — напомнил лейтенант о своем заместителе.

Старшина только рукой махнул.

— Понятно, — улыбнулся Кижеватов. — Куда им, молодым да зеленым, супротив нас, заслуженных!

— Истинно говоришь, Андрей Митрофанович, — согласился старшина. — Пусть спит лейтенант. Он и так набегался. Пока повязали, пока на комендатуру сопроводили. Да что я тебе рассказываю, не хуже меня знаешь.

— Знаю, — зевнул начальник. — Слушай, Сергеич, а у тебя чайку не найдется? А то домой заходить не хочется, детишек перебужу.

— Найдется, как не найтись. Что будить не хочешь, так и верно. — Старшина достал из-под стола старые кружки, щербатые по краю, и фарфоровую розетку совершенно мещанского вида с закаменившим вареньем. — Раз каникулы у детишков, то пушай спят, сны видят. У них завтра день тяжелый — в клуб фильмы новые завезли.

— Фильмы... — мечтательно протянул лейтенант. Только и осталось, что фильмы смотреть. Тут с устатку зажмуришься, так живые картинки перед глазами сами плясать начинают.

— Ладно, пойду на кухню схожу, — поднялся старшина из-за стола. — Заодно и закладку проверю.

— Закладку... — так же мечтательно сказал начальник. Пограничники, не сговариваясь, засмеялись.

— Пару бутербродов захвачу, — пообещал Шиколаев.

Но выйти из каптерки старшина не успел, в двери его перехватил дежурный по заставе сержант Демин.

— Начальник у вас, товарищ старшина? — И, не дожидаясь ответа, попытался протиснуться мимо Шиколаева.

— Что случилось, Вася? — не стал дожидаться конца дискуссии Кижеватов.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! Там из комендатуры звонили! На «мостовом» посту непонятки какие-то. Просили «тревожку» выслать. И чтобы вы были.

— С добрым утром, Андрей Митрофанович, — выдохнул лейтенант. — Прекрасный воскресный день двадцать второго июня...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ **22/06/1941 г. — 22/06/2010 г.**

Читинская область, ст. Отпор. ²

М. И. Чаковский, сержант ПВ НКВД. ³

Настоящий летний день, идущая от стоящего почти в зените солнца жара так и искушала расстегнуть крючок гимнастерки и расслабиться. Но служба есть служба...

Наряд пограничников, который вел сержант Михаил Чаковский, миновал очередной

² В настоящее время — поселок городского типа Забайкальск.

³ Пограничные войска в СССР того времени подчинялись Народному комиссариату внутренних дел.

подъем и с небольшой возвышенности смог обозреть всю стоящую на границе с Маньчжурией станцию, все несколько десятков зданий и вокзал. Составлявшие, в сущности, весь поселок строения располагались по левую, в направлении границы, сторону железнодорожной линии, на склоне холма, переходящего в невысокие горы. С правой стороны железной дороги стояло всего два сооружения — недавно отстроенная электростанция и водокачка с торчащей у путей вышкой для заправки паровозов. За ними на многие километры вдоль границы тянулась забайкальская степь. Вдали, примерно в километре от станции на восток, возвышалась пограничная арка, у нее, с левой стороны, виднелась высокая дозорная вышка постовых пограничников, к которой сейчас и шел установленным командованием маршрутом дозор, изредка поглядывая в сторону границы, из-за которой на советскую землю враждебно тянули загибающиеся лапы японские самураи.

До вышки оставалось совсем немного, наряд уже миновал казарму железнодорожных рабочих и проходил мимо гарнизонной бани, когда идущий с проводником пес, немецкая овчарка Дунай, обычно послушный и исполнительный, внезапно сел и завыл, задрал голову к небу. От неожиданности все смотрели только на нее и поэтому не сразу обратили внимание на крики со стороны вышки. Когда же пограничники обернулись, то несколько человек, включая и неверующего Михаила, перекрестились. И было от чего. Вместо надоевшего заграничного пейзажа из небольшой деревеньки в несколько фанз, железнодорожной станции и здания пограничного маньчжурского поста с торчащим у его входа низкорослым японским солдатом с винтовкой длиннее его роста перед ними раскинулся огромный грузовой вокзал, за которым различался фантастический, невиданный город, упирающийся домами-скалами в небо. На самой пограничной черте, с только что донесшимся до слуха застывших от неожиданности людей грохотом, валился с непонятно откуда взявшейся железнодорожной насыпи состав. Самое неожиданное было в том, что паровоза видно не было, но, как Михаил заметил, лежащий первым на земле вагон был словно разрезан пополам. Еще один состав экстренно останавливался, стремясь затормозить, но неминуемо проскакивая линию границы, и уже оказался под самой пограничной аркой. С той стороны границы к путям бежали странно одетые люди, а прямо напротив наряда, на внезапно появившемся и резко оборвавшемся необычном покрытии дороги, стояли огромные автомобили, похожие скорее на поезда и легковые лимузины неизвестных марок.

— Господи, что случилось? Откуда это все? — прокричал кто-то сбоку, заставив сержанта прийти в себя.

— Марков, Плотников — срочно за мной, к дороге! Степанов и Иванов с собакой — занять оборону, будете прикрывать на случай провокации, — решение пришло мгновенно, словно Михаил всю жизнь наблюдал такие картины...

Когда трое пограничников с винтовками наперевес подбежали к контрольно-следовой полосе, с той стороны на них с удивлением смотрела собравшаяся толпа странно одетых мужиков и несколько что-то истерично кричавших женщин. Стоящий впереди крупный, совершенно не похожий ни на китайца, ни на японца, накачанный мужчина в необычном синем костюме и брюках из какой-то неизвестной плотной ткани, с опаской посмотрев на винтовки в руках погранцов, крикнул, стараясь держаться позади неведомо кем сделанного обреза:

— Эй, мужики, а че происходит-то? Вы кто и куда погранпереход девалясь?

— Какие мы тебе мужики, морда белогвардейская. И перехода здесь нет, особенно для таких, как ты, — откликнулся Плотников, который до сих пор по-старорежимному гордился тем, что происходит из казаков.

— Плотников, молчать! — резко скомандовал Чаковский и, окинув взглядом собравшуюся за чертой толпу, добавил, стараясь донести до стоящих напротив серьезность своих слов и намерений: — Говорит старший наряда пограничных войск сержант Чаковский! Вы находитесь на границе СССР! Любая попытка незаконного пересечения границы может расцениваться как провокация и будет пресечена вооруженным путем! Прошу всех оставаться на своих местах до прибытия командования.

— Какой, на хрен, СССР? — удивленно уставился на него тот же мужик. — СССР уже двадцать лет как распался, мы все граждане России и хотим вернуться домой! Какое ты имеешь право... — Он сделал шаг и тотчас же остановился, услышав дружный перестук трех передернутых затворов.

Михаил сделал шаг в сторону и поднял винтовку к плечу, целя заводиле в ноги. Где-то в толпе что-то истерично закричали несколько голосов. Казалось, столкновение неминуемо, но раздавшийся сзади стук копыт и громкий приказ: «Отставить!» — заставили всех замереть. Михаил бросил беглый взгляд в сторону и с облегчением увидел, что рядом застыло два десятка всадников тревожного наряда во главе с комиссаром заставы лейтенантом Крошем. А с той стороны границы, расталкивая толпящихся, появились несколько вооруженных в неизвестной пятнистой форме. «Похоже, боя не будет», — устало подумал сержант, на всякий случай принимая стойку для стрельбы с колена...

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

Коваленко Владимир Владимирович, капитан первого ранга, командир РПКСН.

Владимир резко проснулся, но вставать не стал. Лежа он попытался проанализировать обстановку, стараясь понять, что же его разбудило. Сейчас вся атмосфера каюты, знакомая до мелочей, все доносившиеся до его слуха звуки были привычны и не несли никакой угрозы. Но буквально секунду назад нечто необычное, угрожающее вырвало его из сна. Он машинально бросил взгляд на часы. Время раннее, но вставать все равно надо. Странно, почему-то вахта молчит, никаких докладов. Неужели ему все приснилось?

Проходя отсеками до центрального поста, капитан внимательно осматривал все окружающее и даже внюхивался в воздух. Как ни странно, все, даже привычный, слегка пахнущий чем-то машинным воздух, прямо-таки твердило, что на борту ничего не произошло. «Старею, похоже. Вот уже и кошмары снятся. Пожалуй, после этого похода придется рапорт подавать об увольнении», — Владимир привычно повернул ручку, открывая люк, перешагнул через комингс и наткнулся на лейтенанта Кучера с взъерошенным видом несшегося по проходу.

— Так! Товарищ лейтенант, что такое случилось? Вы же вроде на вахте должны быть?

— Товарищ командир, у НК сбой! Штурман просит подняться в штурманскую, — протараторил на бегу инженер электронavigационной группы (ИЭНГ) и скрылся из виду.

Покачав головой: «Все-таки интуиция!» — Владимир поднялся в ЦП. Вахтенные спокойно наблюдали за своими заведованиями, нигде не заметно было ни малейших следов чего-либо необычного. Увидевший вошедшего командира минер, вахтенный офицер капитан-лейтенант Коротин сделал три шага и, подтянувшись, начал привычный доклад:

— Товарищ командир, ПЛ следует курсом... скорость... дифферент... работают обе вперед по 30, оба борта на пониженных параметрах ЦНПК на МСК, мощность 15 процентов...

— Вольно, Вячеслав Юрьевич. Ничего не случилось, говорите?

— Так точно. Хотя минут десять назад вроде показалось, будто боцман глубину не удержал, нас качнуло, но все сразу прошло.

— Хорошо, продолжайте нести службу. Я пока к штурману.

И командир прошел к рубке, из-за двери которой понемногу просачивалось бодрое начало малого боцманского загиба. Становилось ясно, что у штурманов произошло что-то очень серьезное.

— Александр Сергеевич, что происходит?

— Товарищ командир, подводный крейсер следует курсом... глубина... метров, работают обе по тридцать оборотов, скорость четыре узла, последнее место... — затараторил было штурман, но Владимир сразу прервал процесс вешания лапши на уши.

— Так, заканчивай ерундить. Что там твой лейтенант мне наплел?

— Десять минут назад произошел сбой или возмущения в работе навигационного комплекса, вышли из осреднения каналы ИНС и вроде гидроакустический лаг. На настоящий

момент введены в осреднение два канала, ракетная готовность не снималась, но есть сомнения в точности текущего места.

— Ракетная готовность не снималась?! — тут Владимир не удержался, слишком уж фантастически выглядел доклад командира БЧ-1.

— Так точно!

— Штурман, ты чего? В маги и волшебники переквалифицировался? Как смог?

— Товарищ командир, вы помните, что перед ходовыми испытаниями, когда со среднего ремонта лодку забирали, я к разработчикам в командировку ездил? Там меня весь месяц дед, который математику для этого комплекса писал, гонял. Вот и научил...

— Так, штурман, хорош хвастать. Из-за чего сбой произошел, выяснил?

— Нет, товарищ командир. Сейчас буду разбираться, но все равно рекомендую подвсплыть и определить место...

— Подвсплыть? Ты забыл, мы в автономке! Меня потом начальники за каждую возможную потерю скрытности драть будут! Ладно, пока разбирайся и точность места пересчитывай. Может, и не придется всплывать. Я в центральном, как разберешься, доложишь.

Азовское море. Траверз г. Мариуполя.

Осинов Сергей, безработный браконьер-предприниматель.

«Ночь — самое лучшее время суток летом. Это вам каждый скажет, кто в наших краях хоть пару лет прожил. У нас ведь как, летом, если градусник меньше тридцати показывает — то, считай, холода и близкая зима. А на солнце если, то асфальт плавится на раз-два. Ах, да! Ночь еще чем хороша — море не бликует. Иной раз ведь как бывает: глянешь на гладь морскую, а она, зараза, вся будто огнем пышет — так сверкает. Ну ее в пень. Насмотришься — глаза целый день болят. Разве что спать лечь. Только куда там спать... На Центральном рынке с утра не протолкнешься. А надо рыбу отволочь, на точку сдать, все перевесив не один раз, с „санитаркой“ договориться. Как раз до вечера тягомотины. И второй момент, крайне положительный. Ночь ведь для чего? Чтобы спали все. И Рыбинспекция чтобы спала, и экологи, и водная милиция пусть сны видит о взятках неполученных. Конечно, на берегу могут пограничники ждать. Те из породы вечно неспящих созданий, но у них хоть совесть осталась. Много не берут, если не нарываться. Вот если нарвешься, то могут и по ушам надавать. Вон, Андрюха Урусов, тот сразу „расслабляющий“ ботинком в пах шарашит и пистолетом по загривку добавляет. Очень способный юноша, что и говорить... Но и с ним договаривались не раз», — Серега Крот, он ведь не первый год в море ходит. Считай, лет тридцать уже при рыбацком деле. К тому же пеленгас вяленный у него получается лучше всех на Песчанке. Каждый знает! А потому особо и не прессуют, но все равно неприятно...

Когда мысли в голове хороводом ходят, работа спорится в разы быстрее. Так, за немудреными рассуждениями, и не заметил, как вторую версту сетки дотрусил. Конец с легким бульком ушел под воду, а Сергей потянулся, распрямляя затекшую спину...

Со стороны украинского берега вдруг вспыхнуло все.словно выросла из моря огненная стена. Выросла и растворилась, разлетелась в невесомые клочки под напором ветра. Резко испортилась погода. А это было очень плохим знаком. Вдобавок ко всему в той же стороне несколько раз подряд ощутимо грохнуло, будто артбатарея залп дала. Ладно, упрямся — разберемся. Главное — в шторм не попасть.

«Прогресс-4» очень хорошая лодка. И тянет до полутонны, и утопить невозможно — пенопластовые накладки удержат на поверхности... Но вот самоотлива нету и в помине, и борта не особо высокие — каждая волна по морде брызгами хлестанет. А значит, надо дергать отсюда, и как можно быстрее!

Грохотать перестало. Он кое-как перелез через наваленные мешки на корму, к мотору. Да, к старенькому «Вихрю» — «тридцатке». А что? Ходит Крот далеко и надолго. Но домой не спешит. Дома жена, три дочки и любовница. Две. А от погранцовского «Калкана» и на «Джонсоне» — «два по сто да полста» не уйдешь. Вот и пользуется проверенным движком.

Ровесником старшей дочери. Хрипит, рычит, матом ругается, зато работает. Не подвел движок и сейчас. Правда, отозвался только на третий рывок стартера. Заурчал, затарахтел. Катер ощутимо дернуло вперед. Ну все! Поехали! Как обычно, непослушный катер на первых порах норовил боднуть волну носом, но, чуть разогнавшись, «вышел на редан». А при таком режиме волнение сразу же теряло свою остроту.

На воде никаких следов стены не осталось. Видимо, и вправду показалось от общей задолбанности организма. Но, чем ближе катер подходил к городу, тем все больше нехороших подозрений заползало в душу. И скреблось там острыми когтями. Сразу же в глаза бросилось резкое затемнение Мулякино. Обычно набитый отдыхающими поселок светился днем и ночью, будучи отличным ориентиром при походах «под Россию». Сейчас же на берегу тускло поблескивал от силы десятков фонарей. А когда катер подошел поближе, то добавился еще один повод для удивления. Нет, блин, даже для изумления. Было очень похоже, что кто-то очень большой взял не менее великанские ножницы. И урезал «Мулякино» раза в три, выбросив к чертям собачьим всю гроздь пансионатов, тянущихся на добрые пятнадцать километров вдоль берега. А еще Портовского не было почти. Десяток домиков от села, и все. Сергей верующим не был — все же советской закалки человек. Но перекреститься захотелось и молитву какую вслух прочитать. А руки сами делали привычную работу, и катер, оставляя за собой пенистые «усы», шел все ближе к родной Песчанке. Лишь бы она на месте осталась...

Осталась. Не стало гаражей лодочного кооператива, больше не маячили вылезшие прямо на пляж особняки. И волнолом порта словно бы просел на несколько метров вниз. Протерев очки, присмотрелся. Ночь уже почти ушла, и все детали стали достаточно различимы. Нет, не просел волнолом. Просто лишился забора из бетонных плит. И пропала вышка охраны на оконечности.

Неожиданно зачихал мотор. То ли горючка кончилась, то ли снова жиклер забило от паршивого бензина. Впрочем, что совой об пень, что пнем по сове. Канистру в гараже забыл, а в карбюраторе копать среди фарватера — последнее дело. Надо доставать весла, ставить уключины в пазы и грести, грести, грести... Наконец нос катера ткнулся в песок. Самое время выпрыгивать за борт и по колено в воде вытягивать резко потяжелевший «Прогресс». Не успел и трех раз проклясть собственную жадность, как сбоку за поручни ухватилось еще несколько рук. Береговые мальчишки на помощь пришли! Ну, святое дело! Такого помощника никак нельзя «хвостом» пеленгаса обделить! Дружными усилиями катер выволокли на берег. Крот плюхнулся на песок, пытаясь перевести дыхание. Не мальчик все-таки, и бессонная ночь позади. Ну ничего, сейчас отдышусь и ребятам спасибо скажу. Так, а куда это они воробьями порскнули?

— Доброго утра! — раздалось вдруг над самым ухом. — Сержант Прокофьев. Предъявите, пожалуйста, документы.

«Блин! Вляпался все-таки. Очки на нос, рукой за пазуху... Оп-па... Что за бал-маскарад?! Вроде как не девятое мая сегодня, чтобы реконструкторы шалили», — перед Кротом оказался именно такой. Синие галифе, белая гимнастерка, фуражка с бирюзовым околышем. Только тут все кусочки мозаики сложились в одну картину...

— Э, гражданин, кончай придуриваться! — затрясли за плечо. — Тоже мне, вздумал сознание терять при виде сотрудника органов! Так, а что это у тебя по карманам такое... — раздалось сквозь вату, заложившую плотной пробкой уши. И как-то совсем отстраненно почувствовалось, как опытная ладонь вытаскивает из нагрудного кармана ксерокопии документов, замотанные в целлофановый пакет.

— Ах ты ж, в бога душу мать, через три перехлеста клюзом поперек! — Неожиданно расплывающиеся перед глазами круги сменились песком, и на зубах мелко и противно закрипели куски ракушек. Прострелило болью заломленную руку. — Шпион!

В сознании, которое все не могло определиться, уходить ему или возвращаться, всплыли некоторые мелкие детали. Типа надписей по-украински в бумагах на лодку или обозначения «BG-15» на обоих бортах «Прогресса»...

***Польша, трасса на подходе к белорусской границе.
Ефим Осипович Фридлендер, крупный бизнесмен.***

Фима был помешан на станках.

Нет, в детстве ничего не предвещало неприятностей. Как всякий еврейский мальчик из хорошей семьи, он занимался музыкой с трех лет, а шахматами с пяти. И очень примерно себя вел. Воспитательницы в детском саду нахвалиться не могли.

Папа говорил с сыном по-английски, мама на иврите, все бабушки на идиш. И лишь благодаря деду Фима знал русский. К шести годам он бегло читал на трех языках. (Идиш не считаем, кому он нужен в конце двадцатого века? Разве что потом немецкий легче учить.) И на всех трех мог без ошибок написать свою фамилию и адрес. И возвести двадцать пять в куб за время сидения на горшке в детсадовском туалете. Заметим, что Фима жил на улице имени Серго Орджоникидзе и носил фамилию Фридлендер. И то и другое не всякий взрослый напишет без ошибки даже на одном языке.

А поскольку умудренный жизненным опытом папа закономерно боялся, что любимого сына, умненького, но маленького и толстенького, будут бить в школе, Фиме в четыре года пришлось познакомиться с самбо. К великому ужасу мамы: «Учить драться!!! Фима же приличный мальчик! Он же играет на скрипке и будет вторым Давидом Ойстрахом или Ицхаком Перельманом».

Как папе удалось добиться, чтобы четырехлетку приняли в секцию, и как тренер умудрялся работать с ним, без единого спарринг-партнера в хотя бы близкой весовой категории, — тайна, покрытая мраком.

Но уже через два года не только ровесникам, но и пацанам на пару лет старше связываться с Фимой не стоило. Заодно он перестал быть толстеньким, хотя маленьким и умненьким так и остался.

А еще через год первоклассник Фима увидел в кабинете труда сверлильный станок (ручной, еще дореволюционного выпуска, тот самый «Станокъ Феникса»). И пропал для окружающего мира.

Скрипка (Фимочка, тебе же прочат великое будущее, шо ты себе думаешь?!) была заброшена. Шахматы (у тебя уже второй разряд! Ты же почти Ботвинник!) тоже. Школьная программа Фиме не была нужна до третьего класса минимум, хотя посещать школу все равно приходилось. Домашние задания мальчик приспособился делать под партой во время следующего урока. Учителя этого демонстративно не замечали. В конце концов, ученика лучше в школе не было.

Фима попытался бросить и самбо, но тут уже вмешался папа. В отличие от жены Фридлендер-старший не только хорошо знал, чего хочет, но и умел этого добиваться.

Все остальное время мальчик пропадал в мастерской. Кроме «сверлилки» там были еще токарный и фрезерный. К концу первого класса Фима был в состоянии изготовить на них все, что только можно было сделать на этих развалюхах в принципе. Заодно научился смазывать и ремонтировать сами станки. Ибо ремонтировать их приходилось регулярно. Возраст неблагоприятно сказывается не только на людях.

В начале второго класса трудовик взял его на экскурсию к шефам, на завод имени все того же Орджоникидзе. Экскурсия предназначалась для восьмиклассников, в рамках профориентации, но отказать Фиме педагог не мог. У ребенка прорезались фамильные фридлендеровские черты: он знал, чего хочет, и умел этого добиваться.

Экскурсия Фиму поразила! Станки, на которых делают станки! Его место здесь! О чем он вечером и заявил родителям. Мол, в школе делать все равно нечего, надо бросать и идти устраиваться на завод.

Когда маму отпоили валерианкой, состоялся семейный совет, на котором железный характер Фридлендера-старшего впервые нашел себе достойного противника. В итоге был папой предложен компромисс: Фима продолжает ходить в школу, продолжает заниматься самбо, возвращается в шахматы, начинает дополнительно изучать французский и вечерами,

под руководством мамы, берет в руки скрипку. Взамен папа обеспечивает ему допуск на завод и хорошего наставника, а в дальнейшем не препятствует поступлению в станкостроительный институт, а не в медицинский или юридический, как того хочет снова начавшая коситься на валерьянку мама. Известие о существовании станкостроительного института поразило Фиму настолько, что примирило даже со скрипкой. Только французский категорически заменил на немецкий, потому что лучшие станки делают в Германии, а там говорят на немецком. Что логично.

Каким образом преподаватель медвуза добился для ребенка пропуска на режимное предприятие — еще одна семейная тайна Фридлиндеров. Но все обязательства обеими сторонами были выполнены тик-в-тик.

К десятому классу рацпредложений у Фимы было больше, чем у всех рабочих завода, вместе взятых. Он уже точно знал, на какую конкретную должность на родном предприятии должен попасть. То, что на завод евреев не брали в принципе, волновало его мало. Вообще не волновало, если честно. Это было проблемой завода. До исполнения мечты оставалось долгих шесть лет...

Призы на олимпиадах всех уровней по математике, физике, немецкому и английскому языкам, золотая медаль школы, мастерские звания по шахматам и самбо, персональный концерт в филармонии и красный диплом Станкина, полученный летом девяносто второго года.

Не то чтобы Фима вообще не заметил перестройки. Просто не обратил на нее особого внимания, еще в школе приспособившись читать книги по сопромату, не отвлекаясь на монотонное бормотание политинформатора.

К тому же именно в эти годы к уже имевшимся Фиминым занятиям прибавилось новое увлечение, мгновенно развившееся от первых робких вечерних поцелуев в подъезде до уверенных утренних на диване. В этом вопросе Фима тоже оказался совсем не промах, из-за чего сильно выросли объемы практики по самбо. Впрочем, то, чем занимался Фима в это время, назвать самбо, даже боевым, можно было очень условно.

Единственное, на что он обратил внимание, так это на развал Союза, и то только потому, что отец, услышав по ящику о беловежских соглашениях, впервые в жизни выматерился при жене и сыне и произнес:

— А вот теперь, Галка, похоже, и вправду пора линять.

В отличие от жены, Осип Вениаминович к самой идее эмиграции относился очень плохо. Поэтому эта фраза в его устах прозвучала особенно зловеще. Тем не менее никто никуда не поехал.

В августе тысяча девятьсот девяносто второго года Ефим Фридлиндер стоял перед воротами завода. На завод теперь не брали не только евреев. На завод не брали никого. Завод стоял. Его продукция перестала быть нужной. Станки, на которых делались станки, ржавели под ветшавшими крышами цехов. Рабочие разбежались. Инженеры ушли торговать сникерсами, одеждой и спиртом «Рояль». Директор организовывал акционерное общество, выбирая между последующей продажей контрольного пакета акций и раздачей помещений в аренду. И мечтал побыстрее оказаться с вырученными деньгами как можно западнее.

Цель Фиминой жизни умерла вместе с Советским Союзом.

Но никогда бы не стать Фиме Ефимом Осиповичем, не будь он Фридлиндером. Из случившегося Фима сделал два вывода: «Есть СССР — есть станки, нет СССР — есть бардак» и «Свое счастье надо ковать своими руками не отходя от кассы». Раз для него на родине нет завода, он его построит лично. И именно в России, а не в Израиле, Германии, Канаде или тем более Америке (Штаты Фима не любил изначально нелюбовью крайне иррациональной, разумных объяснений не имевшей). Причем завод будет такой, какого нет ни у кого и нигде! Но для этого нужны были деньги. Много денег!

Следующие восемнадцать лет Фима делал деньги. Автосервис, торговля машинами и стройматериалами, собственная биржа, банк... Он был жесток. Очень жесток. Временами даже жесток. Конкуренты убирались любыми методами. Бандитские авторитеты Москвы не

то что не «кидали предьяв», они очень уважали (читай — смертельно боялись) Фиму. Слабых мест у Фридлендера не было, родители в девяносто третьем перебрались-таки в Израиль, а одну женщину из всех любвеобильный Фима так и не выбрал. Впрочем, откровенным криминалом Фима не занимался принципиально, как и политикой. По одной и той же причине: не хотел в тюрьму.

В две тысячи шестом Фима уехал в Германию и три года не вылезал с крупновских предприятий и заводов небольших станкостроительных фирм. Деньги и семейный характер открывали любые двери. К марту две тысячи десятого года Фима (какой, к черту, Фима! Ефим Осипович Фридлендер, крупный бизнесмен и уважаемый человек. Владелец небольшой, но очень солидной фирмы в Люксембурге, а не на каком-нибудь Кипре, гражданин РФ и Израйля, солидный акционер одного из израильских банков) получил на руки проект завода. Выкупил производственные корпуса в Подольске. В Германии заказал и оплатил лично отобранное оборудование. Большую часть времени проводил в воздухе между Москвой и Берлином, успевая контролировать как реконструкцию корпусов, так и изготовление станков.

И вот час настал. Во главе вереницы фур Фима подъезжал к границе Белоруссии. Фуры везли завод. Весь! Вместе с необходимым персоналом для монтажа оборудования, в двух комфортабельных автобусах. Проще и дешевле было отправить его по частям, но Фима хотел устроить себе праздник. Границу бывшего Советского Союза он должен был пересечь ровно в полчетвертого утра двадцать второго июня, в день и час Фиминого сорокалетия. Юбиляр лично вел головной джип охраны. Еще один такой же джип ехал следом за ним, а два замыкали колонну. Польский полицейский, решивший проверить Фимины документы в пяти километрах от цели, сам того не желая, сделал большой подарок перенесенному СССР — к границе Фима подъехал уже после События...

Литва. Полевой лагерь 1-го батальона 62-го стрелкового полка.

Сергей Громов, лейтенант.

Нудно тянется время для дежурного по батальону. Днем этого незаметно, мелкие вроде бы дела отвлекают постоянно, а вот ночью каждая секунда тянется как часы. Доступных развлечений всего два — это борьба с комарами да еще со сном. Причем борьба со сном тяжелее, чем с комарами. По совету хозяйственного старшины Тюкалова, вечером палатку обкурили, оставив в ней на полчаса тлеть какую-то подобранную самим старшиной травяную смесь, поэтому теперь комары появлялись внутри, только сильно заблудившись или с большого бодуна.

Сергей встал, потянулся и завистливо покосился на спящего старшину. Спит как ни в чем не бывало, ни огонь трехлинейной лампы, ни передвижения самого лейтенанта и сидящего неподалеку разводящего ему нисколько не мешают. И спать ему еще примерно час, прикинул, зевая, лейтенант. Самому тоже спать хотелось неимоверно. Наступило то самое предрассветное время, когда даже самые стойкие часовые клюют носом, а сидящие дремлют с открытыми глазами, не замечая ничего вокруг. Время, которое его друзья детства из далекого теперь Нижнеудинска называли «часом между волком и собакой». Посмотрев на клюющего носом разводящего, лейтенант вышел из палатки на свежий воздух и огляделся. Да, небо уже начинало светлеть. Стоящий на посту боец Черемисов, заметив начальство, встрепенулся, придавая себе бравый вид. Лейтенант открыл рот, чтобы позвать разводящего, и в это мгновение грохнуло. Нет, не просто грохнуло, ЗАГРОХОТАЛО.

Вокруг словно выросли огромные кусты. Над головой ошеломленного лейтенанта что-то просвистело. Черемисов вдруг взмахнул руками и, бесшумно открывая рот в беззвучном, неслышном на фоне всеобщего грохота крике, упал. Из образовавшейся на месте носа дыры вдруг необычно медленно, словно в кино, когда пленку неожиданно заедает, плеснул черный фонтанчик, заливая лицо. Лейтенант стоял, оцепенев и пытаясь осознать случившееся, когда выскочивший из палатки Тюкалов сбил его с ног. Земля, на которую они упали, тяжело тряслась. Грохот затих, и Громов вдруг услышал пронзительный человеческий вой. В нем

было столько боли, что Сергей невольно содрогнулся.

— Лейтенант, очнись! Война это! — прорезался в ушах крик старшины.

— Караул, в ружье! Разводящего сюда! — среагировал Сергей, но, увидев лицо старшины, вдруг ясно осознал, что ни разводящего, ни лежащего неподалеку Черемисова уже не поднять никому.

Выскочивший откуда-то сбоку, словно чертик из табакерки, старший лейтенант Михеев поразил Громова своим видом — грязный, словно его специально валяли в луже, с большой дырой на правой стороне гимнастерки, рот, оскалившийся в гримасе-улыбке — он был совершенно не похож на себя обычного.

— Лежите? Ну, ничего, главное — живы. Лейтенант Громов, — скомандовал он, — быстро собирай третью роту, бери уцелевшую сорокапятку и шуруй в опорный пункт. Займешь правый фланг. Старшина, — стоящий, как только сейчас заметил Сергей, с сапогами в руках Михаил вытянулся по стойке «смирно», — обуваешься, снимаешь уцелевших часовых и принимаешь командование над минометчиками. С ними — на позиции. Выполнять! — прикрикнул Михеев, видимо заметив колебания лейтенанта и добавил: — Комбат и политрук убиты, средних командиров всего пятеро осталось, про бойцов вообще лучше не спрашивайте. Понятно?

— Есть! — дружный ответ подчиненных донесся уже до спины Юрия, устремившегося куда-то внутрь палаточного городка, вернее, того безобразия, которое появилось на его месте после огневого налета.

Следующие полчаса пролетели для Сергея незаметно. Привычные командирские хлопоты, помноженные на общий бардак после внезапного обстрела, приглушили тяжелые впечатления от впервые увиденных человеческих страданий и кровавых картин — истинного и совсем не героического лица любой войны.

Через полчаса уцелевшие красноармейцы третьей роты, подгоняемые Сергеем, подбегали к заранее вырытым окопам, когда с неба донесся странный завывающий гул.

— Воздух! Самолеты противника! — крикнул кто-то. Необстрелянные солдаты остановились, задние давили, и образовалась своеобразная куча-мала. Кто-то упал, громынула выпавшая из рук винтовка. Постепенно образовывалась неуправляемая толпа. Сообразив, Громов закричал изо всех сил, чуть не сорвав глотку:

— Что встали?! Вперед! Не скапливаться, по окопам, кто не успевает — ложись, прекратить движение! Сейчас бомбить будут!

Его команды подхватили уцелевшие сержанты, бойцы стали разбегаться в разные стороны и ложиться, кое-кто прыгал в окопы. Ездовой противотанковой пушки, сообразив, направил запряжку чуть в сторону. Подскакивающая на кочках сорокапятка в несколько мгновений буквально долетела до ближайшего пулеметного окопа. Артиллеристы быстро, в одно неумовимое движение, отцепили пушку и закатили в окоп, ездовой погнал коней к ближайшим кустам...

В этот момент с неба раздался страшный, все усиливающийся вой.

Сергей, успевший заскочить в ближайшую траншею, поднял голову. Ведущий бомбардировщик с пронзительным ревом падал, как показалось Сергею, прямо на его окоп. И будто тяжелый пресс начал втискивать тело в землю. Самолет рос на глазах, увеличиваясь в размерах, его высокий нарастающий вой набирал все больше силы и делался нестерпимым. Сергей отчетливо видел человеческую фигуру в застекленном носу и голову летчика в кабине. От брюха самолета отвалилось несколько круглых предметов, быстро устремившихся вниз. «Это же бомбы!» — внезапно сообразил Сергей...

Самолет, показав на серовато-голубых крыльях черные кресты в белых угольниках, вышел из пике и взмыл вверх. А вместо него уже падал вдогонку свистящим бомбам второй. Сергей непроизвольно упал на дно окопа и сжался в комок. Вокруг загрохотало с такой ужасающей силой, что на какие-то мгновения он будто окунулся в небытие, ощущая при этом ворвавшийся в окоп горячий и смрадный вихрь.

Прошла, казалось вечность, пока Сергей, опомнившись, поднялся и выглянул из окопа.

Но, к его удивлению, в небе еще пикировал четвертый самолет из, как он вдруг мгновенно сосчитал, налетевшей девятки. Внезапно в голову пришло решение, и он опять, надсаживая глотку, закричал:

— Внимание!.. Слушай мою команду! По воздушной цели!.. Прицел три!.. Упреждение один корпус! Залпом! Пли!

К его удивлению, сквозь вой самолетов и грохот разрыва очередной бомбы до него донеслись слабые отзвуки команд: «Пли!» Залпа не получилось, но вначале жидко, а потом дружнее затрещали выстрелы. Зататакал где-то один пулемет, за ним — второй. Пикировавший самолет, тут же поспешив сбросить бомбу, с отворотом вышел в пике и набрал высоту, причем за ним, тая в воздухе, потянулась тоненькая черноватая дымка. Оставшиеся три не успели перейти в пикирование, когда откуда-то сверху, треща пулеметами, на них свалился небольшой, кургузый истребитель с красными звездами на крыльях. Один из пикировщиков вдруг резко клюнул носом и, непрерывно ускоряясь, начал валиться прямо на окопы.

Успев крикнуть: «Прекратить огонь, ложись!» — Сергей снова упал на дно окопа и, обхватив руками непокрытую голову, изо всех сил вжался в дно траншеи. И будто бы оказался в центре землетрясения, сопровождаемого превосходящим даже ранее услышанное грохотом...

Когда он, отряхивая с себя крошево земли и мучительно вспоминая, куда же делась его фуражка, поднялся и, слегка пошатываясь, двинулся по траншее к стрелковым ячейкам, впереди раздались крики:

— Немцы! Противник с фронта!

Подбежав к пустой ячейке, лейтенант поднял неведомо как попавший в руки и чудом уцелевший при бомбежке бинокль. Впереди, не торопясь и не разворачиваясь в боевой порядок, словно не опасаясь никакого сопротивления, шла колонна пехоты. Впрочем, Сергей сразу заметил, что впереди, примерно метрах в пятистах от окопов и в километре от колонны, движется цепью около взвода пехоты в непривычных, мышиного цвета мундирах.

— Приготовиться к отражению атаки! — крикнул Громов скорее по привычке, чем ожидая какого-либо ответа. К его удивлению, справа и слева его команду продублировали чьи-то голоса, а через минуту к нему подбежал боец и, отдав честь, что выглядело несколько комично, так как из траншеи он не высовывался, доложил:

— Товарищ лейтенант, оружие к ведению огня по колонне готово, старшина Иванчук спрашивает когда?

— Дождитесь, когда я прикажу открыть огонь пулеметам, и начинайте!

— Есть!

Едва боец скрылся за углом траншеи, как немцы несколько раз выстрелили. Пуля просвистела над головой, но Сергей даже не пригнулся, продолжая наблюдение. Наконец он прикинул расстояние до ближайшего ориентира и крикнул:

— Прицел три, роте и ручным пулеметам по головному дозору, станковым пулеметам по колонне, огонь!

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

Коваленко В. В., капитан первого ранга, командир РПКСН.

Войдя в центральный пост, Владимир сразу дал команду осмотреться в отсеках, подспудно ожидая, что какая-нибудь банальная причина неисправности все же найдется. Не торопясь, словно дополнительно контролируя обстановку, он прошелся по посту, ожидая доклада от связистов. Подошло, наконец, время сеанса связи. Томительно протянулась минута, две... доклада все не было. Коваленко не выдержал:

— Связь! У вас там что, колхоз? Где доклад? Что с сеансом?

— Товарищ командир, докладывает командир БЧ-4, аппаратура в строю, но сигнала на

БАУ⁴ не наблюдаю. Рекомендую всплыть и принять промежуточный сеанс со спутника.

— Объявляйте тревогу на всплытие. — Капитан с непроницаемым лицом уселся в свое кресло. Невозмутимый вид вполне соответствовал внутреннему состоянию Владимира. Он с пугающей ясностью осознал, что практически единственной реальной причиной может быть только глобальный ядерный конфликт. Этот вывод моментально снял все поводы для волнения, так что теперь командир, внимательно наблюдая за действиями подчиненных, спокойно, словно автомат, обсчитывал возможные причины и варианты действий, задавив любые мысли об уехавшей к своим родственникам на пару недель жене, о дочери, о престарелой матери, одиноко доживающей дни в Челябинске.

— Есть! Учебная тревога!

Гулкий голос вахтенного инженер-механика прокатился по отсекам. Стальной левиафан начал оживать. По лодке словно пронесся вихрь. Отдыхавшие матросы, мичманы и офицеры вскакивали с постелей и, на ходу одеваясь, заученными за время службы маршрутами устремлялись в свои отсеки. Наконец все успокоилось, стоящие у своих постов люди внимательно вслушивались в тихо фоновые динамики внутрикорабельной трансляции. Наконец крайний отсек доложил о готовности к бою. Потянулись доклады боевых частей.

— Выполнены мероприятия по готовности к старту десять минут. Выполнены меры безопасности при всплытии. Прослушан горизонт, рекомендованный курс всплытия... — доложил командиру старпом.

— Всплывать на глубину десять метров с дифферентом три на корму. Иметь ход пять узлов.

— Есть. Пульт, держать... оборотов, — отозвался механик.

— Есть всплывать на глубину десять метров с дифферентом три на корму, — отпортовал боцман. — Всплываем, шестьдесят... пятьдесят... сорок... двадцать... Есть перископная!

— Поднять перископ, осмотреть горизонт и воздух.

— Осмотрены горизонт и воздух. Горизонт и воздух чисты!

— Поднять антенны связи, радиоразведки, астрокорректор, УДК, открыть вахту в радиосетях, определить место, пополнить запас ВВД.

— Товарищ командир, — спустя пару минут отозвался связист, — открыта вахта в радиосетях, есть связь со спутником. Но КП флота молчит, на частотах главкомата тоже ничего! КП МСЯС молчит! Сеанса связи нет! Перехвачены позывные радиостанции, э-э... «Коминтерн»... в Москве, и метки времени по Москве!

— Так, принято! Штурман место взял? Отлично! Боцман! Погружаться на глубину двести метров, опустить выдвижные! Закрывать вахту в радиосетях, — лодка, на какие-то минуты глотнувшая морозного воздуха открытым зевом УДК, устремилась обратно в пучину.

— Глубина двести метров, — доложил боцман.

— Иметь минимально малозумную скорость.

— Есть! Скорость три узла!

— Так, играйте отбой, комбатов ко мне в салон, — произнес тихо Владимир и вышел из центрального.

— Отбой учебной тревоги! Второй боевой смене заступить! Командирам боевых частей, начальникам служб, оперуполномоченному ФСБ прибыть в салон командира!

Пока все собирались, Владимир неподвижно сидел во главе стола и только все больше мрачнел, наконец, когда все собрались, он начал:

— Согласно имеющимся указаниям⁵ в случае отсутствия связи в течение суток и

⁴ Буксируемое антенное устройство.

⁵ Указания, конечно, не такие, и процесс разблокировки выглядит иначе, но секретность есть секретность.

наличия угрозы начала боевых действий мы имеем право на самостоятельный запуск ракет. Однако сигнала о наступлении «особого периода» мы не получили. — Командир внимательно посмотрел на подобранных офицеров. Особист, усевшийся в углу, незаметно для остальных одобрительно кивнул. — Но по показаниям НК и по мнению командира БЧ-один, на нас совершено либо нападение с применением ядерного оружия, либо произошел глобальный природный катаклизм. Я склоняюсь ко второму варианту, учитывая наличие спутников связи. В глобальной войне их бы сбили первыми. Поэтому я решил... — Владимир слегка, практически незаметно для глаза, замялся, — я решил сначала выслушать ваши рекомендации, по линии ваших боевых частей, а потом принять окончательное решение. Командир БЧ-один? Ну, ваше мнение почти понятно...

— Есть, товарищ командир. Место я определил, нас унесло почти к территориальным водам. Если ляжем на грунт, дно позволяет, то можем так лежать долго, и для стрельбы ракетами уточнять место не понадобится, и всплывать будет не надо... и супостат нас не найдет. Ракетную готовность обеспечу.

— БЧ-два — вы?

— Думаю, что все же это война, товарищ командир. Нам нужны только данные штурмана и энергия, к стрельбе будем готовы. Готов вскрыть пакеты с шифрами разблокировки...

— БЧ-три?

— Война, товарищ командир... А в остальном — мы готовы.

— БЧ-четыре?

— Также рекомендую лечь на грунт, но для того чтоб подвсплыло БАУ. Московская радиостанция же работала. Я на эту антенну смогу принять сигнал, может быть, дадут новости в эфир. Вдруг действительно какой катаклизм, а мы тут миллионы поворотом ключа уничтожим!

— Поддерживаю, командир, — первым, почти не задумываясь, ответил замполит. Немного подумав, утвердительно ответили командиры боевых частей пять и семь, начхим, доктор, последними — старпом, капитан второго ранга Юрий Юрченко, и особист.

— Что же, раз так решили — всем по постам. Вам, Юрий Юрьевич, сейчас руководить покладкой на грунт. — Присутствующие один за другим вставали и выходили из салона. Когда у двери остался заместитель по воспитательной работе, Владимир добавил: — Глеб Иванович, обязательно ознакомьте команду с ситуацией и нашими дальнейшими действиями. — И тут же он обратился к неторопливо поднимающегося со своего места особисту: — А вас, Олег Николаевич, я попрошу задержаться.

Словно ожидавший этого, оперуполномоченный ФСБ неторопливо, но тщательно прикрыл полуоткрытую дверь и, развернувшись, сел напротив командира.

— Олег Николаевич, вы понимаете, что мы сейчас находимся в очень сложном положении? — начал Владимир, внимательно следя за реакцией сидящего напротив. — Резкое исчезновение связи на боевом дежурстве... внушает серьезные подозрения. Прошу вас внимательно проверить этот вопрос. Может, это все же проблемы с матчастью связи? Как раз ваша работа. Вы не хуже меня знаете, что по инструкции при отсутствии связи я обязан привести корабль в боевую готовность и ввести коды целей и запуска. Но спутники-то свидетельствуют о мирном периоде. Вам ничего не известно... по вашей линии?

— Нет, Владимир Владимирович, ничего. Не думаю, что командование могло бы оставить нас в неведении. Поэтому считаю ваше решение единственно правильным. Разрешите идти?

— Идите, — командир выглядел слегка разочарованным, но в то же время на его лице явственно можно было разглядеть облегчение. Нет, стать человеком, в мирное время уничтожившим Нью-Йорк, Лондон, Париж и так далее, нужно подчеркнуть, ему вовсе не улыбалось, несмотря на весь боевой настрой.

— Прорвемся, товарищ командир, — добавил на прощание особист и, четко развернувшись, вышел из салона. Теперь оставалось только ждать. Ждать либо сигнала,

либо... Ждать, успокаивая себя и пережигая тонны нервных клеток. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять — говорит пословица, и командиру ракетного крейсера стратегического назначения предстояло испытать ее правоту на собственной шкуре.

Маневр покладки на грунт окончился штатно, старпом не подвел, и весь корабль замер в ожидании вестей с Родины. Наконец молчание прервалось докладом из рубки связи.

— Центральный, появился сигнал радиостанции «Коминтерн», идет прием информации.

— Рубка, докладывайте! — Поднявшийся командир чуть не спрыгнул с кресла.

— Товарищ командир, докладывает капитан-лейтенант Пархоменко! — Выведенный на динамик голос заставил всех встrepенуться. — По результатам радиоразведки мы наблюдаем нечто странное. Количество голосовых передач на русском очень мало, перехваченная единственная радиопередача... — Пархоменко замолчал, напряженно дыша.

— Что там, не тяните, — недовольно заметил Коваленко, оглядывая напряженные лица собравшихся в ЦП.

— Слушайте сами, — наконец выдал из себя Пархоменко, — мы ее записали... — и включил трансляцию. — И еще... Передачи на остальных языках отличаются от передач на русском. Они по-прежнему о новостях две тысячи десятого.

В отсеке воцарилась напряженная тишина.

— Либо наша аппаратура от этого удара окончательно вышла из строя, либо наши доблестные маркони дружно бредят, или на берегу кто-то остро пошутил, — выдал свой вердикт Дойников.

— А вы не рассматриваете четвертую возможность? — Стоявший до того в стороне сотрудник особого отдела капитан Горошков посмотрел на обернувшихся к нему офицеров и продолжил: — А если вместо Российской Федерации действительно СССР сорок первого года?

— Нет, Олег Николаевич, я, конечно, понимаю, что вы увлекаетесь фантастикой, но мы находимся в реальном мире, — ответил особисту командир и впервые за все это время улыбнулся.

Подмосковье. «Ближняя дача».

Иосиф Виссарионович Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

— Товарищ Сталин, — негромкий голос Власика заставил вождя встrepенуться и, побряхтывая негромко (где мои семнадцать лет), натянуть сапоги. Спал он не раздеваясь, вернее, даже не спал, а так — прилег на диванчике.

— Война? Нэмцы? — давно ожидаемое, то, о чем думалось постоянно, невольно вырвалось в первую минуту полусна-полуяви.

— Никак нет, товарищ Сталин. Точнее, да, вы правы. Провокация в Прибалтике, обстреляны пограничные районы. Поступили донесения о боестолкновениях с Дальневосточной границы. Потеряна связь с Белостоком, штабом десятой армии и штабами некоторых других частей в ЗапОВО и КОВО. У телефона товарищ Тимошенко.

— Понял. Вызывайте товарищей Маленкова, Молотова и Берию, готовьте машину, пока я буду говорить с военными. — Уже окончательно проснувшийся, Иосиф Виссарионович выглядел абсолютно невозмутимо, и только слегка, практически незаметно, дрожащие руки выдавали его волнение.

г. Мариуполь.

А. Е. Огурцов, лейтенант, уполномоченный РКМ НКВД.

Машину из «главка» пришлось ждать долго. Почти два часа прошло с того момента, как умчался в порт гонец, выбранный Прокофьевым среди зевак. Звонок с проходной переполошил весь отдел, но, как обычно бывает в воскресенье, все пошло наперекосяк. Сначала не могли найти ни одного водителя. Начальник гаража и подумать не мог, что ранним воскресным утром может понадобиться транспорт, поэтому отпустил дежурную

смену домой. Потом форсистая «эмка», полученная всего год назад, намертво заглохла, и для ее запуска потребовался бы не один час половецких плясок в исполнении механиков. Лейтенант, плюнув на все, уже собирался идти пешком, благо идти часа три, не больше. Глядишь, и попутка какая подбросит. Наконец, растревоженная «кривым стартером», прокрутившим все нутро, ожила полуторка. Чертыхаясь и проговаривая про себя «малый боцманский», лейтенант запрыгнул в тесную кабину, предоставив группе кузов. Ровно через полтора часа они сумели выехать за ворота отдела...

До самого места происшествия, от дороги, естественно, добираться пришлось пешком. Старая потертая полуторка больше по шоссе ездить приспособлена. Песчанка не зря так зовется. Все засыпано. Пески, конечно, не зыбучие и Сахаре по всем показателям уступают. Но с дороги свернешь, через два метра машина на брюхо сядет. Придется лопатой махать и с бортов доски скручивать, чтобы под колеса просунуть. Так что, будь ты даже начальник УНКВД УССР, и то ножками пойдешь, а уж если ты только лейтенант народной рабоче-крестьянской милиции, то тем более...

При виде подъехавшего пополнения местные поспешили рассосаться. А то возьмут на карандаш, назначат свидетелем и доказывай потом, что ты не Хищенко.⁶ Осталась лишь парочка самых любопытных. На полдороге лейтенант остановился, пропуская вперед подчиненных. Снял фуражку, вытерев вспотевший лоб. Вдумчиво оглядел место происшествия, заранее прикидывая, что к чему и с чего начать. Основой, так и притягивающей взгляд, была, конечно, лодка. Вернее, даже маленький катер, метров пять с хвостиком в длину, обводами неуловимо смахивающий на миноноску. Только очень маленькую. В Мариуполе даже сторожевики не базировались, но Огурцов родился в Севастополе, и в хищных обводах боевых кораблей разбирался неплохо. Еще в катере грудился чуть ли не с десятков мешков, все в крупной чешуе, различимой даже издали.

Возле лодки, прямо на песке, лежал человек. Судя по неестественной позе — мертвый. В комбинезоне, похожем на танкистский, такой же синий и замасленный. А возле катера нарезал круги милицейский сержант с «наганом» в руке. Зачем ему «наган», лейтенант так и не понял. Но, решив раньше времени голову не забивать, пожав плечами, продолжил путь, загребая песок сапогами. Сержант, разглядев новоприбывшего, тут же помчался навстречу, попытавшись чеканить шаг по пляжу, но, сообразив, как глупо это выглядит на песке, прекратил после третьего же шага. «А что, молодец, соображает. Ладно, чтобы не расслаблялся, нажмем малость. Брови в кучу, лицо посуровей, в голос металла».

— Лейтенант Огурцов. Докладывайте, товарищ сержант. Кого вы тут так поймали, что он при задержании очутился?

— Товарищ лейтенант! — Вытянулось лицо у сержанта. — Я ж его и пальцем не тронул! Руку на захват взял, как в школе милиции показывали, и все! Только он посинел, задергался и помер!

— Вижу, что помер, — хмыкнул лейтенант, косясь на «шпиона». Эксперт-криминалист Федя Сергеев уже сфотографировал тело в куче ракурсов и теперь пытался перевернуть усопшего на спину.

— А скажи-ка мне, сержант... — Огурцов выбил из пачки две папиросы, протянул одну милиционеру, вторую закурил сам. — Почему ты решил, что он — шпион? Может, просто рыбак? К тому же сам посмотри, — лейтенант кивнул на труп. — Он же древний, как бивень мамонта. Кто в здравом уме будет его отправлять? Он же от старости рассыплется.

Судя по решительному лицу, сержанта тоже посетили подобные мысли, и он отважно бросился в наступление, размахивая руками:

— Так старый вражина, матерый! Я как увидел, сразу понял, что шпион! А он меня заметил, так сразу руку за пазуху, за пистолетом! А как я его — хват, пистолет уронил! Его волной и унесло! А документы я нашел, товарищ лейтенант! Они еще в целлулоид

⁶ Капитан порта, в 1937-м расстрелянный. За дело.

замотанные были... — И сержант протянул Огурцову злополучные бумаги.

Лейтенант наскоро пролистал врученное. Скверные фотокопии непонятно чего. Еще и напечатано все по-украински. С апострофами и прочими буквами, перекочевавшими чуть ли не из церковно-славянского. Написанное Огурцов понимал, не все, конечно, но большую часть. На курсы в далеком тридцать втором ходил ведь исправно, кое-что в голове засело до сих пор. Язык не удивлял. Удивляли печати с трезубцами. «Националисты украинские?» — мелькнула шальная мысль. Впрочем, почему шальная? Действительно, многое подходит под эту версию. Что старый, так, может, прав сержант, и враг матерый. С Петлюрой еще начинал, к примеру, или с батькой Махно. Ну а документы в корень негодные, так это в качестве опознавательного знака. «Рабочие», которые проверку пройдут, должен был связник принести, а его сержант спугнул. Прошерстить местных? Надо на заметку взять данный вопрос и не забыть «соседей» поставить в известность. «Петлюровцы» как раз по их профилю. Непонятно только, к чему такая экзотика? И такой приметный катер? Лейтенант достал из кармана финку и царапнул по борту. Осталась глубокая царапина серебристого цвета. Действительно, кольчугалюминий...⁷ Интереснее все получается и интереснее. Еще и мешки с рыбой. Зачем столько? Если хотел рыбаком прикинуться, и одного хватило бы. Интерес ради лейтенант полоснул ножом по натянувшемуся боку мешка из какого-то странного материала. Мешок с радостным треском лопнул, и на лейтенанта уставилась рыба голова. Нет, скорее морда, если даже не мордища...

— Товарищ лейтенант, а мне тут как? — забеспокоился сержант. Еще бы не беспокоиться. Все содержимое катера, чуть ли не под метелку выметенное, загрузили в грузовики. Лейтенантскую полуторку и второй «газик», взятый в Управлении порта «напрокат». — Вы уедете, а мне чего? Сидеть, катер сторожить?

— Ну да, — сделал вид, что не понял вопроса, Огурцов. — Тебе, товарищ сержант, приказываю сидеть и сторожить катер. Курить, так уж и быть, на посту разрешаю, — заметив, как сереет лицом сержант, со смехом добавил: — Я на судоремонтный отзвонился, обещали после обеда буксир подогнать. Как заберут — в отдел зайдешь. Рапорта писать будем.

— Так точно, товарищ лейтенант...

Восточная Пруссия — Польша.

Ганс Нойнер, унтерштурмфюрер СС, дивизия «Мертвая голова».

Утром двадцать второго унтерштурмфюрера Ганса Нойнера волновали огромные проблемы, в количестве двух штук. Первая заключалась в том, что его командир, гауптштурмфюрер Фриц Кнохляйн, вместе с командиром батальона, с утра пораньше, сразу после зачитания приказа о войне против СССР, убыл в штаб полка, оставив его старшим по роте. Вторая логически вытекала из первой — оставшись во главе своего подразделения в гордом одиночестве, Ганс должен был руководить ротой. Конечно, дивизия находилась в резерве и особых проблем не ожидалось, но унтерштурмфюрера томило некоторое нехорошее предчувствие. Почти как во Франции перед приказом о расстреле англичан. И как всегда, не обмануло. Не успел командир роты вернуться, как Ганса вызвали к подъехавшей машине, из которой вышел не кто иной, как начальник штаба дивизии — штандартенфюрер Хайнц Ламмердинг. Незапланированное присутствие начальства, как известно, в подавляющем большинстве случаев является предвестником неприятных известий. Вдобавок на лице начальника штаба было нарисовано такое неудовольствие, что сердце Ганса екнуло. Вскинув руку в приветствии, Нойнер бодро отрапортовал о том, что за истекшее время в роте никаких происшествий не произошло, личный состав отдыхает. Ламмердинг, выслушав стандартную скороговорку рапорта, спокойно кивнул, словно сдерживая свое плохое настроение, и уточнил, где находится командир роты. Узнав, что в штабе полка, он слегка

⁷ Название дюралюминия в СССР до войны.

поморщился, после чего приказал поднять роту по тревоге, погрузить в автомобили стоящей неподалеку колонны и вместе с приданным взводом штурмовых орудий выдвинуться назад к Инстербургу⁸ и далее на Ангербург.⁹

— Поступили сведения о наличии в этом районе польских вооруженных бандитов, возможно, даже о восстании. Разберитесь и установите, что происходит. Заодно узнайте, что произошло с нашей колонной снабжения. Она должна была пройти тот район, но не появилась до сих пор. Приказ ясен?

— Так точно.

Через десяток минут Ганс вместе со старшим унтер-офицером роты, гауптшарфюрером Куно Клинсманном, уже всю подгоняли солдат, набивавшихся в кузова «Мерседесов».

Еще час — и перед изумленными глазами эсэсовцев появилась натуральная польская граница, со зданием, увенчанным белой польской «курицей».

— Когда они только успели? — удивленно заметил Нойнер, выбираясь из кабины. Обернувшись к кузову, он громко скомандовал:

— К бою!..

А к вечеру Ганс вместе с командиром батареи штугов оберштурмфюрером Хорстом Крагом и подъехавшим Кнохляйном уже осматривали поле побоища. Солдаты деловито строили в колонну собранных по ярам и буеракам пленных. Выглядели поляки неважно, повинувшись отрывистым командам конвоиров, словно автоматы, они смотрели вокруг обезумевшими глазами, но на ногах стояли более-менее твердо — всех, кто был серьезно ранен и не мог идти, добивали на месте, чтобы не возиться.

Фриц подвел общий итог наблюдениям:

— М-да, неплохо мы поработали.

— Еще бы, два боекомплекта расстрелять, да еще и по ограниченному пространству...

— Кому как, моим штугам и одного за глаза хватило.

— Ага, зато вовремя. Фриц, видал те керогазы, что штуги на въезде в поселок подбили?

— Видал, правда, так и не понял, что это за катафалки бронированные.

Ганс с Хорстом весело засмеялись. Они успели осмотреть поле боя и уже выяснили, что это за «звери».

— Не ты один! Пошли, посмотрим вблизи, тогда будет наглядней...

Троица офицеров развернулась и вскоре выбралась к въезду в деревню, где и стояли, жидко дымя, три упомянутых автомобиля, странных, но, несомненно, военного назначения. Вернее, стояли только два из них, так как третий буквально развалился на части, превратившись в бесформенную грудку железа, отдаленно напоминающую сложившийся картонный домик.

— Бронеавтомобили, — разочарованно отметил Кнохляйн, — и что такого? Напоминают наши времен рейхсвера для перевозки пехоты.

— То-то и оно. Только бронированы намного сильнее. Мы уже посмотрели, и наш спец по взрывчатке Бруно уверяет, что они и мину могли выдержать.

В этот момент будущее и показало свои клыки. Из-за недалекой рощи неожиданно выскочило несколько странных летательных аппаратов. На каждой из похожих на автожир-переросток, что-то вроде кабины от виденного Гансом американского «Дугласа» с приклепанным к ней длинным хвостом, машине¹⁰ висело по несколько странных трубчатых устройств, почему-то напавших Гансу о «небельверферах». И как он понял в следующую секунду, не зря напавших. Аппараты зависли. На концах труб вдруг вспухли клубы

⁸ Черняховск.

⁹ Венгожево.

¹⁰ Ми-2УПР польского производства.

дыма. Офицеры упали за бронированный борт подбитого бронетранспортера, с ужасом наблюдая, как взрываются одна за другой пытающиеся съехать с дороги самоходки. Уничтожив бронетехнику, аппараты развернулись практически на месте и открыли огонь по залегшим пехотинцам из пушек и пулеметов. Несколько очередей попали прямо в построенную колонну пленных, разбросали в стороны не успевших залечь охранников. Уцелевшие поляки, воспользовавшись гибелью охраны, бросились врассыпную. Залегшие эсэсовцы открыли по ним огонь. Некоторые из бегущих сразу упали, но остальные продолжали зигзагами мчаться в сторону спасительного леса. Нойнер увидел, как Куно и еще один эсэсман, имени которого он вспомнить почему-то никак не мог, установили пулемет на колесе подбитой машины. Длинная очередь задела один из автожиров-переростков. Он как-то странно завилял, задымил и начал падать куда-то за рошу. Остальные резко разлетелись в стороны и быстро скрылись за горизонтом. Офицеры, ругаясь, вскочили и устремились к своим солдатам и горящим штургам...

Польша. Где-то под Сокулками.

Сергей Верещагин, ефрейтор в/ч 1825. ¹¹

«Ну, белобандиты польские, вы у меня еще дождетесь! С-с-суки. Зубами рвать буду за своих ребят». Осторожно повернувшись на правый, менее промокший бок, он еще раз проверил, насколько хорошо обернут затвор «светки». Не дай бог вода или грязь попадет — и все, останется он безоружным, с одними гранатами. Вздохнул, сдувая текущие по лицу потоки воды, и подумал, что прежняя, образца одна тысяча восемьсот девяносто первого дробь тридцатого, «мосинка» была куда надежнее. Время тянулось медленно. Стараясь отрешиться от холодного, непонятного настоящего, ушел в воспоминания, продолжая следить за дорогой. Странной дорогой со странным покрытием...

Утром их часть неожиданно подняли по тревоге, не просто для проверки, а с выходом в район сосредоточения и выдачей боекомплекта. Ничего конкретного не говорили, но командиры ходили с глазами бешеной собаки — видимо, сами знали не больше остальных. Ходили слухи о немецких диверсантах, прервавших сообщение с приграничными частями. Но Сергей сразу понял, что началась война, не могли их просто так поднять, да еще и боевые патроны выдать.

К заданному району пришлось бежать в полном боевом. Их рота, хотя и числилась мотоциклетной, мотоциклов имела едва треть от штатного количества. Николай, из прошлогоднего призыва, «сдох» на полпути, пришлось ему помогать. Сергею досталась винтовка. Ничего, он-то покрепче этого городского хлюпика, добежал нормально.

Продышались. Командир роты, старший лейтенант Махоненко, на повышенных тонах объяснял комбату, что он командует разведчиками, а не связистами. Товарищ капитан в ответ на том же командно-матерном напоминал старлею, что возможна встреча с немецкими парашютистами-диверсантами, и вообще-то товарищ старший лейтенант командует ротой разведчиков Красной армии, а не монашками, и обязан выполнять приказ!

Конечно, Махоненко ответил: «Есть!» — и злой как тысяча чертей, для начала устроил всем разнос за отсутствие порядка, после чего приказал младшему лейтенанту Туташхия взять два броневика, грузовик и десяток солдат и отправиться для установления связи.

Ехали осторожно, учитывая неизвестную ситуацию впереди и возможность столкновения с диверсантами. Но все равно первая стычка с польскими жандармами стала для всех большой неожиданностью. Неизвестно откуда взявшиеся призраки несуществующего государства нагло пытались остановить колонну, но уstraшенные очередью поверх голов, разбежались. Тормозить не стали, кажется, младшой решил сообщить о случившемся по радию, которая имелась на большом броневику. Поехали дальше, удивляясь идеально гладкой дороге, странным сооружениям вдали и непонятно

¹¹ 29-й разведывательный батальон 30-й танковой дивизии, Гродно.

откуда появившемуся и испуганно свернувшему к обочине при виде броневику, лимузину неизвестной марки. Еще через десяток километров дорога раздвоилась. Колонна остановилась, лейтенант разрешил всем размяться, а сам попытался сориентироваться по карте. Судя по междометиям помогавшего сержанта, определиться никак не получалось. Так бы блуждали красноармейцы по неведомым путям изменившимися дорожками, если бы не неожиданное появление вооруженной банды на грузовиках. Одетые в странную, не немецкую и не польскую, пятнистую униформу бандиты внезапно окружили стоящую колонну и по-польски, а затем и по-русски потребовали сдаваться. В ответ раздалась очередь из пулемета броневика...

Свой первый бой Сергей не запомнил. Кто-то стрелял, он тоже выстрелил несколько раз, было страшно и ничего не понятно. Потом загорелся пулеметный броневик, а в пушечный попало что-то непонятное. И тот взорвался с оглушительным грохотом.

Как Сергей оказался в кустах и почему потерял сознание — вспомнить никак не удавалось. Очнувшись позднее, он осторожно попытался встать. Голова болела и кружилась, ноги держали плохо, но до дороги доковылять удалось. На дороге догорали автомобили и броневики, убитые лежали там, где их застигла смерть. Верещагин несколько минут бродил среди трупов, пытаясь разобраться, кто есть кто, и не узнавая странно изменившихся в посмертии сослуживцев. Потом снял пару не сильно испачканных подсумков, несколько гранат и побрел вперед. Обнаружив подходящее место, Сергей устроил засаду и теперь сидел под внезапно пошедшим дождем и ждал, не появится ли кто-нибудь на дороге.

Неожиданный звук заставил Верещагина насторожиться. Из-за поворота выскочил странный угловатый бронеавтомобиль, больше похожий на обычный грузовик, но с бортами, отливающими металлом. На борту красовался какой-то странный рисунок в виде непонятного зверя и польский флажок, а чуть выше рисунка блестели стекла бойниц. «Вот и пригодились бронебойные патроны. Не зря у старшины других обойм не оказалось. Спасибо, Ефимыч!» — подумал Сергей, пытаясь прицелиться в бойницу кабины быстро приближающегося бронеавтомобиля. Выстрел! Взметнувшаяся после выстрела водяная пыль демаскировала укрытие, но менять его было некогда. Пуля, к удивлению Верещагина, стекло расколотила, но не пробилла. Однако броневик притормозил, дав возможность выстрелить еще несколько раз, и он все-таки попал в водителя. Машина резко развернулась и съехала в кювет. Раскрылись люки, и на дорогу начали выскакивать бойцы в такой же, как ранее увиденная, странной пятнистой униформе. Дальше Сергей действовал на автомате. Выпустив все оставшиеся патроны и держа в руке гранату, приподнялся, не обращая внимания на ответный огонь. Пуля пробилла левую руку. Другая — задела бок, словно огнем опалив тело. Он успел бросить гранату. И попал! Прямо в распахнутый люк. В него попало еще несколько пуль, успел услышать приглушенный броней взрыв и поймать ускользающую мысль: «Обидно». И все исчезло.

2. Брест. Девятая погранзастава.

Андрей Митрофанович Кижеватов, лейтенант ПВ, командир заставы.

Лейтенант пил чай. Которую кружку по счету, точно не сказал бы ни за какие коврижки. Давно и надежно сбился со счета. Но это мелочи. Когда в далеком детстве прочел «Машину времени», случайно завалявшуюся в клубе, долго мечтал о реальности путешествий во времени. Размышлял, что бы сам изменил, что поправил бы. Вот честное слово, даже расстраивался, что невозможно такое. Нельзя на ящеров ископаемых посмотреть, нельзя на Куликово поле выкатить отдельный артдивизион и ударить десятком залпов по живой силе противника. Оказалось, все возможно. Правда, вместо отдельного артдивизиона — пара десятков громадных грузовиков и сотня бойцов, при виде которых в голову пришло единственное определение: «Осназ». Именно такие ребята мелькали порой в погранполосе и растворялись в лесах на той стороне. Кроме того — странная дорога на той стороне реки и пограничный пост более года не существующей Польши.

Так что сидит он сейчас и пьет чай с потомком. Не своим прямым, конечно, с

пришельцем из будущего. Командиром того самого «осназа». А тот, не менее ошарашенный, расспрашивает о каких-то совершенно ненужных мелочах. Оба, короче говоря, испытывают культурный шок, так это, кажется, называется.

Почему-то он сразу поверил, что это не коллективная галлюцинация. Ну а когда представился командиру пришельцев: «Лейтенант Кижеватов!» — один, который самый главный начальник, руку протянул, а второй, по которому видно, что из военных, на долю секунды застыл статуей, вытаращив глаза, а потом выдал, заставив окончательно поверить во все:

— Я вас таким и представлял, товарищ лейтенант. Вы начальник девятой заставы, лейтенант Андрей Кижеватов. Герой Советского Союза, посмертно.

Связались с Кузнецовым. Майор не поверил, потребовав к трубке еще и кого-нибудь из подчиненных. Услышав Шиболаева с тем же самым докладом, коротко матюкнулся и оборвал связь, примчавшись на место вдвоем с комиссаром через двадцать минут. Чуть коней не загнали.

Ну и завертелось. Рапорта, подписанные Кузнецовым, ушли в Минск. По боевой тревоге подняли гарнизон Крепости и, естественно, все пять комендатур. Особо подробностями не одаряли, туманно приказав на провокации не поддаваться, но встречать ружейно-пулеметным огнем любые попытки вооруженных банд нарушить неприкосновенность Государственной Границы СССР.

Старший из пришельцев умотал с Ильиным в Брест, а его «автопоезд» перегнали к заставе. Пить чай. Все равно других дел не осталось. Не спать же ложиться, в самом деле!

2. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Сергеевич Нестеренко, директор ЧОП «Фрида».

Можно спокойно покурить, пока Большое Начальство в Минске и Москве решает, что с нами делать. Вот еще бы понять, кого считать начальством, а кого нет...

Надеюсь, решат быстро. В принципе самый приемлемый вариант — числиться на правах подразделения союзной армии. Ну, а там посмотрим, к чему выйдем. Главное, что на границе никаких осложнений не возникло. Ожидал худшего. Но что погранцы оказались совершенно вменяемыми, как и срочно прилетевший по звонку из Бреста гэбэшник, батальонный комиссар Ефим, вроде бы Ильич, фамилию не разобрал толком. Да и то он больше с Фимой общался. Ни слова лишнего, ни интонации. Выслушал, на грузовики посмотрел, в машину прыгнул и вместе с Фимой умотал обратно в Брест. Насиловать рацию, что до Минска достает, а если погода сложится, то и до Москвы в состоянии лучом добить. Так что верха оказались в курсе нашего появления чуть ли в течение двух часов. Фима же еще раньше ушел на Москву своим ходом. Решением местного начальства и в сопровождении того самого Ефима.

А мы замерли в ожидании не столько решений Москвы, сколько осложнений здесь. Вермахт остался где-то ТАМ. Но возможных проблем и тут хватает. Не считая того, что по нашей территории разведдиверсионные группы абвера шарахаются и два урода, отловленные нынешней ночью, сидят в КПЗ комендатуры, есть другая беда. В ста метрах от здания заставы, где мы сидим и пьем чай с пограничным лейтенантом, начинается Польша. Речь Писполита, мать ее... Пшеки — самая непредсказуемая нация из всех, с какими сталкивался. Хуже арабов, честное слово. Взять того полицейского на дороге. Додуматься надо: махать полосатой палкой колонне из нескольких десятков большегрузов, впереди которой едут два джипа, битком набитые вооруженными людьми. Ему шляхетская гордость, что ли, не позволяет понять: либо у проезжающих ВСЕ в порядке, либо останавливающий — труп. Сегодня ему повезло, палку никуда не засунули и не шарахнули в голову, не вылезая из салона. А в следующий раз? Самое смешное, если чудом останется в живых, опять будет стоять на дороге и заниматься тем же самым. И почти поголовно все такие. Где гарантии, что завтра их правительство не захочет помахать фамильной саблей? Польша «от можа до можа», Катынь, Смоленск, красные маки Монте-Кассино... Никаких гарантий адекватности

шляхтичей. Так что мои бойцы залегли вокруг моста. Лейтенант с сержантом, который в «тревожной группе» прибежал, пошухукались и указали места, где наиболее возможны осложнения. Дно мелкое или удобный для плавающей бронетехники выход на берег. Там тоже наряды выставили. Моих вперемешку с местными.

Подозреваю, что начальник «девятки» сейчас мысленно матерится и плюется. Но что тут поделаешь. Вероятность польского вторжения существует? Существует. И моих ребят он оценил. Так что свыкнется. Тем паче начальник отряда недвусмысленно приказал сотрудничать. И не чинить препятствий.

Лейтенант с отсутствующим видом дует в кружку. Хорошо лейтенанту. У него с подчинением все ясно. Начальник комендатуры, начальник отряда, командующий округа... А у меня сложнее все в разы. Кто мне начальство? Фима — это однозначно. Но он в Москве. Точнее, в дороге где-то. Да и что, каждый шаг с ним согласовывать? Бред. А из местных? Сталин? Безусловно. Но не будет же мне лично Иосиф Виссарионович звонить? И Берия не будет. Скорее всего либо через Фиму свяжутся, либо через какое местное управление передадут. Нет, последнее — не вариант. Не идиоты в Москве сидят, понимают, что такого указчика могу и лесом послать.

Хотя чего я голову ломаю... Приказ передадут через Фиму. И либо он его поддержит, либо сообщит, что все плохо и надо с боем прорываться в Аргентину. Да так даст знать, что, кроме меня, и не поймет никто. Вот тогда и будем действовать по обстановке. Фима-то — голова!

Как он здесь ситуацию прокачал! Мгновенно! Я еще глаза тер, глюки прогоняя, а он уже тормозит тачку и бросает остолбеневшему часовому у шлагбаума:

— Товарищ боец, срочно вызовите старшего смены! Сообщение чрезвычайной важности!

Причем так сказал, что вызвали без малейшего промедления. А дальше! Это же видеть надо! Тут даже не в словах дело. И не в технике и документах будущего. Интонации, мимика, жесты... Высший пилотаж! Пять минут поговорили. И старшой уже рысью умчался прозванивать по вышестоящим начальникам.

Тревожная группа с заставы во главе с лейтенантом примчалась через полчаса. Он подошел, представился. У меня аж круги перед глазами пошли. Потом только сообразил, что так и должно быть. Ведь Брест же. И крепость. Брестская. В которой мой дед войну встретил. Я ж этим вопросом не просто интересовался, а копал глубоко и качественно. С лейтенантом мы тоже потом общий язык нашли. Рассказал ему пару фактов из его же биографии. Хотя и было опасение, что сорвется мужик. Тяжело такое про себя узнавать. Устоял. Зубами скрипнул, зыркнул исподлобья, и все. Да, верю, такой мог неделю оборону держать и крови из немцев выпить большущую цистерну. И бойцы у него начальнику под стать. То ли мысли читать умеют, то ли до автоматизма обучены. Моим ребятам, конечно, не чета, школа не та. Но!..

Но это потом. А в тот момент Фима Андрею ситуацию объяснил. И справился еще быстрее, чем с его подчиненными. Короче говоря, лейтенант бровью шевельнул, а шлагбаум уже поднят. И машины потихоньку пошли.

Мы мирно въехали в Союз! Мирно! Без обысков и отбора оружия! По всем инструкциям пограницы были обязаны нас никуда не пропускать. Вплоть до ареста. С обыском и изъятием колюще-режуще-огнестрельного. Ох, посмотрел бы я на эту картину... Но без нее лучше. Молоток Фима!

И я молоток! В который раз себя хвалю, что не отказался от его предложения тогда, в девяносто втором. Хотел ведь, на волоске висело...

Привел Фиму Палыч. Палыч в рукопашке бог и царь. Всю жизнь натаскивал ребят из нашей конторы и еще парочки аналогичных. А легендировалось это под секцию самбо. Совершенно открытую. Секция работала и с самыми обычными людьми. Вот Фима и был таким обычным. Разве что занимался с четырех лет, да Палыч его по нашей программе в последнее время тренировал. Даже пересекались пару раз на тренировках.

Вот тут Палыч и привел его ко мне. Я тогда в сильном разброде был. Из конторы выперли. Прицепились к ранению и комиссовали. Любому дураку ясно, что касательная царапина — предлог. Разгоняли нас. «Реорганизовывали». Причем гнали лучших. Профессионалов. Всякая нашлапка бюрократическая оставалась... Вот и я попал под гребенку. Куда было деваться, совершенно непонятно. На гражданке ни профессии, ни связей, хоть в бандиты иди...

И тут Фима появился. Ну что Фима? Мальчик, двадцать два года, окончил институт, начал заниматься бизнесом. Даже неплохо начал. Для первых месяцев. Под бандюков ложиться не хочет, ищет нормальную охрану. Не крышу — охрану. Не глуп, верю. Но нет за ним никого и ничего. Через пару-тройку месяцев накроется его фирма медным тазом, и все проблемы. А еще — еврей. Нет, я не антисемит. Но из казаков я. А казачество всегда евреев не любило. И семья, соответственно, у нас антисемитская. Исторически. Некое послабление с деда началось. Он во время войны вместе с одним евреем воевал. От самой границы и до своей гибели в сорок третьем. И писал с фронта: «Если бы все люди были, как этот жид, давно коммунизм на всей Земле построили. Славный казак!» Вот тогда у моей бабушки настрой и заколебался. А когда в сорок седьмом тот парень в гости приехал... Вещи привез, что от деда остались, фотографию рейхстага с надписью «Василий Нестеренко». И указал, где дед похоронен... В общем, антисемитами мои предки быть перестали. Но любовью и близко не пахло...

В общем, хотел я Фиму подальше послать. Но по привычке своей, годами выработанной, сразу не ответил, взял пару дней на размышление. А вечером нашло настроение альбом семейный полистать. Дошел до той фотографии с рейхстагом. Смотрю, а пониже дедова имени... Я глазам своим не поверил. Лупу схватил. Точно. Ниже дедова имени, буквами поменьше, как будто в тени деда, написано: «Абрам Фридлиндер»!

Вот тут я подхватился! Наших еще не всех поувольняли, так что Фиму я по базам мигом пробил. Точно! Внучатый племянник того самого дедова сослуживца.

После этого, понятное дело, согласился. Что же я за сволочь буду, если не помогу внуку того, кто закрыл глаза моему деду? И плевать, выстоим мы с ним или нет. Да выстоим, раз деды вместе выстояли, то и нам сам бог велел. Между прочим, я эту карточку с тех пор всегда с собой ношу. Она и сейчас в кармане «горки».

Ни через два месяца, ни через три Фимина фирмочка не сгорела. Голова у него прямо Дом советов... Таких в мире один на миллион, если не на миллиард! Через год он уже был крут. И моя служба росла потихонечку. Набирал ребят. В те годы многих вышвыривала на улицу новая власть. А как-то зашел с Фимой разговор о кадровой политике. Вот тут работодатель меня и ошарашил.

— Бери всех стоящих, — говорит, — когда этой стране потребуются лучшие в мире станки, ей потребуются и лучшие в мире бойцы. По деньгам мы и тысячу человек прокормить, вооружить и натренировать можем.

Так, можно сказать, и сбылась моя мечта. Тысяча, конечно, перебор, но сотню набрал. Вот она, почти вся здесь. Может, и не лучшие в мире, но одни из лучших...

г. Мариуполь.

А. Е. Огурцов, лейтенант, уполномоченный РКМ НКВД. ¹²

Капитан зевал в кулак и постоянно помешивал чай. Мельхиоровая ложечка дребезжала по стакану, разгоняя давно остывшую бурю жидкость. Лейтенант же стеснялся, поэтому ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не зевнуть прямо в лицо чекисту. Все-таки целый день на ногах...

— Ладно, лейтенант, продолжим.

— Так точно, товарищ капитан государственной безопасности, продолжим! — чуть ли

¹² Рабоче-крестьянская милиция Наркомата внутренних дел.

не заорал Огурцов. Андрей Тимофеевич, конечно, мужик правильный и понимающий, но если начальник областного УНКВД приехал лично, то изволь, лейтенант, отвечать по уставу, а то... Ведь вместо заслуженных наград и благодарностей можно получить по шапке. Участок, конечно, не совсем Огурцова, но тем не менее вдруг действительно шпион? Город снова на уши поставят. К тому же с немцами непонятно что творится...

— Да не ори ты как оглашенный! С утра голова раскалывается, — поморщился Чечков и неожиданно признался: — Понимаешь, хотели с супругой детишек в парк Щербакова сводить, на лебедей посмотреть, а тут звонок ваш. И понеслось...

— Так не специально же, товарищ капитан! — начал оправдываться лейтенант.

— Знаю, — улыбнулся Чечков. — Вернее, догадываюсь. Ни к чему нам провокации такого уровня сочинять, чай, не Витте, царская милость в обратку станет. — И посмотрев на вытянувшееся от удивления лицо лейтенанта, не сдержавшись, засмеялся. — Не бойся, Иван Михайлович, это я так, красного словца ради. Если серьезно, — продолжил капитан, — то признаюсь как на духу ни черта я не понимаю в происходящем.

Оба молчали, в который раз уже рассматривая выложенное на стол имущество шпиона. Старый заржавленный перочинник, с выдавленным на рукояти из странного материала ценником «2 руб. 20 коп.» и силуэтом белки, кучка металлических монет, все как одна, с навязшим уже трезубцем, несколько купюр, притом одна из них с гетманом Мазепой. Первый раз увидев ее, Огурцов долго хмыкал, крутил головой и пытался прогнать из головы навязчиво лезущие строчки про «гетмана-злодея» и какого-то «Кочубея». Чечков тоже уделил немало внимания бумажным деньгам, рассматривая каждую «гryвню» через карманное увеличительное стекло.

Отдельной кучкой лежали более важные вещи — ворох документов и небольшой, зализанный «брусок» из того же непонятного материала. У «бруска» снималась задняя крышка с надписью Sony Ericsson и наличествовал стеклянный экран с непонятной маркировкой и надписью «Нет сети». Документы, которые, если быть объективным, представляли собой смазанные светокопии оригиналов, были чрезвычайно необычны. Язык и трезубцы Огурцов заметил еще на Песчанке. А когда немного разобрался с рапортами и прочей «сопроводилкой» и покопался основательнее, то заметил еще одну несуразицу. Даты. 2001 год, 2008-й, 2010-й...

— Да, тут еще один момент, — не сдержавшись, зевнул Огурцов. — Я, товарищ капитан, наших ихтиологов озадачил.

— Кого-кого? — не сообразил капитан.

— Ну, рыбологов. Тех, кто рыб изучает.

— А-а-а... Понял, точно. Извини, не сообразил сразу. С чего это ты вдруг к рыбологам побежал? — Чечкову определенно понравилось слово, выдуманное лейтенантом.

— Загвоздка тут в чем. Я сам у моря родился и жил, каждую рыбешку в лицо знаю. У шпиона же в лодке пудов двадцать свежака, и почти все — звери, а не рыбы. Каждая как бревно и весит кил под десять. Сперва не мог понять, хитрость в чем, думал, может, он в рыбах взрывчатку перевозил. А потом профессор все разъяснил. Пеленгас это.

— И что? — недоуменно переспросил капитан у торжествующего Огурцова.

— А то, товарищ капитан, что рыба эта только на Дальнем Востоке обитает! Хищник — хуже судака, такого в море выпусти — он через пять лет всю рыбу пожрет. Кроме бычка, ничего водиться не будет!

— Сурово... — оценил неожиданный поворот в деле Чечков, но продолжить не успел. В кабинет постучался дежурный:

— Телефонограмма из Киева, товарищи командиры! За подписью Серова. Сверхсрочная! С приказом донести содержимое до всего начальствующего состава.

— Сверхсрочная?

— Так точно, товарищ капитан государственной безопасности. — Дежурный от старания так тянулся, что, казалось, еще немного — и порвется пополам, даже портупая не поможет. — От товарища комиссара государственной безопасности третьего ранга!

Чечков с Огурцовым переглянулись. Мысли что лейтенанта, что капитана ГБ совпадали полностью: «Началось!»

г. Варшава, Президентский дворец.

Бронислав Коморовский, Президент Рэечи Пасполитой Польской.

— Пся крев! Такой шанс построить Великую Польшу от можа до можа, причем до Охотского!.. На Leopard 2A4 против «тридцатьчетверок»! — Бронислав Коморовский, уже почти три месяца как президент страны, не находил себе места от возбуждения. — Конечно, их всего чуть больше сотни, но и Т-72 для сорок первого можно считать супероружием... Русские беззащитны! Главное, действовать быстро, пока не налетели другие коршуны. И союзникам ничего не сообщать, а то пригребут все себе. Сейм тоже не нужен, утопят в говорильне. Надо действовать. И очень быстро! А если что, нового Лжедмитрия долго искать не надо — товарищ Власов как раз под боком, из-под Львова свой четвертый мехкорпус вывести пытается...

Не будучи военным, Бронислав тем не менее любил быстроту и четкость выполнения своих приказов. И 27 октября 2010 года Войско Польское начало наступление по всей протяженности границ с Россией, Белоруссией, Литвой и Украиной. Почти двести тысяч жолнежей, ревя моторами, при поддержке семи сотен танков и тысячи БМП, надвигались на обреченного противника. На каждые два танка и три «бэхи» приходилось всего по четыре километра государственной границы. Остальные двести танков и триста «коробочек» оказались немножко не на ходу. Увы, последние поставки советской техники осуществлялись почти тридцать лет назад.

Первые проблемы возникли в Прибалтике, где поляки ничтоже сумняшеся ворвались в оперативные тылы группы армий «Север». Немцы сориентировались быстрее. И неожиданно обнаружилось, что «ахт-ахты» все же опасны для «Леопардов», а прошедшие всю Европу солдаты вермахта хотя и вооружены намного хуже, но воевать умеют значительно лучше неожиданного противника. Техническая отсталость немцев давала себя знать, но, неся огромные потери, они к вечеру все же перемололи значительно уступавшие им по численности и выучке польские части. Не помогли даже брошенные на помощь спецвойска. Все две тысячи польских спецназовцев героически пали в боях, увеличив потери врага еще на десять тысяч человек. Остатки польских войск, бросая технику и оружие, бежали, сея панику среди собственного населения. Поляки ждали контрнаступления немцев. Тех самых, из сорок первого года. На их счастье, у Вильгельма фон Лееба не осталось для этого сил. Утром 28 октября 2010 года он принял решение о прекращении боевых действий остатков своих войск против РККА.

В Белоруссии и на Украине дела поляков шли не лучше. Легко сметя пограничные заставы, доблестные польские части ворвались на территорию противника, где немедленно увязли в грязи. Не прекращающийся уже больше суток ливень превратил и без того не слишком хорошие дороги в болота, где застревала даже хваленая современная техника. Несмотря на почти полное отсутствие сопротивления, за день удалось продвинуться не более чем на сотню километров. Вымотанные маршем и непогодой части расположились на ночлег в подвернувшихся деревнях и мелких городках.

Увы, население западных областей Украины и Белоруссии еще не забыло прелестей вхождения в состав Польши и «любило» поляков куда больше, чем «большевистских оккупантов». А кавалерийские дивизии РККА выбрали эту ночь для налетов в духе батки Махно. Не имевшие никакого боевого опыта часовые снимались быстро и беззвучно. Большинство жолнежей не успевали толком проснуться, а офицеров резали гостеприимные хозяйки выбранных ими хат. Там, где полякам удалось организовать сопротивление и русские откатились, они не забыли на прощание поджечь вражескую технику. Машины двадцать первого века горели ничуть не хуже устаревших Т-26... Единственную сохранившую хоть какую-то боеспособность часть уничтожил на рассвете четвертый механизированный корпус генерала Власова. Потенциальный Лжедмитрий не догадывался о

том, что ему было суждено стать основателем РОА, и честно выполнял обязанности командующего корпусом. А генералом он был неплохим... Утром 29 октября 2010 года Польша осталась без сухопутных войск...

— Пся крев! — В полдень того же дня Бронислав Коморовский, уже почти три месяца как президент страны, не находил себе места от возбуждения.

Ему только что звонил Сталин. И откуда у него номер телефона! В крайне вежливых и издевательских выражениях Иосиф Виссарионович сообщил президенту, что из-за крайне уважительного отношения к трудовому польскому народу и миролюбия советского руководства СССР не будет вводить в Польшу свои войска. Только заберет назад столь любимый товарищем Сталиным Белостокский выступ. А на столе президента лежал текст телеграммы от Ангелы Меркель. Канцлер Германии выражала удивление неспровоцированным нападением польских военных на немецких граждан в Восточной Пруссии и прямым текстом требовала отторжения Гданьского коридора, фактически уже занятого частями Бундесвера.

В принципе президент должен был быть доволен. Польше сохраняли жизнь. Вот только с морями становилось совсем хреново...

Бронислав вздрогнул и проснулся. «Слава богу, это только сон. Что со мной? Какой октябрь, какая грязь... Уснуть в собственном кресле за полчаса до важнейшего совещания. Чуть не проспал. Но сон точно наваян этими фантастическими сообщениями, — перед глазами всплыло перекошенное безумное лицо совсем молоденького жолнежа и острия вил, торчащие из его груди. Боже мой! Надо успокоиться и идти в ситуационный кабинет. Пора уже».

* * *

Пока варшавяне, да и остальные поляки, удивлялись неожиданным слухам о закрытии аэропортов и обсуждали появившиеся в Интернете ролики о боях на восточных границах, в ситуационном кабинете, расположенном в Президентском дворце, собрались люди, составлявшие военный кабинет и призванные решать судьбу страны. Нервозность, царящая в помещении, легко объяснялась не только необычными событиями, происходящими на восточных границах Польши, но и неожиданным опозданием самого президента. Докладывал министр обороны Ржечи Посполитой, генерал брони Клых.

— ...Можно с уверенностью сказать, что наступление со стороны Калининградской области, принятое нами за русское, на самом деле ведут части вермахта образца сорок первого года. Захваченные бойцами спецназа «Гром» пленные из дивизии «Тотенкопф» и образцы техники однозначно подтверждают этот факт. Одновременно с этим страны бывшего СССР сменились Советским Союзом того же периода... В настоящее время в Восточной Пруссии действует шестнадцатая Поморская механизированная дивизия, силы пограничников в составе двенадцати погранзастав и роты спецназа, часть группы спецназа «Гром». Дополнительно переброшены два дивизиона воздушной кавалерии, первый легкокавалерийский и седьмой любельских улан, а также шестой десантно-штурмовой батальон. Планируется перебросить туда и остальные части шестой десантно-штурмовой бригады, а также третью механизированную бригаду. Не позднее двадцати трех часов дня планируется дополнительно развернуть против Калинин... пше-прашем, пане, Восточной Пруссии, еще и основную часть двенадцатой Щецинской механизированной дивизии в составе двух механизированных бригад и артполка с частями обеспечения. Одновременно на бывшей белорусской границе развернется Варшавская механизированная дивизия без одной бригады и кадровая часть восемнадцатой бригады территориальной обороны. Горнострелковую бригаду из состава этой дивизии развернем в районе от Бреста и южнее вдоль украинской границы. Для поддержки и воздушного прикрытия войск, действующих против нацистов, используются силы ВВС с тридцать первой, а также частично с тридцать второй и двадцать второй авиабаз. В результате на всей остальной территории авиационной

поддержки и прикрытия мы практически не имеем.

На недоуменный вопрос премьера Туска: «А почему?» — министр обороны ответил по-военному кратко:

— Больше у нас боеготовых самолетов нет. — И продолжил: — Но боестолкновения на границе с Советами незначительны и фактически прекращены. Было несколько случаев на бывшей границе с Белоруссией, но там имелись шесть рот спецназа погранвойск и пятнадцать застав. Поэтому только одному русскому отряду удалось продвинуться незначительными силами в районе Гродно на двадцать километров в глубь нашей территории. В настоящее время в этот отряд, не желавший вступить в переговоры, уничтожен боевыми вертолетами. На остальной территории границы наблюдаются попытки установления связи между погранчастями и русскими властями. Таким образом, мы будем к исходу суток иметь группировку, способную вытеснить как немецкие, так и русские войска за пределы наших границ. Считаю, что армии образца сорок первого года не смогут оказать сильного сопротивления нашим доблестным жолнежам.

— Пся крив! Такой шанс построить Великую Польшу от можа до можа, причем до Охотского! На «Леопардах» и «Твярды» против «тридцатьчетверок»! — Радослав Сикорский, министр иностранных дел, был возбужден настолько, что не выбирал выражений и позволил себе перебить коллегу. — Конечно, их всего чуть больше трех сотен, но и даже старые Т-72 по сравнению с русскими танками — чудо-оружие! Русские беззащитны!

«Гитлер в сорок первом считал так же, — подумал президент. — Боже, но шпарит прямо по тексту. Определенно, сон был пророческим!»

Тем временем Сикорский не унимался:

— Главное — действовать быстро, пока не налетели союзники. — Лицо говорившего скривилось в презрительной усмешке. — И ничего им не сообщать, а то эти коршуны пригребут все себе. Сейм тоже не нужен, утопят в говорильне. Надо действовать. И очень быстро! А если что, нового Лжедмитрия долго искать не надо, вспомним, как русские генералы сотнями немцам в плен сдавались. Панове, я считаю, что нам не стоит ограничиваться только Крулевцом. Вы забыли еще старинные польские города: Вильно, отобранный у нас как раз этой страной, и Львов.

— Но для наступления необходимо провести хотя бы частичную мобилизацию, — пытался остановить полет мысли своего коллеги министр обороны.

— Какая мобилизация? Вы еще не осознали случившегося! Нашим доблестным войскам, оснащенным самой современной техникой, противостоит противник с древними винтовками, практически без авиации, без ПВО, без современных средств разведки и связи.

— Но, пан министр, нашим войскам противостоят отнюдь не малые силы. В Восточной Пруссии мы имеем против себя, кроме действующей сейчас эсэсовской дивизии «Мертвая голова» и пехотной пятьдесят восьмой дивизии, еще и минимум две армии и танковую группу. Сейчас они связаны боями с русскими, но вполне могут заключить с ними перемирие и повернуться против нас. На бывшей белорусской границе нашей разведкой выявлены силы одиннадцатого мехкорпуса, восемьдесят пятой, пятьдесят девятой стрелковых дивизий, тридцать шестой кавалерийской, в районе Бреста расположена четвертая советская армия. Мы можем сдержать их, даже разбить, обороняясь, но у нас просто нет достаточного количества войск для наступления.

— Пан генерал брони. Я не пойму. Вы считаете, что плохо обученные русские войска, которые вермахт с устаревшим вооружением гнал до самой Москвы, смогут разбить наши великолепно вооруженные и обученные части? Вы только что утверждали обратное тому, что говорите сейчас. Или вы не патриот Польши?

Удивление, все сильнее проступавшее на лицах премьер-министра Дональда Туска и остальных членов кабинета, оставалось незамеченным увлекшимся Радославом. Он вытащил из папки довольно затрапезного вида бумажку:

— Вот, послушайте: «Наша армия обладает подавляющим огневым превосходством и имеет безраздельное господство в воздухе. В полосе ТВД с советской стороны имеется

только истребительная авиадивизия в районе Минска и две бомбардировочные дивизии на флангах. Истребительная авиадивизия оснащена истребителями И-16. Авиация русских будет уничтожена частично на аэродромах, частично в воздухе современными боевыми самолетами. Далее наши войска, используя танки, БМП и БТР, подавят с недоступных для ответного огня дистанций наспех подготовленную оборону стрелковых соединений. Артиллерию красных уничтожат огнем самоходки и РСЗО. Отсутствие в РККА противотанковых ружей и практически полное отсутствие ручных противотанковых гранат делает невозможным борьбу с БТР и БМП стрелковыми подразделениями. Ввиду серьезных недостатков в тактической подготовке командного состава и слабой (тем более по современным меркам) подготовки личного состава войск связи оказание организованного сопротивления противником будет либо крайне затруднено, либо невозможно. Очевидно, будет иметь место неорганизованное очаговое сопротивление с переходом, по израсходовании боезапаса, в рукопашные схватки. Пользуясь техническим превосходством, в том числе в мобильности, наши жолнежи, руководствуясь общей задачей захвата максимально возможной территории, могут не обращать внимания на сопротивление, рассчитывая добить и пленить оставшихся потом. Дальность продвижения в глубину можно считать равной величине расхода половины заправки топлива или более, в зависимости от возможности передвижения на местности. Т. е. примерно на двести пятьдесят километров, если считать по танкам...» — министр еще раз потряс бумажкой. — Это доклад независимого военного обозревателя. Его анализ подтверждает мои мысли. Наконец-то сбудется давняя мечта о Польше от жога и до жога. Сейчас главное, чтобы не успели вмешаться немцы или американцы.

— Пан министр, — в обычно спокойном голосе президента звучало железо, — вы когда-нибудь горели в танке?

— Нет, пан президент!

— А раненым в живот вам быть не приходилось?

— Но, пан президент...

— Тогда понятно, почему вы так рветесь в бой. — Самого Коморовского такие страсти тоже миновали, но он не считал это принципиальным. — Вы готовы лично возглавить передовую роту?

— Но, пан президент...

— Что, «пан президент»? Если не готовы, будьте добры успокоиться и включить голову. Вы давно уже министр, а не душман! Панове, какие еще есть мнения?

Почему-то упоминание о моджахедском прошлом Радослава разрядило обстановку. В дальнейшем совещание шло в сосредоточенном, деловом ключе и было очень результативным.

— Итак, — подвел итог президент. — За пределы наших границ ни шагу. Атаки вермахта отбивать, применяя все имеющееся вооружение. С русскими стараться в конфликт не вступать. При контакте и попытках прохода на нашу территорию стараться объяснять ситуацию и просить ждать приказа из Москвы. Огня без крайней необходимости не открывать. Госпоже канцлеру я позвоню сам. Генсеку НАТО — пан генерал Клых. А вы, Радослав, — он мстительно посмотрел на Сикорского, — в течение получаса придумайте, как связаться со Сталиным.

г. Брест. Девятая погранзастава.

В. С. Нестеренко, директор ЧОП «Фрида».

Дымить в помещении не приучен с детства. Да и лейтенанту поспать надо, как он признался, третьи сутки на ногах. Вот и вышел в курилку. Задымил...

— Товарищ командир, разрешите обратиться?

Рядовой. Молоденький совсем, лет двадцать. Невысокий, крепенький, кареглазый, волосы рыжеватые, даже при короткой стрижке курчавятся. Лопухий немного. Сразу видно, что недавно с гражданки. На все пуговицы застегнут и форма не обмятая. В глазах

любопытство так и плещется.

— Обращайтесь.

— Рядовой Абрам Фридлендер! А вы правда из будущего?

Млять! Не может быть! А почему, собственно, не может? Дед же именно в этих местах войну встретил, а они с одной комендатуры. Вот с этой. Значит...

— Правда! А скажи, боец, есть у вас такой — Василий Нестеренко?

— Есть, товарищ командир. Позвать?

— Позови, если он не занят.

— Я мигом! — Он поворачивается, окидывает взглядом окрестности и громко кричит: — Васька! Иди сюда!

Один из пограничников неторопливо разворачивается к нам. Высокий, мускулистый, с хорошей фигурой. Форма сидит ладно, как будто скроена под заказ. Все верно, он на два года старше Абрама, уже послужил, пообтерся. Два треугольника в петлицах. Папироска висит на краю губы. Голубые глаза сканируют местность. Иначе не скажешь, именно сканируют.

— Ну чего тебе, малахольный, наряд захотел? Форму обращения забыл?

— Вас, товарищ сержант, товарищ командир спрашивает, — малость стушевался рядовой.

Василий меряет меня взглядом. Видно, что он еще не определился, как к нам относиться. И ко мне тоже. Вроде и командир, но ведь ни к РККА, ни к НКВД не принадлежу. С другой стороны, видел, что начальник отряда общался на равных и с начальником заставы посторонний чай гонять не будет. Решается.

— Товарищ командир, сержант Василий Нестеренко! Прибыл по вашей просьбе!

Ишь ты! Не по приказанию, по просьбе. Ладно, не таких обламывать приходилось. Хоть ты мне и дед...

— Здравствуйте, сержант. Ты хоть знаешь, что твоя Анюта беременна?

Вся шелуха слетает мигом. Остается двадцатидвухлетний удивленный пацан.

— Как беременна? Откуда вы знаете? У меня ребенок будет? Когда?

— Сын у тебя будет. Сергей. Что, не помнишь, когда сына делал?

Начинает считать, шепча губами и сбиваясь... Нет, дед не был неграмотным. И дураком тоже. От счастья ошалел. Первым не выдерживает Абрам:

— Через семь месяцев родится. Ты два месяца как в увольнение ездил.

— Ага, правильно, — выдыхает Вася. — Это точно? Ах, ну да, вы же из будущего. Вы что, про всех знаете?

— Нет, только про вас двоих.

— Почему про нас?

— А вы мне родственники.

— Оба? Не может такого быть. Он же жид! — запоздало оглядывается, не слышит ли кто вырвавшееся слово. — Что, мы в будущем с ними породнились? Да не в жисть!

— Вы уже в курсе, что от войны чудом сбежали? Так смотрите. Оба.

Достаю заветную фотку. Они впиваются взглядом. На фотке рейхстаг. Выщербленные пулями и осколками колонны, крошево камня, какая-то перевернутая тачка. Трое солдатиков на переднем плане. Мятая, выдавшая виды форма, запыленные лица. И большие надписи над их головами. Две фамилии. Два имени. Их имена и фамилии.

— Это что?

— Рейхстаг. Берлин, май сорок пятого. Победа.

— Видишь, — совсем по-мальчишески толкает Абрама мой дед. — Я выше расписался. И крупнее!

Вот он, момент истины.

— Извини, Василий, — говорю. — Ты не дошел. Погиб в сорок третьем под Конотопом. Это Абрам писал. За обоих.

Я им рассказываю все, что знаю. Долго. Подробно. Про то, как погибла застава. Как

Васька тащил из окружения раненого Абрама. Как Абрам тащил через линию фронта раненого Ваську. Про их встречу в Сталинграде. Про Курскую битву. Про освобождение Киева. Про неизвестную высоту под Конотопом. Про могилу у подножия той высоты. Про Варшаву. Про Берлин. Про Парад Победы. Про них...

Я рассказываю про семьи, их довоенные и послевоенные семьи.

Про беременную Анюту Нестеренко, отставшую от поезда, везущего семью в эвакуацию и мечущуюся на путях на безымянном полустанке, а потом втягиваемую ранеными бойцами в санитарный эшелон (*поедешь с нами, девонька, негоже тебе немца дожидаться*)... Про ту же Анюту, кормящую маленького Сережку, не отходя от станка... Про Веньку Фридлендера, брата Абрама, четырнадцатилетнего пацана, кидающего уголь в топку паровоза где-то в казахской степи под аккомпанемент подбадривающей скороговорки машиниста, ровесника первых паровозов: «Шуруй, Венька!»... И про другой паровоз, где Васькин дед, мой и его полный тезка, кричит другому пареньку: «Шуруй, Витька!»... Про мать Абрама, падающую в голодный обморок за операционным столом... Про шурина Абрама, брата еще не знакомой ему будущей жены, не взятого в армию из-за «брони», но ушедшего в ополчение и погибшего в подмосковных окопах, так и не успев сделать ни одного выстрела. Про казака Сергея Нестеренко, бросившегося с гранатой под танк...

Я рассказываю про... про то, чего теперь уже не будет. Даже если случится обратный перенос и дивизии вермахта рванут на Москву — не будет. Потому что будет все по-другому. Потому что здесь я с ребятами и весьма неплохим боезапасом. Потому что гонит к Москве Фима с его головой. Потому что...

Они слушают, раскрыв рты, забыв, кто из них сержант, а кто рядовой, кто еврей, а кто казак, забыв обо всем.

Я рассказываю, а сам понимаю, что если пшечки завтра начнут махать шашками, им не светит. И бундесам не светит. И китаезам. И пиндосам. Никому. И не из-за моих бойцов и Фимы с его идеями. Не из-за наших станков и ноутбуков. Не из-за подлодок с ядерными боеголовками. Из-за этих ребят. Из-за миллионов таких мальчишек. Которые еще совсем дети, которые еще ничего не умеют. Но они в той, прошлой, истории остановили Гитлера. И они в истории нынешней остановят кого угодно. Даже без современного оружия. Даже если окажутся вообще без оружия. Все равно остановят. Они просто не умеют иначе...

Москва. Кабинет т. Сталина.

И. В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

Самый длинный в году день уходил понемногу, практически незаметно для глаз, сменяясь сумерками. Воздух за окном постепенно терял прозрачность, в углах кабинета накапливались тревожные тени. Сидящий за столом человек отложил в сторону лист бумаги, буквы на котором уже различались с трудом, и включил настольную лампу. Кинув взгляд за окно, он взял лежащую неподалеку от стопки книг пачку папирос, пододвинул трубку и привычно набил ее табаком. Раскурил, затянулся, поднялся со стула и, мягко ступая по ковру, держа трубку в руке, прошелся до окна и обратно к столу. Привычный ритуал не успокаивал, скорее наоборот, раздражал, как и обстановка рабочего кабинета, слишком обычная для фантастических новостей, поступавших весь день. Настолько фантастических, что они просто не укладывались в голове, и приходилось постоянно напоминать себе, что это не сон.

Задумчиво поглядев на трубку, он постоял у стола еще несколько долгих, томительно-вязких минут. Затем трубка легла на пепельницу, а в руках, уже не первый раз за день, оказался потрепанный номер журнала «Всемирный следопыт». Журнал уже привычно открылся на странице с началом рассказа Беляева «Белый дикарь». «Типичное отношение европейцев к тем, кто не похож на них и кто их слабее». И он отложил журнал в сторону. Вспомнилось, казалось бы, уже давно забытое, пережитое за границей ощущение беспомощности и нескрываемой недоброжелательности окружающих. Раздраженно вздохнув и выдохнув несколько раз, он для успокоения начал перебирать лежащие на столе книги.

Здесь было все, что удалось найти в библиотеках по проблемам путешествия во времени, от Твенского «Янки при дворе...» до «Бесцеремонного Романа». Кроме этих, содержащих выдуманные авторами коллизии, томов, в стопке лежали брошюры, повествующие о завоевании Мексики и Перу конкистадорами. Он открывал и быстро пролистывал каждую, торопливо выискивая самые актуальные места. Взгляд скользнул по страницам «Бесцеремонного Романа» и задержался на описании разгрома противников Наполеона с помощью нового оружия. Понятно, что имея техническое превосходство, можно разбить во много раз превосходящего противника. «И никакая выносливость, никакая сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса над техникой, прав был Ильич», — успокаиваясь и постепенно приходя в рабочее состояние, он уже начинал продумывать план первоочередных мероприятий.

«Первое и самое необходимое — сведения и еще раз сведения. Обстановка в мире, политическая и экономическая, основные вехи истории этих лет и вытекающие из них уроки для нас и нашей политики, возможность догнать или хотя бы слегка уравнять шансы с остальным миром. И самое важное — возможности развязывания войны против нас. Да, война...» — Он недобро улыбнулся в усы, вспомнив рассказ Молотова о растерянном и недоумевающем после Германии, заявившем, что не имеет никаких сведений из Берлина и никак не может прокомментировать сложившуюся ситуацию.

Соврал, конечно. Как сообщил Меркулов, какая-то телеграмма из Берлина в посольство шла, но связь прервалась одновременно с началом События. Хотели напасть, шени деда, не стоит и к гадалке ходить. Но оставшаяся где-то там, в прошлом, война уже не настолько волновала, как все остальное, а самое главное, как недостаток сведений для более глубокого анализа произошедшего. Самое же главное — не верилось, что ЭТО произошло на самом деле. Чувство было такое, словно смотришь сон. Тяжелый, кошмарный сон, во время которого хочется проснуться и никак не получается. Вот и смотришь дальше, подсознательно утешая себя тем, что это не настоящее. Но сейчас все вокруг было не просто настоящим, оно было до жути реальным, и было ясно, что проснуться не удастся никак.

Он сел, взял в руки трубку, с неудовольствием убедившись, что она потухла. Выбил остатки табака в пепельницу, достал папиросу, прикурил. Открытая папка с донесениями погранзастав снова привлекла внимание. Он взял верхний листок, перечитал, задумался. «А стоит ли им доверять? Стоит ли верить, например, вот этому господину, или все же товарищу, как его, Фридлендеру? Кто он, советский по духу человек или хитрый враг? С одной стороны, капиталист, крупный капиталист, а с другой? Мог ведь и не переходить границу. Или обратно уйти. Не удержала бы его застава, если верить докладам, переданным товарищем Берией, сил бы не хватило. Специально заслать к нам его не могли. За пять минут такое не подготовишь. Если только все это не организовано специально, но тогда все уже решено этим кем-то, и изменить мы ничего не сможем. Конечно, такой весомый аргумент, как завод, со счетов сбрасывать нельзя. А в целом? Если учесть дополнительные сведения, поступающие из других источников?» — Он очередной раз перебрал все донесения, мысленно деля имеющиеся в них сведения на достоверные, проверяемые и принципиально недостоверные. Сложил бумаги обратно в папку, закрыл, положив руки поверх картонной обложки, и задумался.

«Больше пятидесяти человек с разных участков границы. Пришедших добровольно. Все утверждают одно: СССР больше нет... не стало, а образовавшиеся на его месте капиталистические страны находятся, если проанализировать большинство высказываний, на уровне полуколоний САСШ. У границ враждебные государства, способные в любой момент начать агрессию. Пока я вижу только одну возможность ее избежать — противоречия между ними. К тому же, если верить некоторым опросам, Европа от наших... то есть, шени деда, от российских поставок нефти и газа зависит. Знать бы еще, где те нефть и газ залегают. Мало сведений, ох мало... Но пока можно выделить несколько перспективных направлений расследования. Фридлендером и его компанией займется Берия. Для контроля выберем еще несколько наиболее перспективных фигур. Вот этот, этот, этот и этот. Значит, Шарапова и

Мельника отдадим Меркулову, остальных — Берии. Ну а вот этого, который даже партбилет сохранил... какой-то Компартии Российской Федерации — Мехлису. По остальным пусть решают на местах. Можно даже посоветовать испытать в конкретных делах, привлечь для работы с желающими вернуться в СССР будущанами. Тут, конечно, всплывает вопрос с гражданством, но я думаю, его можно решить в рабочем порядке. Например, признать тех, кто родился в СССР, гражданами автоматически. Надо будет Вышинского озадачить, пусть проверит рассказы о незаконности роспуска СССР. Но это уже второстепенные вопросы.

Самое главное — положение в мире и возможность сыграть на противоречиях между державами. Мы снова отстали от всего мира на семьдесят лет, и нам снова придется догонять. Но на это не хватит двух пятилеток. Даже четырех может не хватить. Теперь надо извернуться и обеспечить хотя бы две».

Он нажал кнопку звонка, дверь открылась, и на пороге бесшумно появился Поскребышев.

— Эти документы — перепечатать, отправить исполнителям. Новые поступления есть? Несите.

В это время за окном наконец-то опустилась ночная тьма.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

23/06/2010 г. — 23/06/1941 г.

г. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Нестеренко, сержант ПВ НКВД.

«Расхристать твою хренофиговину в семизвездчатую похребень! Озвездинеть! Ну и наговорил же мужик! Не знаю, правда или нет, но не ощущаю его внуком! Какой, к звездам, внук, он же бати по годам старше. Или ровесник. Кстати, похож на него. Здорово похож. Может, и правда внук? С чего ему врать, не мальчик, чай...»

Выходит, Анька родит сына в конце января, а тот обеспечит мне внука. Вот этого самого мужика. И если войны с немцами не будет, то увижу его маленьким. Вырастить успею.

А ведь не будет войны. Немцы-то тютю... Поляки там теперь. Ну, поляки нам до лампочки, их мы запросто побьем. Сколько раз били! Забоятся они до нас лезть. СССР вон какой большой, а сколько там этой Польши? Плюнуть и растереть! Напомним панам про Польский поход!

Все-таки свистел он или нет, вот интересно... Если Анька сына родит, Серегой назовем, это точно. У нас в роду так принято, старший сын или Сергей, или Василий, по деду. Вот и командира этого Василием Сергеечем кличут, то есть по деду. По мне? Выходит, по мне. Внук все-таки? Прямо *ро* ман какой-то, не бывает так.

А как бывает? Откуда мне знать, звездофиговина сплошная перехребенченная, и только...

Гитлера, выходит, побили! Кто бы сомневался! Только долго как-то. Аж до сорок пятого проваландались! Значит, не учли чего. И если про крепость правда, то вообще все не так пошло, как думали... Какая-то некрасивая у него война получается. Не геройская. Нет, вру, геройская! Батя-то, а? С гранатой на танк! И жиденек этот! Надо же, развездяй развездяем, а до Берлина дошел. Меня через фронт тащил... Сам раненый, а тащил. Справный казак! Интересно, я бы его потащил? Не сейчас, когда все знаю, а тогда... Млять, совсем дурной, ясно же сказано: тащил. С самой заставы, и пока сам идти не смог. Ну, потом-то понятно, через такое вместе пройдешь — братьями станешь. Хоть он сто раз жид! Да и не жид он, нормальный советский еврей. Правильный. Вон, папиросы свои раздает, сам-то не курит. И сколько раздает, ни разу ничего взамен не попросил.

Нет, все равно, господу бога мать, не понимаю. Война — это же подвиг, это вперед, в атаку, с шашкой на лихом коне. На худой конец с винтовкой наперевес. Враг бежит, мы победили... А если смерть, то красивая, геройская... Как у бати... А тут... Шальной осколок

в живот... уже после боя... Полный звездац... Если бы не Абрам, и тела бы не нашли... Спасибо, похоронил... А этого пацана, физика? Пока разбирался с винтовкой — пуля в голову. И все, ни одного выстрела не сделал. Зачем его вообще взяли, раз он не умеет ничего? Так и не хотели же, сам настоял. Дур-р-рак!

Вроде и героическая получается война, только неправильная какая-то. Грязная. Точно! Грязная. А может, она такая и есть? Может, другой и не бывает? А все это за шашку и лихого коня — для книжек? Воспитывают? Омлятенеть!

Надо будет завтра Аньке письмо накорябать. Небось про ребенка уже написала, не дошло еще. Вот и напишу, что сын родится и все будет хорошо. Надо же, так и не вышла замуж во второй раз, меня ждала!»

Васька встал с койки и потопал к выходу из казармы. Сунулся в нужный кубрик:

— Абрам, спишь?

— Нет.

— У тебя папиросы есть?

— Вроде оставались. — Абрам встал, нашел в тумбочке пачку «Казбека», протянул Ваське.

— Спасибо. Слушай, а как тебя кличут?

— В смысле? Ты же знаешь. Абрам, — удивился рядовой.

— Не, ты не понял, — затряс головой Сидоренко. — Абрам — это как у нас Василий или Сергей. А кличут меня Васькой, а сына Серегой будут кликать. Или Серым. У вас же тоже есть такие короткие имена.

— А-а. Мама Авриком называла. И ребята. Зачем тебе?

— Ну все-таки служим вместе... Ладно, пойду курну...

Сержант вышел из казармы и устроился под козырьком у входа, рядом с ящиком с песком. Несмотря на начавшийся ливень, место для курения было сухим. С умом строили.

Абрам подошел почти сразу.

— Слышь, Вась, как ты думаешь, этот командир, ну, внук твой, он правду рассказал?

— Не знаю. А какой смысл ему звездеть? — На неуставную форму обращения сержант внимания не обратил. Все же не на плацу.

— Да вроде никакого... Я вот все думаю... Венька... брательник... он же маленький, слабый... и кочегаром на паровозе... ревматизм у него... под лед провалился в позату зиму... нельзя ему кочегаром... и мама...

Васька слушал сбивчивый шепот сослуживца и вдруг осознал, шестым чувством ощутил главное.

— Аврик, млять! Ты не понял! Не будет этого! Не будет! Так у них было! А у нас нет! Не будет твой брат кочегаром! И у мамы твоей голодных обмороков не будет. И батя под танк не ляжет! И Анька моя не будет беременная по эшелонам мыкаться! А у твоей жены будет брат — гениальный физик!

— Да я ее и не знаю еще. Командир сказал — москвичка...

— Не знаешь, так узнаешь! Спросим у внука, кто, и найдем! Если мы смогли Гитлера! Понимаешь, Аврик, нет Гитлера! И немцев нет! Не будет той войны! Ни фуя не будет! Не будет!!! Понимаешь???

— Понимаю... Кажется... Немцы на нас не нападут... Меня не ранят. Тебя не убьют. Мы будем жить, Васька! — Абрам шагнул вперед, под хлещущий с неба поток, широко расставил руки и закричал: — Мы будем жи-ить!!!

Словно в ответ на крик, издалека, откуда-то из-за Буга, донеслось тревожное стаккато автоматной стрельбы, перекрытое басовитой пулеметной очередью...

КНР. Район Китайский Памир.

Группа российских альпинистов.

Первым проснулся Егор. Полежал, прислушиваясь к тишине на улице. Подсветив фонариком на часы, горько вздохнул. В душе боролись два желания: вылезти по

естественным надобностям и поспать еще. Но, вполне ожидаемо, победило третье, то самое, что характеризуется словом «надо». Надо готовить еду, собираться и идти. И так сутки просидели из-за неожиданно свалившейся на голову непогоды. Егор перевернулся на живот, не вылезая из спальника, выпростал из мешка руки и начал возню с примусом.

Когда вода закипела, он засыпал в котелок сублиматы и скомандовал общий подъем. Парни неохотно зашевелились, выползая из мешков и натягивая пуховки. Несмотря на тепло, идущее от разогревшейся горелки, температура внутри палатки стояла не выше двадцати градусов. Минус, естественно. Что творилось снаружи, все представляли достаточно четко. Потому туда никто и не спешил, несмотря на недвусмысленное недовольство внутренних органов. Сначала, перекидываясь редкими словами, не спеша пожевали, попили чайку, так же неторопливо переоделись в ходовое. Упаковали спальные вещи в «шмотники», свернули коврики, позапихивали спальники в мешки... В палатке старались сделать все по максимуму, чтобы «на улице» оставалось как можно меньше действий.

Сейчас большого смысла в этом не было. Судя по тишине за тонкой стенкой палатки, снаружи ни ветерка, ни снегопада. Может быть туман. Ну да и хрен с ним, кому тот туман когда мешал? Тепло от горелки выветрилось минут за пять после отключения. «Дома» стало так же, как «на природе».

Но привычка — вторая натура. Когда «там» ждут все прелести жизни в виде сбивающего с ног ветра и несущегося с бешеной скоростью снега, то чем больше сделаешь «тут», тем лучше. Вот и сейчас, по привычке...

Для выхода из палатки существует две причины. Уже упоминавшиеся естественные надобности и отсутствие внутри какой-либо невыполненной работы. А поскольку дважды вылезать категорически влом, то либо приходится сдерживать «души прекрасные позывы», либо быстро-быстро собираться. Лучше совмещать, что большинство и делает.

Первым вылез Лешка. Свалил справа от входа прихваченное барахло, чуть шагнул в сторону и довольно зажурчал. Закончив с утренним туалетом, то есть вернув на место все слои одежды, попутно вспоминая какую-то книжку, в которой туристы каждое утро тщательно умывались и чистили зубы, пожелал автору пару ночевок на шести тысячах с обязательным выполнением описанного ритуала. Повернулся к палатке и остолбенел.

— Ну ни х...я себе!

— Стакан! — тут же отреагировал из палатки Влад.

Одним из минусов чисто мужских групп является бесконтрольное изменение лексикона в сторону полного вытеснения из речи цензурных слов. Решение бороться с данным явлением экономическими методами скрепя сердце приняли на второй день. За каждое матерное слово виновник выставлял обществу стакан спиртного. Первоначально подразумевали напитки крепкие, но через пару дней переиграли на сухое вино. Все равно накопившимися на сегодняшний день «штрафами» можно было вусмерть спить не только родной турклуб, но и средних размеров райцентр в Нечерноземье.

— Да и хрен с ним, — отмахнулся Лешка. — Ты посмотри, какая пое...нь образовалась!

— Два стакана! — Влад остался верен себе.

Зато Егор вылез наружу, глянул в указанном Лешкой направлении и тоже «попал на стакан». Если учесть, что у Егора это был первый штраф, а спаивать город пока готовились только трое, Влад с Саньком ломанулись на выход, уже сгорая от любопытства. Чаша зарабатывания «стаканов» не миновала и их.

— Откуда она взялась? — спросил тем временем Егор, не отводя взгляда от перевала. — Позавчера же не было!

— Не было, — подтвердил Лешка.

— А вчера? — вмешался Влад.

— А хрен его знает, — почесал заросший подбородок Егор. — Вчера вытянутую руку разглядеть проблемой было, не то что перевал.

— И что делать будем? — поинтересовался Санек.

— Сначала все же отолюю, — Егор вспомнил, зачем собирался сходить на улицу, — а потом пойдем. Она сюда не придет, а нам по-любому туда. На месте разберемся. Может, не разглядели вечером. Ледовые стенки сами по себе не возникают, это не триппер.

Через час возникшую на перевале стену можно было не только увидеть, но и потрогать руками. Легче от этого не стало.

— Что скажешь? — спросил Егор.

— Так не бывает, — ответил Лешка, — просто не бывает, потому что не бывает никогда!

— С чего это? — поинтересовался Санек. — Так категорично?

— Смотри, — Егор уперся рукой в лед, бросив «шакала» свободно болтаться на темляке. — Идеально отвесная. И идеально гладкая. Словно льду и ветер, и солнце по фиг. — И упрямо повторил за Лешкой: — Не бывает так!

— Угу, — подтвердил Лешка, — не бывает. Но она как и вправду вчера возникла.

— Ладно. Готовь страховку, — скомандовал Егор, — проходить все равно надо. Тут с полверевки, не назад же поворачивать.

Лешка отстегнул бур, начал завинчивать в лед. Егор взял у Влада второй «шакал»...

— Мать! Не идет! Как в «бутылку»!

Четверка столпилась вокруг Лешки. Бур даже не царапал поверхность льда, словно та была алмазной. Выдолбленные лунки не помогали, в лучшем случае удавалось отколупнуть тонкую пластинку, которая немедленно уносилась вниз по склону. Смена бура тоже оказалась безрезультатной. Даже привычная «палочка-выручалочка», титановый ледобур странного фиолетового цвета, полуподпольного производства мастерских неизвестного советского НИИ, доставшийся Егору от отца и бравший все, включая натечный лед — ту самую пресловутую «бутылку», оказался бессилён перед загадочной стеной.

— Это не «натек», — сказал Егор, — лед переморожен. Батя с таким сталкивался на Накринской Щели. Там склон с ноября по февраль вообще мимо солнца пролетает. В тени полгода. Лед перемерзает и получается вот такая же фигня.

— А здесь с чего вдруг? — уставился на него Лешка. — Солнце минут через десять здесь будет. И станет часов на двенадцать минимум. Южный склон.

— А я знаю? Попробуй у подножия вкрутить.

— Вот так, — прокомментировал Влад, — стоят два аспиранта физтеха и не могут разобраться с простейшей физической задачей: кто заморозил лед!

— Вопрос «кто» относится не к физике, а к криминалистике, — вернул «мяч» Егор. — Тебе тут и карты в руки. Кто у нас дядя Степа среднего роста?

— Лед заморозил Дед Мороз, это тебе любой ребенок скажет, — сообщил Лешка, заворачивая бур в «пол» под ногами. — А вот понять, как он этого добился, современная физика не в состоянии. Как современная криминалистика не в состоянии достоверно определить злоумышленника. Егор, страховка готова!

Егор резким ударом загнал оба «шакала» в стену выше своей головы:

— Ну, хоть инструмент ее берет, сволочь такую! — Он сделал первый шаг, вбивая передние зубья. — И кошки держат. Терзают меня смутные подозрения, что придется работать без промежуточных точек.

г. Батуми, порт.

Кахабер Ваиакидзе, старший лейтенант пограничной полиции Республики Грузия.

Паром подходил на рассвете, еще в темноте. Каха стоял у борта и смотрел в сторону берега. Его первое путешествие по Европе заканчивалось. Он не любил путешествия и сейчас бы не поехал, но уж больно хотелось хорошую машину. Зарплата пограничника только в Грузии кажется большой. Увы, цены на машины образуются по немецким реалиям. А в Германии подержанную тачку можно купить не слишком дорого. Поехал практически наудачу. И удача не подвела: короткобазный «Гелендваген» с трехлитровым армейским дизелем. Конечно, не «пятая бэха» и не «Форд»-пикап. Имидж не тот. Но зато цена данной

конкретной машины оказалась очень вкусной. Осталось достаточно бабок и на «подшаманить», и на «обмыть». А возраст... у «Мерседеса» нет года выпуска. «Мерседес» либо есть, либо его нет. Собственно, именно благодаря древности он и достался старшему лейтенанту пограничников так дешево. Подфартило и с обратной дорогой. Встретил земляка, причем знакомого. Ладо Цирикидзе жил тем, что скупал старые машины в Германии, тут же доводил их до нужной кондиции и перегонял в СНГ. Не только в Грузию, но и на Украину, в Россию и Белоруссию. В Германии Ладо знал всех, по интересующей теме, конечно. Сейчас он тащил «бэxu» в Батуми. Не впервые, собственно, и познакомился пограничник с перегонщиком в батумском порту. Кахе встреча на рынке оказалась как нельзя кстати. «На хвосте» у Ладо он довел свою «Галку» до кондиции и доехал почти до дома. Осталось только пристать и выгрузиться.

Неоднократно виденные очертания берега были знакомы и в то же время неузнаваемы. Как на школьной фотографии первого класса, когда все лица узнаешь скорее по наитию. А от берега неся шарового цвета катер, оставляя за собой бурун. Сблизившись, катер стал за кормой, отсекая парому путь к нейтральным водам. На паром по трапу поднялся суровый молодой парень в форме лейтенанта пограничных войск. Совершенно обычный пограничник, если не считать, что форма была не грузинская и даже не советская. Точнее, советская, но устаревшая. Можно сказать, довоенная или копировавшая ее вплоть до кубарей в петлицах и забавного пояса со звездой. Да еще чуб — русый, чисто казачий, с кудряшками, «фартово» належавшими на козырек. От чуба веяло такой посконностью, что Кахе захотелось приколоться. Например, взять под козырек бейсболки, полученной в санатории, где довелось отдыхать, и отпрапортовать: «Товарищ лейтенант, разрешите доложить? На вверенном мне судне безобразия не нарушались, водовка не пьянствовала! Докладывает старший лейтенант пограничной полиции Вашакидзе. Разрешите получить замечания?» Неплохо бы смотрелось на фоне клетчатых шорт и распахнутой на груди серой льняной рубашки Кахабера. Естественно, ничего подобного он делать не стал. Зачем? Несмотря на странный вид лейтенанта, шутить с ним не хотелось.

Следом за «командиром» появились четверо бойцов, одетых аналогично начальнику. И пятый. Как раз на нем не было ничего древнего, но именно этот тип и выглядел на общем фоне неправильно. Именно неправильно. Каха ощущал это чуть ли не физически. Мелкий, субтильный, в дешевом камуфляже «подделка под армейский», без знаков различия, он больше всего напоминал ребенка, настолько заигравшегося в войну, что не заметил, как вырос. А раз не заметил, то и не повзрослел.

— Лейтенант Толкачев, — по-русски представился первый поднявшийся, — пограничная охрана. Здравствуйте, товарищи.

Пассажиры ответили нестройным гулом.

— Я должен сообщить вам неожиданное известие, — продолжил лейтенант. — Пока вы путешествовали вдали от родины, произошло довольно редкое событие. И сейчас вы прибыли к границам не суверенной Грузии, а СССР образца сорок первого года.

Толкачев переждал возникший гул и продолжил:

— Понятно, что это трудно воспринять вот так сразу. Но придется. Такова реальность. Кстати, все понимают по-русски? Нет? Тогда сейчас ваш современник обрисует ближайшие перспективы.

Он кивнул субтильному. Тот вышел вперед, гордо вздернул голову и заговорил:

— Товарищи!

На минутку замолчал, прислушиваясь к гулу: пассажиры еще не пришли в себя от слов лейтенанта. Кто-то переводил его речь соседям, кто-то просто качал головой. Мелкий скривился:

— Ра? Обращение «товарищи» не понравилось? Придется привыкать, господа хомячки и прочая офсетная плесень! — Оратор откровенно наслаждался своим положением. — У меня есть новости, плохие и очень плохие. Плохие будут чередоваться с очень плохими, и в итоге все для вас закончится благополучно. Почти.

Он как-то особенно мерзко ухмыльнулся, расправил большими пальцами «комков» под зачем-то надетым поверх красноармейским ремнем и залихватски подмигнул полной женщине в деловом костюме:

— Плохое для вас заключается в том, что втюхивать разрыхлители жира сегодня некому. Правда, кредиты вам платить больше не надо, всех этих «Холик-банков» и «Ти-Би-Си» тоже нет. Так что ваши денежки в них накрылись. Вместе с квартирками. И единственное, что может облегчить вашу участь, — это доблестный труд на благо великой родины. Стране нужны специалисты. Любые. Даже секретутки с опытом Моники Левински. Нет, свои оральные способности можете применять по желанию, а вот умение нажать на кнопку «ресет» в случае зависания нужно стране. Ты что-то хотела вякнуть? — спросил он худощавую женщину, напоминавшую Кахе кого-то из российских актрис.

— Я... Мы... У нас... — растерянно произнесла та.

— Дамочка, нажмите на «ресет», вы зависли, и вам надо перезагрузиться, — чернявый повысил голос. — Разъясняю! Волею судьбы вы все оказались в СССР сорок первого года. У власти товарищ Сталин, а проверкой благонадежности занимается товарищ Берия. Все вы, после небольшой проверки в ведомстве Лаврентия Павловича, станете гражданами СССР. И будете работать на благо нашей родины.

— Что, и выбора у нас нет?! — срывающимся голосом вскрикнул холеный господин, похожий на нотариуса или адвоката.

— Какого выбора? — Субтильный широко улыбнулся. — Если вы не хотите жить в СССР, то просите политического убежища у США, Англии, да хоть у Буркина-Фасо. Вас никто не будет держать и задерживать. Правда, транспортом обеспечивать тоже никто не обязан. Доберетесь вплавь. И вперед! Мойщики окон с университетскими дипломами там нужны. Вы сможете даже сделать карьеру грузчика в супермаркете. А вы что думали, лафа вечно продолжаться будет? Попили кровь рабочего человека? Теперь наше время!

— Да я!..

— Да, вы можете даже подать в суд в Брюсселе. Если доплывете! Только учтите, СССР договора с Брюсселем не ратифицировал...

С каждым словом чернявого Кахабер удивлялся все больше. Непонятен был смысл демарша. Зачем нужно подобное разъяснение? Реакция людей вполне предсказуемая, вон пожилая, скромно одетая женщина, держащая на руках крохотную собачонку, поглядывает в сторону борта, словно прикидывая, успеет ли она шагнуть за борт? Или уже поздно? Но если такая агитация не нужна... Только ведь эти, в форме, поголовно русские! Он шагнул к лейтенанту и громко, чтобы слышали все, произнес:

— Старший лейтенант погранохраны Грузии Вашакидзе. Товарищ лейтенант, кто-нибудь из ваших бойцов понимает по-грузински?

— Нет, — удивленно ответил Толкачев. — Но ведь товарищ... — Он указал на чернявого.

— Товарищ лейтенант! Этот человек — враг! Его речь — сплошная клевета на Советский Союз.

— Что, сатрап мирового империализма... — по-русски заорал чернявый на Каху и полетел на палубу, сбитый точным ударом. Бойцы сдернули с плеч винтовки. И растерялись. Толпа пассажиров пришла в движение: несколько мужчин бросились вперед, остальные шарахнулись назад.

— Всем стоять! — заорал Кахабер, добавив уже спокойно: — Товарищ лейтенант, я прошу задержать меня и провести расследование инцидента.

На несколько мгновений на палубе воцарилась тишина. Все замерли — грузины, почти бросившиеся на штыки, солдаты с оружием в руках, валяющийся в отключке «provokator razdora» и два лейтенанта-пограничника, стоящие друг напротив друга. Наконец Толкачев сказал:

— Убрать оружие. Товарищ Вашакидзе, предъявите документы. Старшина Лихолет, подберите товарища Набичвришвили.

Кахабер подал паспорт.

При виде щита со святым Георгием лейтенант скривился, но и только:

— Пройдете с нами. Вы задержаны для выяснения обстоятельств, — после чего обернулся к бойцу, стоявшему у него за спиной: — Якимчик, проследите, чтобы гражданин забрал свои вещи, и проводите его на катер.

Опять повернулся к возмутителю спокойствия и повторил:

— Заберите свои вещи и пройдите на катер. Вы временно задержаны. Ваш паспорт останется у меня.

Каха подошел к «Галке», погладил лоснящейся бок и забрал из салона сумку с ноутбуком, бритвенными принадлежностями и зубной щеткой.

2. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Сергеевич Нестеренко, директор ЧОП «Фрида».

— Сергеич — Сашку. Гости.

— Кто?

— Пшеки. Джип с пшекской стороны. Кажется, Томек. Его номера.

— Кажется?

— Видно плохо. Процентом семьдесят — он.

— Сейчас буду.

Гляжу на часы. Четыре утра. Ночь не получилась. В смысле, поспать не получилось. С вечера пошушукались с лейтенантом и до утра готовили пшекам сюрпризы, так что, если они теперь сунутся, мало не покажется. Атаку мотострелковой бригады на бэтэрах, а тем более с танками, конечно, не отбить. Но пару рот остановим запросто. И батальону рога пообламываем. Да и бригаде легко не дадимся. А если вспомнить, что за нашей спиной почти десять тысяч бойцов... Кровью умоются. Правда, мы тоже по уши измажемся. Лучше без осложнений обойтись.

Еще эта стрельба в час ночи. Кто стрелял, где, по кому? Ничего не понятно...

Только прикорнул — получите.

Кижеватов бежит в десяти метрах за мной. Одет по всей форме, и особо не мятый, похоже, вообще не ложился. Притормаживаю. Стрельбы нет, значит, секунда роли не играет, а все-таки это его участок. Подозреваю, что быть Андрею комендантом в самом скором будущем. На ходу спрашиваю:

— Андрей, ты польский понимаешь?

— Не особо, но объясниться сумею.

— Тогда по-польски и говорим. Это нынешний твой коллега с их стороны. Уважим пана Кислинского.

От заставы до КПП километр с хвостиком, соответственно, укладываемся меньше чем в десять минут. Подходим к шлагбауму. Уже не подбегаем, подходим. Среди наряда — знакомые лица: Васька и Абрам. На мосту стоит джип. Сколько раз его видели, когда границу проходили. Почти у самого шлагбаума, метрах в трех с той стороны, Томек. Поручик Томаш Кислинский. Очень хорошо, что он. Морда знакомая, а главное — морда вменяемая. Полевая форма, кобура застегнута, другого оружия не видно. Несмотря на дождь, без плаща. Видимо, чтобы демонстрировать условную безоружность. При виде меня лицо расплывается в широчайшей улыбке. Буквально от уха до уха. Но говорит по-русски:

— Сергеич, ты! А нам тут страшностей наговорили, сорок первый год, Советский Союз...

— Привет, Томаш. Правильно говорили. И Советский Союз, и сорок первый год. Знакомься, лейтенант Андрей Митрофанович Кижеватов. Командир местных пограничников. — Не хочется ему объяснять все сложности местной иерархии. Умному — достаточно.

— Дзень добры, — здоровается Андрей, — розумем трохэ по-польску.

Томек, с удовольствием переходит на родной язык. Лейтенант морщится, видно, что не

все с лету понимает. Это ничего, потом перескажу:

— Нам сообщили о появлении СССР из сорок первого года. Приказали избегать конфликтов и стараться вводить советских пограничников в курс дела. Решил съездить лично, так легче избежать стрельбы. Но я так понимаю, Анджей, что Сергеич вам обо всем рассказал. Я только еще раз подчеркну, что у меня приказ не воевать с вами. Польша — мирная страна.

Очень любит Томек высокие фразы, но сейчас я готов простить их оптом, сразу и на все времена. Просто гора с плеч. По крайней мере, сегодня войны не будет. Тем не менее...

— Советский Союз не агрессор. — Лейтенант тоже мастер словесных построений. Правильно в общем, в случае любых конфликтов ему выступать дипломатом, соответственно, нахватался. — Нам не нужна чужая земля...

— Томек, ты не в курсе, кто стрелял ночью? — Лучше бы уйти от этого пафоса, а то от него так политикой воняет за километр, что можно «договориться». Томек вроде бы обычной польской истеричности не подвержен и катынефилией не страдает. Но береженого Бог стережет, а стереженого конвой бережет.

— Не могу знать. Это не на нашей территории. Где-то севернее. — Поляк задумывается. — Возможно, где-то были недоразумения. Поэтому и предупреждают. — Он замолкает. Потом решается: — Вроде на севере бои с немцами из вермахта. Я сначала не понял, но если СССР из сорок первого, то и немцы могут быть... Матка Боска! — Улыбка пропадает с его лица. — Если Польша перенеслась в сорок первый, то на Западе нацистская Германия!

— Спокойно, Томек! — сразу сбиваю волну. — Немцы без зубов, армия у них была на месте твоей заставы. Неужели brave жолнежи не надают по морде беззубому вермахту. На «семьдесят вторых» против «двоек»? И мы поможем. СССР, в смысле. Опять будем дружить странами! Рокоссовскому руку пожмешь. Хотел же!

Томаш немного успокаивается. Как хорошо, что поляк из него... необычный.

— Конечно, справимся. Спасибо, Сергеич! — Видно, что офицеру стыдно прорыва своего генетического, наследственного страха перед нацистами. Чего стыдиться, в ту войну больше, чем полякам, досталось разве что нам, евреям да белорусам. Но ему стыдно, поэтому меняет тему.

— Ефим Осипович тоже здесь?

— Нет. Еще вчера уехал.

Следует пауза. Говорить особо нечего. Стоять под дождем тоже приятного мало. Мы, конечно, не сахарные, не растаем. Но все равно... Томек вежливо раскланивается и собирается уезжать. Неожиданно вспоминаю, что должен сообщить обязательно.

— Чуть не забыл, Томек! У немцев в сорок первом были диверсанты из полка «Бранденбург». Вполне могут шариться по нашим тылам в красноармейской форме. Есть вероятность, что к вам могут выскочить. Поаккуратней с ними, это волки! Лучше всех подозрительных задерживайте до выяснения. И не стесняйтесь стрелять.

Поручик на несколько секунд задерживается, переваривая мысль. Потом кивает.

— Спасибо, Сергеич! Важное предупреждение!

— Слушай, Андрей, — обращаюсь к начальнику заставы, пока мы смотрим вслед уехавшему джипу, — раз война с пшеками на сегодня отменяется, может, погонять твоих бойцов по нашим методикам? Повысим уровень боевой подготовки, так сказать. Многoму научить не успеем, но все-таки. Как мыслишь?

— Почему нет? — пожимает плечами лейтенант. — Тревожная группа все равно без дела мается. Лишним точно не будет.

Вашингтон. Белый дом.

Заседание Совета национальной безопасности.

В кабинете за большим круглым столом собрались люди, представляющие власть самого могущественного государства на Земле. Многие из них были разбужены еще ночью и

сейчас рассматривали окружающее красными от недосыпания глазами. Кое-кто пил даже настоящий кофе, наплевав на здоровье. Срочность была такова, что некоторые узнали о повестке дня только из брифинга.

Срочное собрание потребовалось из-за только что полученных данных о выкинувших очередной фортель русских...

Бодрее всех выглядели госсекретарь Хиллари Клинтон и генералы — директор АНБ Кейт Александер и директор ЦРУ Дэвид Петреус. Последний не успел поспать за сутки ни одного часа. Первые известия стали поступать еще в пять утра прошлого дня, и с тех пор он почти все время провел в ситуационной комнате ЦРУ, пытаясь разобраться в потоке информации, которую не могли до конца осознать даже хваленые аналитики ЦРУ, АНБ и НРУ, но, несмотря на это, выглядел бодрее многих остальных.

— Приступим, — на лице обычно улыбчивого президента сейчас было только сосредоточенное ожидание. — Говорите, Деннис.

— Дамы и господа, — директор Национального разведывательного управления не преминул щегольнуть старомодной учтивостью, мало популярной в современной Америке. — Вчера произошли непонятные события на всем протяжении границ бывшего СССР. Судя по полученной от ЦРУ, АНБ, РУМО и обработанной моими подчиненными информации... произошло нечто странное со всеми странами, расположенными на этой территории. — Присутствующие, за исключением директоров разведывательного сообщества и советника президента по национальной безопасности, недоуменно уставились на невозмутимо продолжавшего доклад Клэппера: — Одним из первоначальных сигналов стало исчезновение связи с нашими частями и посольствами в этих регионах. Несколько позднее стало известно о падении давления в газо- и нефтепроводах на границе между странами Европы и бывшим СССР. Штаб-квартира НАТО объявила «оранжевый» уровень готовности, части быстрого реагирования подняты по тревоге. Попытки установить связь с Москвой ничего не дали. Господин Рагозин в полном недоумении, пытается вылететь в Россию. Но пропала также связь со всеми аэропортами за границей Происшествия. Все авиарейсы были отменены, находящиеся в воздухе самолеты посажены на аэродромы. Позднее поступил доклад от пытавшихся связаться с посольствами в странах Балтии вертолетчиками с нашей базы в Польше. Один вертолет был сбит, как успели сообщить пилоты, немецкими «мессершмиттами» с характерными нацистскими эмблемами. Информация, переданная вертолетчиками, заслуживает внимания, так как командир экипажа, по имеющимся данным, увлекается авиамоделизмом по периоду Второй мировой войны. После этого был объявлен «красный» уровень по всем странам НАТО, одновременно поляки сообщили о боестолкновениях на границе с Калининградской областью и Белоруссией. Где только позволила погода, неожиданно испортившаяся над всеми этими районами, нами были получены спутниковые снимки. Расшифровка снимков продолжается, но пока точно установлено, что территории сильно изменились, многие города исчезли, другие выглядят абсолютно иначе. Кроме того, в пограничных районах Литвы обнаружены признаки ведения боевых действий.

— Кто напал на государство, входящее в НАТО, вами установлено? — президент обращался одновременно к Петреусу и Александеру, но первым ответил именно начальник АНБ.

— Судя по радиоперехватам, сделанным нашей службой, в данном случае никакой независимой Литвы нет, а бои идут между нацистскими войсками и Красной армией. Польские войска воюют, по тем же сведениям, с нацистской дивизией СС «Тотенкопф».

— Что? Вы шутите? — одновременно выдохнули госсекретарь и президент.

— Данные АНБ подтверждаются и сведениями нашей финской резидентуры. Как выяснилось, район города Петсамо, в сорок первом году принадлежавший Финляндии... принадлежит ей снова. И финские власти этого района, связавшись с правительством Финляндии, подтвердили, что, по их данным, Германия, нацистская Германия, должна была напасть на СССР. Кстати, в Петсамо сейчас двадцать третье июня одна тысяча девятьсот

сорок первого года, — подтвердил слова Александра директор ЦРУ. — Можно сделать вывод, что неведомым путем все страны за границами бывшего СССР заменены их аналогом из сорок первого года. Я понимаю, это звучит фантастично, но пока это наиболее вероятное объяснение происходящему.

Большинство из присутствующих выглядели как персонажи кинокомедии, получившие известие, что умерший дядя-мультимиллионер лишил их наследства.

— Мистер Панетти, мы можем разведать ситуацию в зоне Происшествия с воздуха? — президент спрашивал министра обороны, но вместо него ответил начальник объединенного комитета начальников штабов генерал Кэркрайт.

— Мы можем попытаться провести разведку самолетами E-3B с авиабазы Кадена, в Японии, истребителями F-15C в разведывательном варианте из Элмендорфа на Аляске и E-3B из натовской авиабазы в Люксембурге. Последнее потребует согласования с союзниками.

— А если русские откроют огонь или пошлют истребители на перехват? — Президенту, первому чернокожему американцу на этой должности, явно не хотелось войти в историю человеком, спровоцировавшим Третью мировую войну.

— Если это действительно русские коммунисты из сорок первого, то у них просто нет средств для подобных действий, господин президент. Но в принципе E-3 позволяют производить разведку, даже не входя в их воздушное пространство.

— Тогда я полагаю необходимым произвести детальную авиаразведку всеми возможными способами. Но не пересекая границ стран, попавших в зону Происшествия. Особенно необходимо понять, что происходит на территории наших союзников в Прибалтике, — приказал президент и тут же, словно что-то припомнив, снова обратился к министру обороны: — Мистер Панетти, у нас же в том районе сосредотачивались для учений войска? И что предпринимается нашими союзниками?

— Да, мистер президент, но мы еще не успели ввести в Прибалтику все части, участвовавшие в учениях. Командующим войсками НАТО в Европе принято решение вывести войска из мест постоянной дислокации и подготовить силы Еврокорпуса к переброске в Польшу. В наших стратегических силах объявлен «красный» уровень угрозы. Ракетные подводные лодки начинают выдвижение в позиционные районы.

— Тогда первоочередной задачей является выяснение судьбы наших войск в Прибалтике и при необходимости эвакуация из зоны боевых действий до выяснения обстановки. Но не забывайте, что ввязываться в еще одну войну мы пока просто не можем. Поэтому все действия проводить очень осторожно, сообщить об этом нашим союзникам и предупредить все командование НАТО. Предлагаю снизить уровень готовности стратегических ядерных сил... — Тут президент вспомнил о чем-то неприятном, судя по изменившемуся выражению лица. — Господа, а что у нас с русскими ракетными подводными лодками?

— Мистер президент, — голос Денниса Клэппера звучал успокаивающе, — мы знаем, что у русских серьезные проблемы с обеспечением боеготовности их флота. Так что на дежурстве у них всего, по нашим данным, три лодки с баллистическими и еще четыре с крылатыми ракетами.

— Сэр, наши подводные лодки-истребители, по имеющимся сведениям, ведут две русские подводные лодки на Тихом океане. Никаких признаков подготовки к ведению боевых действий ими не замечено, — добавил так же успокаивающе генерал Кэркрайт. Президент недоверчиво покачал головой, но никак не прокомментировал сказанное, отвлекшись на напряженный вид госпожи госсекретаря.

— Мэм, как случившееся может отразиться на наших внешнеполитических усилиях?

— Мистер президент. Если мы действительно имеем дело с внезапно воскресшими Советами, то у нас появляется серьезная проблема. Дело в том, что мы и наши союзники никогда не признавали присоединение стран Прибалтики к России. Поэтому, господа, если предположения аналитиков ЦРУ верны, то мы имеем дело с фактической оккупацией советскими войсками стран — членов НАТО.

— Никогда не говори — никогда, — сидящий рядом с президентом советник высказал эту фразу негромко, но достаточно отчетливо.

— Вы хотите что-то сказать... — обернулся Обама к генералу «Джиму» Джойсу. Тот слегка откашлялся и сказал:

— Мистер президент, мэм, господа. Вы не учитываете одно небольшое, но весьма серьезное обстоятельство. Мы де-факто признали вхождение этих стран в СССР в сорок первом — сорок пятом годах, вступив в военный союз с этой страной. Мы де-юре признали нерушимость границ Советов в сорок пятом году на Ялтинской конференции, мы и наши союзники юридически признали неизменность границ СССР по договору тысяча девятьсот семьдесят пятого года в Хельсинки. Так что никогда — не то слово, которым я стал бы бросаться. Да и так ли уж нужны нам эти страны, чтобы из-за них начать серьезную войну? Лично я предлагаю подумать...

— Конечно, в этих словах есть зерно истины, но мы не должны забывать, что это наши союзники, — президент поддержал советника, косвенно напомнив властной мадам-госсекретарю, кто тут главный. — К тому же эта ситуация, возможно, позволит нам лавировать, оказывая дополнительное давление на русских. Кстати, кто там у них главный, если они действительно из сорок первого года, — спросил он и сам себе ответил: — Дядюшка Джо!

— Предлагаете закрыть посольства стран СНГ и выдать всех их граждан Сталину для отправки в ГУЛАГ? — Мадам госсекретарь не отводила от генерала тяжелого взгляда. — Готовы этим лично заняться?

— Меня не так поняли...

— Хватит! — Обама наклонился вперед и буквально прошипел: — Что там было тогда, нас сейчас не интересует! Во имя торжества демократии на территории СССР мы предпримем все, — он выделил интонацией это слово, — меры. Благо за последние сорок лет у нас наработан немалый опыт в этом вопросе. Не так ли?

Обама повернулся к директору ЦРУ, немедленно кивнувшему с самым уверенным выражением лица.

— Я только хотел заметить, господин президент, — продолжил невозмутимо генерал, — что в отличие от современных лидеров для господина Сталина ядерное оружие — просто еще одна большая бомба, которую можно пустить в ход не задумываясь, по любому, малейшему поводу. Помните Карибский кризис? А дядюшка Джо куда решительнее Хрущева...

— О, мой Бог! — вырвалось у кого-то из присутствующих.

2. Батуми, порт.

Кахабер Ваиакидзе, старший лейтенант пограничной полиции Республики Грузия.

Рассвет не просто наметился, но и позволял различать контуры, хотя теней еще не было.

Каха шел под конвоем, или охраной, двух красноармейцев. Присмотревшись к их движениям, он понял, что «срубить» этих бойцов не составит труда. Но зачем? Силой дела не решить, надо разбираться нормально. Даже удар на пароме был лишним.

Дорога казалась той же, истоптанной собственными ногами сотни раз, но вместо асфальта была поставленная торцами галька, а когда они подошли, он увидел, что бетонную ограду заменила обычная колючка на деревянных кольях. Ни о какой спирали Бруно по верху и речи не шло. Здание заставы было то же, скорее — даже «посвежевшее», но с дальнего торца исчезла пристроенная столовая. Возникло ощущение фантасмагории, как в дурном сне. Они вошли внутрь. Стены, недавно обитые пластиковыми панелями, снова стали такими, какими помнились с детства, когда маленький Каха прибегал к отцу. Просто крашенными масляной краской, разве что при отце они были горчичные, а сейчас — зеленые, по оттенку ближе к хвое. Бетонная лестница на косоурах из швеллера, две ступеньки, окрашенные по краям крокусом. Дверь «дежурки», выходящая прямо на

лестничную площадку, коридор с кубриками, еще два марша по девять ступенек, дверь в коридор с клубом и ленинской комнатой справа и кабинетами офицеров слева. Первый кабинет должен быть командира заставы, с небольшим, непонятно для чего, «предбанником», где даже два стула поставить невозможно. На памяти Кахабера там всегда стоял холодильник, а сейчас размещалась вешалка.

Один из конвоиров открыл дверь и доложил:

— Товарищ старший лейтенант, задержанный Вашакидзе доставлен. Разрешите ввести?

Что-то в тоне и форме доклада не понравилось. Сразу даже не сказать что. Скорее всего — не было в нем серьезности, опять появилось ощущение ролевой игры.

— Вводите, — послышалось в ответ, и в этом «вводите» старлей услышал до ностальгической боли знакомые интонации. Именно так говорил капитан Журули, бывший командиром заставы аж до 2008 года, снятый под надуманным предлогом после событий в Осетии. Возможно, именно поэтому увиденное не ввело его в ступор. За простым канцелярским столом, с центром, обтянутым коленкором, сидел невероятно похожий на Марка Бернеса офицер... Стоп! Слово «офицер» автоматически застряло в мыслях, как муха в паутине. Нет, за столом сидел краском, с тремя кубарями в петлицах. Он поднял красные от бессонной ночи глаза, устало повертел головой и сказал по-грузински:

— Проходите, старший лейтенант. И объясните, что за цирк вы устроили на пароме. Силы девать некуда? Или нервишки ни к черту?

Кахабер смотрел на знакомое по десятку черно-белых фотографий лицо, вдруг обретшее цвет и объем, и пытался осмыслить увиденное. Краскома он узнал мгновенно. Как иначе? Семен Дашевский, легенда заставы, один из двоих, выживших на той войне, а потом вернувшихся на родную заставу. Семен Дашевский и Николай Антонов. Одни из самых старых фотографий в Галерее Славы. Те, кто учил Вахтанга Какабадзе и Васо Матешвили, героев пятидесятых...

— Салами, Семен Маркович. Не сдержался. Эс тврамэтиани бозис швили!

— При чем здесь «восемнадцатый»?

— Простите, это выражение уже после войны появилось, — Каха перешел на русский. — Ключевое слово не числительное, а «выблядок», разве не так?

— И все же?

— Попробую повторить его «речь». — Вашакидзе презрительно скривился. — Потом опросите пассажиров, убедитесь, что не вру.

Следующие несколько минут он цитировал особо выдающиеся перлы subtilного, пока Дашевский не прервал его:

— Достаточно. Прозевали гниду! А ведь чуяло сердце, что человек с фамилией Набичвришвили просто обязан быть наследственной сволочью. Слишком все неожиданно, вот и используем, что под руку попало. Ничего, сегодня приедет Тучков, разберется... В общем, спасибо за вмешательство. Следующий вопрос. Откуда вам известно мое имя?

— Так... Разрешите, я лучше покажу! — Каха дождался согласного кивка и потянул молнию на сумке ноута.

Открыл свой старенький «Самсунг», загрузил. Заставка сыграла мелодию.

— Микифон?¹³ — спросил Дашевский.

— Не совсем, но кое-что общее имеет, — ответил Кахабер, интуитивно догадываясь, что «микифон» связан с музыкой.

После развала Союза Галерея Славы прожила тяжелую жизнь. Очередной проверяющий из Тбилиси, увидев фотографии людей в советской форме, наливался дурной кровью, тыкая пальцем в стену и угрожая всеми возможными карами, орал: «Убрать это безобразие!» Но капитан Журули, как и все гурийцы, больше всего на свете уважавший

¹³ Портативный патефон. Патефон — устройство для воспроизведения звука, записанного на грампластинки.

воинскую доблесть, стоял насмерть, и Галерея жила. До две тысячи восьмого. Новый начальник первым же приказом распорядился «снять провоцирующие документы». В кабинет пришли всем офицерским составом заставы. Вот в этот самый, где сейчас сидел Семен Маркович. Неизвестно, что сильнее подействовало на капитана: демонстрация единства, рассказ о тех, чьи фотографии висели на стенах, или фраза Мераба Чхаидзе, потомка древнего княжеского рода, сказанная тихим, спокойным голосом: «Кто тронет фото, пристрелю, как паршивую собаку». Сказанная так, что сразу стало понятно: пристрелит, и рука не дрогнет. Но что бы ни подействовало, а Галерею не тронули. По тому, как, новый командир защищал ее от очередных проверок, чувствовалось, что не угроза тронула его сердце, а сама история подразделения. На всякий случай раздобыли на неделю сканер и оцифровали все фото. Теперь у каждого пограничника всегда с собой была флешка с электронной версией Галереи. Ее Каха и вывалил на «дядю Сему». Показывал фотографии в хронологическом порядке. Вот Семен и Николай — курсанты, вот — на заставе, вот — уже поодиночке, развела их тогда Отечественная. Когда Дашевский увидел свою фотографию с погонами, то спросил:

— Это что, меня к белогвардейцам с заданием забросили?

— Нет, через два года товарищ Сталин введет такую форму во всей армии.

— Да как ты смеешь на товарища Сталина?..

— С нашей заставы всего не увидишь. Товарищ Сталин видит куда больше. И поступает, как требуется. Через два года будешь не красный командир, а офицер. Потому что так решит товарищ Сталин.

Дашевский встал, вытащил из шкафа початую бутылку. Поставив на стол, налил стакан почти по кромку, опрокинул. Потом посмотрел на Кахабера.

— Будешь?

Вашакидзе покачал головой.

— Как хочешь. — Семен вернулся на свое место. — Говоришь, только двое выжили? Я и Коля? А ребята все?

В вопросе было столько боли, что Каха, толком не понимая, что делает, залил в себя остатки водки, прямо «из горла». Выхлебал как воду, не чуя ни вкуса, ни крепости, даже закралась мысль, что и это — «ролевка» и в стакане — вода. Потом внутри потеплело, тепло поплыло к голове, только тогда он ответил:

— Вспомни, какое число сегодня?

— Двадцать третье.

— Значит, нет той войны?

Прислушался. Вокруг была такая тишина, что слышалось стрекотание кузнечиков. Хотя здесь, в Батуми, и тогда была тишина. Умирать батумские пограничники уезжали в другие места. В Россию, Белоруссию, на Северный Кавказ... На фронт. Уехали все до единого. Вернулись только двое.

— Значит, нет, — эхом откликнулся Дашевский. — Ладно, вернемся к нашим вопросам. Что же мне с тобой делать? Как тебя вообще вынесло за границу?

— За машиной ездил. «Мерсом» разжился. А обратно на пароме махнул. Плыл, плыл и приплыл на родную заставу... — Каха вздохнул. — Слушай, Семен, если можно, не запирай меня. Не хочется быть запертым, когда такие дела творятся. Я не сбегу.

Дашевский поднял на задержанного потяжелевший взгляд. Было видно, что решение ему дается нелегко, с одной стороны — долг службы, с другой — дружбы. Даже не дружбы, а какого-то единства с сослуживцем, однополчанином, пусть даже и разделяют эту службу семьдесят лет. Но решение было принято:

— Гражданин Вашакидзе, вы будете находиться на заставе под постоянным конвоем бойцов. Через час вас покормят, — помолчал мгновение и словно выдохнул: — Не держи на меня зла, старлей, не могу иначе.

Кахабер вышел из здания, пограничник за спиной не напрягал. В пяти шагах от входа росла маленькая сосна, чуть выше, чем ему под локоть. Подошел, погладил мохнатые

веточки. Он помнил это дерево совершенно другим, выросшим выше крыши. Чтобы собрать шишки, приставляли жердь. В эту сосну они, детвора, вбивали гвозди и с трудом выдергивали их «фомкой», чтобы из отверстий текла живица. Дети ее собирали и жевали. А из коры об кирпич вытачивали кораблики. Но сейчас дерево стояло, даже не представляя, что на нем смогут расти шишки. Юное и наивное, как и вся застава, не знающее судьбу четырех ближайших лет. Не ведая о страшной правде, эти мальчишки, строившиеся сейчас на плацу, еще только играли в войну, даже не представляя, что это такое. Каха почувствовал груз прожитых лет, не возраста, а именно прожитого: он старше всех на два поколения, на Великую Победу и подлое поражение. И тут же его залило чувство стыда. Вспомнились неоднократно читанные книги про «попаданцев». По их сценарию ему самое время возглавить комитет обороны и внушать генералам и маршалам, какие они все лохи, и только он в белом фраке. В книгах. А эти мысли — не то же самое? «Они наивные», «они только играют...» Эти наивные выиграли войну и покорили космос. А мы, такие умные и взрослые, все просрали! Победы — их. Поражения — наши. Путь не наши, а отцов. Но мы-то что сделали, чтобы исправить их ошибки? Машины старые от немцев везем? В шортах по заставе гуляем? Самая крупная победа Галерею Славы отстояли!

— Где можно переодеться? — спросил Кахабер сопровождающего.

— Да хоть где, — ответил тот. — Казарма пойдет?

— Конечно!

У входа в казарму перехватил Дашевский:

— Я уже позвонил в НКВД, за тобой придут.

Переодеваясь, Каха размышлял: «Как же отличаются нормальные люди от зашуганных придурков? Скажи какому-нибудь Сванидзе, что за ним выехали из НКВД, кондрашка ведь хватит». А у него облегчение, словно «Скорую» выслали. Чего бояться? Разберутся.

Эмка приехала еще до завтрака, и пришлось терпеть, хотя есть хотелось до невозможности. К себе его не забрали, разбирались прямо на заставе. Целая группа отправилась на паром, а Кахабера допрашивал, видимо учитывая неординарность ситуации, целый капитан, тот самый, упомянутый Дашевским, Тучков, начальник городского НКВД. Произшедшим на палубе капитан интересовался вяло, а документы и фотографии на ноутбуке просмотрел и вовсе бегло. В конце концов энкаведэшники уехали, забрав с собой только Набичвришвили, гонор которого бесследно испарился.

Тучков вернулся через четыре часа.

Каха ждал многого. Что его, как «приставку» к ноуту, заберут в Москву, или еще чего-то, вплоть до отсиживания в камере до второго пришествия. Но у капитана были совсем другие мысли.

— Товарищ Вашакидзе, — начал он прямо с порога, — что лично вы думаете о принятии гражданства СССР?

— Можно подумать, у меня есть варианты, — ответил Кахабер. — Не немцам же мне служить! Я на этой заставе вырос!

— Тогда подписывайте! — Тучков подвинул ему два листа бумаги.

Каха просмотрел. Заявление о принятии гражданства СССР. И рапорт о принятии на службу в звании старшего лейтенанта погранвойск. Вот так-так! Даже звездочки сохраняют. Расписался не задумываясь:

— И? Это все?

— А что вы ожидали? — усмехнулся капитан. — Положено, пока бумаги будут ходить по инстанциям, не нагружать вас вопросами службы. Но, увы, ситуация обязывает. Можете приступить немедленно?

Каха пожал плечами: надо значит надо.

— Ситуация такая, — начал разъяснение чекист. — Гражданин Набичвришвили очень сильно навредил нам на пароме. Наши сотрудники общались с некоторыми пассажирами. Настроение у всех подавленное и крайне негативное. Людям из нашего времени они не поверят. Вы же — герой, вступившийся за них и не испугавшийся всесильного НКВД. Если

кто-то и в состоянии изменить их настрой, то только вы. Так что, хоть вы еще не на службе, вынужден просить...

— Понятно, — кивнул Вашакидзе, — конечно, поговорю! Когда?

Тучков протянул ему еще несколько листов.

— Здесь основные принципы политики СССР по отношению к иновременцам. Получено буквально час назад. Изучите. Заставлять вас врать людям никто не будет, в этом нет ни малейшего смысла. Кроме того, встаньте на довольствие, получите форму и знаки различия. Если считаете, что форма не нужна, не пользуйтесь ей. В общем, как только будете готовы, так и поедem.

— Разрешите выполнять? — спросил Кахабер.

— Выполняйте, — ответил Тучков и широко улыбнулся. — Кстати, меня Александром зовут.

— Кахабер. Можно — Каха и на ты.

— Соответственно, Саша. Спасибо тебе.

— За что?

— Не отказался.

— Не за что. Давай сначала дело сделаем, а уж потом упражняться в вежливости будем.

Москва, Лубянка. Кабинет Берии.

Ефим Осипович Фридендер, крупный бизнесмен.

Представляете картинку. Наш, две тысячи десятый год. Российский пункт пропуска. Ну, допустим, на границе с Белоруссией. В полночь вместо раздолбанного асфальта появляется шоссе с идеально гладким покрытием раза в три шире имеющегося, а потом подкатывает пепелац. К примеру, на гравитационной подушке. А за ним еще куча аналогичных пепелацев. Частью вообще таких же, частью грузовых, побольше любой привычной фуры раз эдак в надцать. Вылазят из этих транспортных средств ребята в одежде неведомых фасонов с бластерами какими-нибудь в руках и спокойненько так спрашивают наших погранцов: «И какого хрена вы в нашем две тысячи восьмидесятом году делаете? Ах, у вас тут Россия две тысячи десятого! Ну, тогда давайте мы поможем, чтобы вас Африка сразу не захавала. Мы кто? А мы из Сибирской социалистической республики — две тысячи восемьдесят».

Представили? Смешно? Сейчас еще смешнее будет.

Потому как эти ребята заявляют: «Вам, парни, крупно повезло. Через полчаса на вас Штаты должны были навалиться. Вы бы их, конечно, за пять лет раскурочили в драбадан. Но миллионов сорок своих положили и еще через сорок лет развалили бы Великую Россию своими руками на мелкие кусочки. А самые крутые теперь — Африканское Содружество Суахили».

Уже не смешно?

А вот скажите мне, когда эта информация до Медведева с Путиным дойдет? Через неделю? Две? Или уже после высадки африканского десанта, когда чернокожие парни в малиновых беретах начнут колотить берцами в ворота Кремля? Уж не говорю о личной встрече кого-нибудь из подъехавшей гопкомпании хотя бы с Бортниковым...

Ну и кто, интересно, придумал чушь, что современный человек мыслит организованнее предыдущих поколений и информацию способен воспринимать и перерабатывать быстрее?

А еще важнее скорости мышления то, что предки хорошо умели быстро принимать решения и не боялись брать на себя ответственность. Причем начиная с достаточно низких уровней. От начальника погранзаставы уж точно.

Еще сутки не прошли, а я сижу в кабинете у Лаврентия Палыча, да-да, того самого, «Кровавого Палача в пенсне», попиваю чаек и мирно беседую. К стулу не привязан. В рожу лампой не светят. Руки свободны. Гориллы за спиной не наблюдаются. Автомат, правда, сдал на хранение при входе. А нож в потайном кармашке брюк забыл. Через час вспомнил, Берии сказал, мол, вызовите кого-нибудь забрать. Так он минут пять смеялся, да бог с ним, с

ножом, говорит, не до ножей сейчас. И продолжили. Хотя, чует мое сердце, кому-то за мой ножик достанется на орехи по полной программе.

Разговор сразу пошел по делу. Сначала нарком внимательно выслушал краткую информацию о развитии событий за последние семьдесят лет. Мелкие детали я пропускал, успеется. Потом Лаврентий Палыч начал задавать вопросы. Интересовало все. Это понятно. Но как, я вам скажу, человек умеет получать информацию! Это нечто! Я такого никогда и не видел. Никакого наезда, спокойный разговор за чаем. Но выкачал он из меня за три часа столько... Если бы я сам излагал — времени ушло бы раза в два больше. И не все бы вспомнил. Я, хоть информирован лучше, чем средний интернет-идиот, но даже не подозревал, сколько всего знаю!

Если честно, сам бы я в таком потоке новой информации просто захлебнулся. Ведь куча всего идет... И история, начиная с войны (а сколько всего за это время наворотили!), и политика, и экономика. А еще наука, техника... Не в деталях, конечно, самый общий обзор, но тем не менее...

Все вопросы точные, четко сформулированные, никакого прыганья с темы на тему. Если попутно что-то возникает — не отвлекается. Но и мимо не пропускает. Надо будет — вернемся. Не забыл поинтересоваться, что мы с собой интересного привезли.

Станкам обрадовался, конечно, но куда меньше, чем известию, что у нас есть ноутбуки с базой моей охраны. Информация сейчас намного важнее, а Сергеичевы ребята много чего натаскали такого, что в Сети не найдешь. Да и спутниковые телефоны тоже не огорчили. А вовсе даже наоборот. Конечно, пять штук — не количество для страны. Но и не мало, когда другой связи, считай, и нет. А вот машины, на которых можно от границы до Москвы за пятнадцать часов досвистеть даже по их дорогам, тронули наркома гораздо меньше. Бросил только:

— Нет у нас пока шоферов такого уровня, — а ведь самую суть ухватил. Главная прокладка в машине — между рулем и сиденьем. — Только ваши люди. Но их водителями использовать глупо. Так что сами и будете пока на своих «джипах», — с трудом, но без ошибки выговорил незнакомое слово, — ездить.

Мне информацию тоже дает. Не всю, конечно, но вполне достаточно. Причем формулировки короткие, точные и очень емкие. В общем, через эти три часа и ему, и мне ситуация в общих чертах понятна. И не сказать, что очень нравится...

— А ведь хреново, Ефим Осипович, дела обстоят. Очень хреново.

— Да боюсь, Лаврентий Павлович, еще хреновой.

А что еще можно сказать? Разве пару совсем уж неприличных эпитетов добавить.

— Что ж вы так неосмотрительно. Капиталист, гражданство израильское есть, личная армия в сто человек. Могли ведь на границе назад повернуть. Кто бы вам помешал... — ровным голосом говорит, и лицо серьезное донельзя, а в глазах бесенята скачут. Вот и пойми, шутит нарком или как? — А вы? Прямым ходом к классовым врагам, в руки, как там у вас говорят, «кровавой гэбни»? Добровольно. И так спешили, что сопровождающие от вашей езды до сих пор в себя прийти не могут... Да еще в обреченную страну...

— Не подумал, Лаврентий Павлович, — отвечаю делано сокрушенным тоном. — Как-то даже мысль такая в голову не пришла. На инстинктах. А чтобы понять, откуда инстинкты, мне самому надо серьезно подумать. Не занимался я этим, не до того как-то. А насчет обреченной...

— Ну, это мы еще посмотрим, — заканчиваем хором и хищно улыбаемся друг другу. Голос Берии становится жестким, он весь подбирается.

После короткой паузы разговор возобновляется.

— Вот что, Ефим Осипович, насколько вы устали? Еще часов несколько выдержите?

— Должен. От самого Минска в машине спал.

— Тогда подождите немного в приемной. Возможно, нам придется сейчас съездить в одно место. И подумайте, пожалуйста, какие действия вы можете нам посоветовать. Все-таки окружающий мир вы знаете очень неплохо. Лучше меня точно. И что можете сделать лично

вы.

Акцента, кстати, у него вообще нет...

г. Батуми, порт.

Кахабер Вашикидзе, старший лейтенант ПВ НКВД.

Каха поднимался по трапу на паром. Четыре дня прошло, как он въехал на него таким же пассажиром. И всего несколько часов назад сошел под сочувственные взгляды попутчиков. Не то арестованный, не то задержанный, то ли преступник, то ли защитник общественных интересов.

Сегодня вернулся. В новой форме. Новой не по состоянию материала, предыдущие хозяева успели поносить и гимнастерку, и галифе. Новой по самой своей сути.

Возвращение потерянного попутчика большинством было встречено с огромным энтузиазмом. Никого вызывать на палубу не пришлось, его мгновенно обступила толпа. Со всех сторон посыпались вопросы: что на берегу, обошлось ли, какие последствия. На большую их часть отвечало само его возвращение, но люди страшно любят, когда даже очевидные вещи озвучиваются вслух.

— Арамишайс, — отвечал Каха, пожимая очередную руку. — Сейчас все соберутся и расскажу.

Наконец первая волна возбуждения, вызванная его появлением, схлынула. Вашикидзе забрался на вторую ступеньку трапа, чтобы его было видно всем, и сказал:

— Чэмо батонэбо да калбатогэбо! Начнем с того, что выступавший перед нами переводчик нагло врал, пользуясь тем, что сопровождающие его пограничники не знают языка. Поэтому прошу не принимать его слова всерьез. Лучшим опровержением его тезисов является то, что он сам в настоящий момент не валяется с отбитыми почками в подвалах «кровавой гэбни», а сидит во вполне комфортабельной камере, пока товарищи из НКВД разбираются, было его выступление здесь просто глупостью или целенаправленным вредительством.

— Какая разница? — спросила та самая, похожая на актрису женщина.

— Нам никакой, — ответил Кахабер. — Я бы ему еще разок врезал. Но законы СССР предусматривают разное наказание за эти преступления, и, в отличие от мнения самого подозреваемого, следователи этим законам следуют.

— Ну и проклятье на его голову! — сказал средних лет мужик, несмотря на жару, затянутый в кожаную куртку. — Ты мне ответь, для нас что будет?

— Для нас будет так. — Каха поднапрягся, начиналось самое важное. — Никто никого никуда насильно тащить не будет. Паром задержится здесь на несколько дней. Потом пойдет обратно. Все желающие смогут на нем уехать. Рейс будет выполнен за счет СССР, оплачивать проезд не надо.

— Это правда? — поинтересовалась женщина с собакой.

— Нагдат! — заверил Каха. — Эти несколько дней нужны для того, чтобы подготовить для тех, кто захочет остаться, подходящие помещения. Для предков перенос — такая же неожиданность, как и для нас. Заодно у всех будет время подумать, как и где жить дальше. Пока готовится жилье, придется жить на пароме, каюты здесь достаточно комфортабельные.

— А чем нас будут кормить? — тут же влезла толстуха. — Дадут какую-нибудь бурду, которую и свиньи есть не станут!

— Свиньи? Нет, свиньи точно станут, — задумчиво произнес Вашикидзе и картинно развел руками. — Харчо и хинкали вас устроят? А борщ и гречневая каша?

Настроение женщины мгновенно улучшилось:

— Ну, неплохо бы еще какой-нибудь экзотики... — игриво протянула она.

— Звиняйте, ненько, бананов у нас немає... — под дружный хохот по-украински ответил Кахабар, попутно обратив внимание, что толстуха смеется чуть ли не громче всех. Подошла шутка под настроение. Смех окончательно разрядил напряжение, надо было брать быка за рога.

— Еще о справедливости и несправедливости. Я был старшим лейтенантом пограничной полиции Грузии. Вы все видели, как проходила моя первая встреча с товарищами из прошлого. Несмотря на это, им хватило четырех часов, чтобы разобраться в произошедшем и раздать всем сестрам по серьгам. Теперь я советский пограничник в том же звании. Почему я приехал не четыре часа назад? Изучал перспективы, которые предоставляет СССР.

— Хо да? — спросил «кожаный». — И?

— У каждого из нас есть два выхода...

— Два выхода есть всегда. Даже если тебя съели, — выкрикнул молодой парень в широченной бесформенной рубахе навыпуск, столь же широких шортах и шлепках на босу ногу.

— Слушай, это да! — подтвердил Каха. — В данном случае можно остаться в СССР или уехать в другую страну. С другими странами все зависит от ваших личных возможностей. Только не забудьте, что все деньги, бывшие в грузинских банках и на их карточках, пропали. То же самое с российскими и украинскими банками. Рассчитывать можно только на средства в западных банках и то, что с собой. Включая вещи. Если «там» у вас что-то есть, устройтесь комфортней, чем в Союзе. Здесь пока ни Интернета, ни мобильных, ни кондиционеров. Если окажетесь на Западе нищими — сами понимаете...

— А здесь? — спросила «артистка».

— Теперь здесь. Работа гарантированно найдется всем. Любой из нас по меркам сорок первого года — серьезный квалифицированный специалист.

— Аба хо! — опять выкрикнул парень в рубахе. — Это я квалифицированный специалист? Всю жизнь турецкое говно на базар таскаю!

Каха перевел на него глаза и ответил:

— Компьютер перезагрузить можешь?

— Запросто, — усмехнулся тот. — Даже письмо в «Ворде» накаваю. Вообще, продвинутый пользователь.

— А наших дедов надо учить нажимать кнопку «Резет». Так что не только продвинутый пользователь, даже пресловутая Моника Левински за спеца сойдет.

— Что, б...яди пропали? — поинтересовался «кожаный».

— Без понятия. Оральная техника госпожи секретутки никого не интересует, а вот умение нажать на ту самую кнопку в случае зависания — очень даже. Стране нужны все, кто умеет и, главное, хочет работать. В, первую очередь — сисадмины, специалисты по оргтехнике, механики, электронщики. Можно работать на государство, организовывать артели или стать кустарем. В СССР многоукладная экономика, а безработных нет.

— А мне что делать? — спросила «собачница», поправляя очки с необычно толстыми стеклами. — Шестидесятилетняя полуслепая старуха, училка-гуманитарий — кому я нужна? Мои знания, умения, навыки в Советском Союзе сорок первого года неприменимы, а привычки вредны.

— Вы считаете, что учителя литературы или географии стране не нужны? Разве есть профессия древнее и уважаемее, чем учитель?

— Древнее есть, — опять пошутил «рубаха», — даже две!

— Мэорэ и журналисты? — уточнил Кахабар. — Обе трудно назвать уважаемыми. И кто-то учил первых журналистов письму. — Он опять обернулся к «собачнице». — Кроме того, вы пенсионер! Можно жить на пенсию.

— А с какой стати СССР будет платить мне пенсию? — не сдавалась женщина. — В этой стране я не проработала и дня.

— В проекте постановления партии и правительства этот пункт выделен отдельно. Вы будете приравнены к своим фактическим ровесникам из СССР. Отношения государства с гражданами «баш на баш» характерны для другого общественного строя.

— Но где я буду жить? — Пессимизм женщины был вполне объясним. — Моей квартиры в Тбилиси нет, даже до постройки дома, в котором я жила, еще более двадцати лет.

Я знаю довоенный адрес моей семьи. Но кто и на каком основании меня там пропишет? И в тесной комнате огромной коммуналки я буду только мешать.

— Это действительно очень серьезный вопрос. На первое время всех нас расселят по общежитиям. Я пока вселился в солдатскую казарму. Потом будут предоставлять квартиры. Поскольку война отменяется, не придется много лет отстраивать сожженные города. Есть надежда, что все это произойдет гораздо быстрее, чем в тот раз. — Лейтенант задумался над последней формулировкой, потом махнул рукой, понятно, и ладно. — А на Западе у вас что-нибудь есть?

Собеседница только вздохнула.

— Гмэртма дагапарос! — Она перекрестила Кахабара. — На тебе Крест написан.

— Никто не говорит, — продолжил Вашакидзе, — что проблем нет. Есть. И больше, чем хотелось бы. Но здесь их решать будем всей страной. А «там» каждому придется заниматься этим в одиночку.

— А что с нашим товаром будет? — поинтересовался «рубаха».

— Те, кто везет полезный товар, например, машины или одежду, продадут его государству по нормальной цене. Боюсь, что «гербалайфы» и прочую подобную шебутень можно выкинуть сразу. В СССР ее втюхивать некому.

— Это почему? — ожила толстая «ненько». — Тысячи людей пользуются предлагаемыми мной биодобавками! Это гарантированное похудание! Я сама уже семь лет...

— Сколько же ты тогда весила? — поинтересовался «кожаный», скептически оглядывая необъятные телеса.

— Я... Мы... Да вы... — тетка задохнулась от возмущения.

— Попробуйте сдать образцы ваших добавок на исследование в советские лаборатории, — предложил пограничник, — вдруг и в самом деле от них есть польза. А нет, так хоть правду узнаете. Это не «международные независимые эксперты», которые за двести баксов и стрихнин как биодобавку в фотошопе сертифицируют.

— Ладно, — вмешался «кожаный», — кончай нас агитировать за Советскую власть, — он усмехнулся. — А ведь и вправду, за Советскую власть! Не суть. Значит, говоришь, есть несколько дней, чтобы разобраться и решить, что делать дальше?

— Есть.

— Нормалек. Успеем обсудить все и продумать. Вопрос серьезный, с наскока не возьмешь. — Мужик вдруг широко улыбнулся и закончил: — Выкрутимся! Где наша не пропадала!

Восточная Пруссия, г. Кенигсберг. ¹⁴

Эрих Кох, обер-президент, гауляйтер Восточной Пруссии.

Вилла называлась «Иоахим», располагалась по адресу: Оттокарштрассе, 22, в дорогом районе Амалинау. Считалось, что она принадлежит городскому управлению, но в Кенигсберге все знали, что на самом деле она была «служебной резиденцией» государственного советника Эриха Коха. По черепичной крыше и стеклам барабанили тугие струи дождя, а яблони в окружающем виллу саду гнулись под резкими порывами ветра.

Но четырех человек, сидевших за столом для совещаний в кабинете на втором этаже здания, не интересовало буйство стихий за плотно зашторенными окнами. Трое из них с предельным напряжением на лице изучали лежащие перед ними документы, и только один разглядывал цветной иллюстрированный журнал. Собственно, в этом не было бы ничего необычного. Человека с журналом звали Ганс Адольф Прютцман. Он был немцем, и журнал «Der Spiegel» был немецким. А поскольку большинство изучаемых тремя остальными участниками документов вышли именно из его ведомства, он вполне мог позволить себе почитать прессу. Несуразность была в том, что Ганс Прютцман носил мундир

¹⁴ В настоящее время — Калининградская область РФ и г. Калининград.

группенфюрера СС и уже почти два месяца, с конца апреля сорок первого года, возглавлял штаб оберабшнита «Норд-Ост». Только вот журнал, в который он уткнулся, был датирован маем две тысячи десятого года...

Наконец человек с невыразительным, слегка одутловатым лицом и усиками а-ля Гитлер оторвался от бумаг и сказал:

— Господа, я собрал вас для того, чтобы обсудить наше положение и принять главные, судьбоносные решения. Но сначала я хотел бы услышать, что господин фельдмаршал скажет о чисто военных аспектах сложившейся ситуации...

Сидевший с прямой, как палка, спиной фельдмаршал фон Лееб неторопливо поднялся из кресла и подошел к карте.

— Как вы знаете, вчера в три часа тридцать минут утра вверенные мне войска группы армий «Норд» выдвинулись на исходные позиции, а в четыре перешли границу и начали боевые действия в соответствии с директивами ОКХ. Практически одновременно обнаружилось исчезновение связи со всеми штабами, расположенными южнее линии Ангерп — Гердауэн — Прейсиш-Эйлау — Хайлигенбайль,¹⁵ в том числе — с танковой группой Гота и штабом девятой армии, с которой наши части должны были плотно взаимодействовать. Прервалась и связь со ставкой. Тем не менее за прошедшие сутки наступление развивалось достаточно успешно, несмотря на сильное сопротивление противника, неожиданно установившиеся сложные погодные условия и невозможность применения авиации. Продвижение наших войск составило от пятнадцати до шестидесяти километров, и к исходу двадцать второго июня передовые части четвертой танковой группы вышли в район северо-западнее Каунаса к реке Дубисса. Тем временем посланные офицеры связи, а также направлявшиеся в соответствии с распоряжениями части тылового обеспечения в целом ряде мест натолкнулись на пикеты вооруженных людей в форме, разговаривавших по-польски. Это привело к боестолкновениям, а информация о том, что такие важнейшие транспортные узлы, как Гольдап, Ангенбург, Ландсберг и Браунбург, захвачены польскими партизанами, повлекло за собой решение выдвинуть на эти направления боевые части из числа находящихся в резерве. Поначалу нашим частям противостояли лишь небольшие группы людей с автоматическим оружием, однако уже к середине дня развернулись серьезные бои. В распоряжении противника оказалась бронетехника и артиллерия. Нам удалось продвинуться на расстояние до двадцати километров, но части понесли большие потери от ударов авиации, тяжелых танков и бронемашин, неожиданно оказавшихся на вооружении поляков. — Фельдмаршал опустил руку с указкой и отвернулся от карты. — Вместе с тем четвертая танковая группа сегодня с пяти утра оказалась под мощным фланговым ударом танковых частей русских. По планам эти танковые части должны были быть разгромлены или связаны третьей танковой группой и девятой армией, однако, судя по всему, южнее Августова никаких частей вермахта нет и боевые действия не ведутся. Исходя из этого, я отдал приказ приостановить наступление и закрепиться на тактически выгодных позициях. Но это все не главное... — Фон Лееб сделал несколько шагов, подошел к столу и вытянулся во фрунт, как на параде. — Вверенные мне войска готовы выполнить свой долг перед немецким народом. Но если все, что изложено в лежащих на столе документах, правда...

Прютцман оторвался от изучения журнала и негромко сказал:

— Увы, господин фельдмаршал, правда. У нас не осталось ни малейших сомнений, и нет ни одного факта, свидетельствующего против.

— Тогда наше положение просто катастрофическое. На оставшейся под нашим контролем части территории Восточной Пруссии сосредоточены достаточно большие военные запасы. И боеприпасов, и горючего хватит на две-три недели интенсивных боевых

¹⁵ Ангерп — г. Озерск, Гердауэн — п. Железнодорожный, Прейсиш-Эйлау — г. Багратионовск, Хайлигенбайль — г. Мамоново.

действий. Имеются и определенные мобилизационные резервы. А вот потом — все. В Восточной Пруссии нет военной промышленности, и после израсходования снарядов с оперативных складов нам неоткуда будет их пополнить. Я всегда был противником войны с Россией, однако выполнял приказ фюрера. Германия в целом была способна вести войну против Советов и выиграть. Но группа армий «Норд», опирающаяся исключительно на ресурсы третьей части Восточной Пруссии, не способна воевать с советской Россией в одиночку. Если же добавить войну с абсолютно неизвестным нам противником, опережающим нас в техническом отношении на семьдесят лет, то картина становится в высшей степени мрачной. И наконец, армия должна исполнять приказы. Но я не понимаю, от кого я должен их получать в создавшейся ситуации! У меня все, господа.

Кох кивнул.

— Благодарю, господин фельдмаршал... А теперь я все же попрошу рассказать, что удалось узнать органам СС и СД об окружающем нас мире.

Группенфюрер Прютцман отложил в сторону журнал.

— Времени у нас, господа, сами понимаете, было очень мало, поэтому мы можем нарисовать сейчас лишь самую грубую и приблизительную картину. Итак, неведомая сила забросила в мир отдаленного будущего часть территории Восточной Пруссии и всю Советскую Россию. В мире, в который мы попали, Германия проиграла войну в одна тысяча девятьсот сорок пятом году. Я вообще склоняюсь к тому, что перенос — это результат какого-то дьявольского эксперимента большевиков из будущего. Как нам стало известно, именно эта часть территории в 1946 году была... будет... Одним словом, эти земли оказались отторгнуты от Германии и переданы России. Причем та часть Восточной Пруссии, что была передана Польше, переносу не подверглась. Но с этим пусть разбираются ученые из университета... Нам же важно понимать, что в этом мире установилась абсолютная гегемония плутократов из США. Германия существует и даже процветает, но в политическом плане вся Европа, включая растерявшую колонии Великобританию, пляшет под американскую дудку. Германия — не исключение. Увы, господа, нынешняя Германия — это враждебная нам страна, отринувшая идеалы национал-социализма и утратившая нордический дух. Сразу после поражения в войне и оккупации национал-социалистическая партия была запрещена, ее члены были объявлены преступниками, и запрет на любую пропаганду идей национал-социализма не отменен по сей день. У Германии есть армия, но она действует по указке из Вашингтона. Например, сейчас немцы воюют на стороне американцев в Афганистане, хотя никаких собственных интересов будущая Германия там не имеет. Возглавляет страну женщина, канцлерина Ангела Меркель. Она представляет христианский демократический союз, а в коалиционное правительство входят социал-демократы, — при этих словах лицо группенфюрера сморщилось, как будто он проглотил лимон. — На самом деле нам пришлось бы собирать информацию по крохам, но, по счастью, двадцать второго июня на дороге между Браунсбергом и Хайлибенгайлем был задержан многотонный грузовой автомобиль, а в нем — водитель и его помощник, оба граждане Германии. Согласно документам, им надлежало доставить груз медикаментов с заводов компании «Вауег АГ» в Леверкузене на склад русской компании «Протек» в Кенигсберге, который русские называли Калининград. Особый интерес представил водитель, Отто Вайгель, одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, житель Нойбранденбурга. Он оказался владельцем небольшой семейной транспортной компании, специализирующейся на перевозках в Россию, Польшу и Чехию. Вайгель интеллектуально развит и хорошо образован, закончил инженерное училище в Ростке. Именно он рассказал, что после войны Германия была разделена сначала на зоны оккупации, а затем на два государства, одно из которых, Федеративная Республика Германия, попало в зону влияния американцев и стало его военным союзником. Второе, созданное Сталиным на восточных землях, называлось Германская Демократическая Республика. Здесь правили немецкие коммунисты, и страна входила в советский блок. Собственно, после войны весь мир разделился на два лагеря. Америка сколотила Североатлантический военный союз под названием НАТО, второй лагерь

представляли Советы, заполучившие под свое влияние Восточную Европу и Китай. Позднее коммунистический Китай откололся, повел самостоятельную политику и добился небывалых промышленных успехов. Тем временем США повели против Советов так называемую холодную войну, которая, несмотря на множество локальных войн, не переросла во всеобъемлющий военный конфликт только по причине появления оружия чудовищной разрушительной силы. Армии США, Франции, Англии и Китая имеют чудовищные снаряды, способные поражать цели на расстоянии тысяч километров, причем один снаряд способен уничтожить европейскую столицу! Было такое оружие и у СССР, а затем и у России, вышедшей из-под власти большевиков. Да, да, в тысяча девятьсот девяносто первом году Америка победила в холодной войне, и СССР распался на отдельные государства. Но сейчас на территории этих государств вновь оказалась Россия Сталина. Многие страны бывшего советского блока вошли в Североатлантический союз. Например, Польша, в конфликт с которой мы столь неосторожно влезли. Так что теперь вполне возможно появление на линии соприкосновения немецких частей, которые будут стрелять в немцев.

Фон Лееб столь возмущенно вскинул брови, что ему пришлось ловить выпавший монокль. Но Кох опередил его возражения.

— Успокойтесь, господин фельдмаршал. Вермахт никто не обвиняет. Вы действовали в пределах той информации, которую имели на тот момент. — Кох умиротворяюще воздел руки ладонями вперед. — Продолжайте, группенфюрер...

— Что еще важно понимать в современной политической ситуации... В мире идут войны за ресурсы, прежде всего за нефть. Одним из важнейших поставщиков нефти в Европу, помимо стран Ближнего Востока, стала Россия. Она одна экспортировала столько нефти, сколько в наше время добывалось во всем мире. Судя по всему, у Сталина есть огромные, еще не освоенные запасы, и именно они станут предметом торга с остальным миром. Наконец, несколько слов о техническом развитии, в том числе — в военной сфере. Оно поражает воображение. Боевые самолеты летают со скоростью, вдвое превышающей скорость звука. Обычная гаубица может укладывать единичный снаряд в круг диаметром около метра с расстояния в пару десятков километров. При этом снаряд наводится по радиолучу из космоса. Вокруг Земли летают сотни искусственных объектов, при помощи которых осуществляется как связь на любые расстояния, так и навигация. Вот, взгляните... — Эсэсовец аккуратно вынул из портфеля и положил на стол плоскую черную коробочку размером с ладонь. — Этот прибор был изъят в автомобиле Вайгеля. По его словам, это «спутниковый навигатор». Такой прибор можно купить на любой бензоколонке. Он определяет положение на земном шаре с точностью до нескольких метров и показывает его на карте. При включении прибора вот эта серая поверхность превращается в экран, на котором и отображается карта. Естественно, аналогичные приборы есть и у военных. Откуда Вайгель все это знает? По его словам, его двоюродный брат служит в Германской армии в должности командира танкового батальона. Кстати, все танки в две тысячи десятом году можно назвать «сверхтяжелыми», с нашей точки зрения. Они имеют вес от сорока до семидесяти тонн и вооружены орудиями калибром около двенадцати сантиметров... Информации, конечно, очень много, и мы продолжим работать как с Вайгелем, так и с польскими пленными.

— Благодарю... — Кох поднялся с места и потер руками одутловатое лицо. — Теперь я хочу сделать следующее заявление, как гауляйтер и обер-президент Восточной Пруссии. В мире, куда нас забросило, Рейх больше не существует. Вхождение в состав Германии грозит неисчислимыми бедами десяткам тысяч немцев, верных идеалам национал-социализма. Как удалось установить, сама приверженность нашим взглядам преследуется в Германии тюремным заключением, а СД и СС объявлены «преступными организациями». Поэтому через два часа я соберу в Королевском замке большое совещание, на котором я расскажу о сложившейся ситуации и объявлю о том, что Восточная Пруссия провозглашается независимым государством. Надеюсь, вы, господин фельдмаршал, не откажетесь принять на себя тяжкие обязанности министра обороны, а вы, группенфюрер, обязанности министра

внутренних дел и безопасности. Ну а вам, — Кох повернул голову к не проронившему пока ни слова четвертому участнику совещания, командующему Первым воздушным флотом генерал-полковнику Келлеру, — я предлагаю пост министра авиации и транспорта. Возражения есть?

Возражений не было, хотя по лицу фон Лееба было видно, что предложение Коха ему не слишком по нутру, но он не видит возможностей от него отказаться.

— Далее, — продолжил Кох. — Я считаю, что боевые действия против Советов необходимо не просто приостановить, а прекратить. Штабу Группы армий, который реорганизуется в Министерство обороны и Генеральный штаб Восточной Пруссии, следует подготовить организованный отвод войск за линию государственной границы. Хорошо бы договориться с непосредственным командованием русскими войсками о том, чтобы этот отход проходил не под огнем противника. Полагаю, что на польском направлении нам также следует отвести войска за черту, где впервые были встречены вооруженные пикеты. При этом максимально укрепить оборону на этом участке! Ну а вы, генерал-полковник, прикажите готовить самолет. Как только позволит погода, я сам полечу к Сталину... Нам на время придется забыть об идеологических разногласиях и снова найти точки соприкосновения. Из правителей этого мира только Сталин является нашим современником, и только с ним мы можем говорить более-менее на равных. Судя по всему, ему тоже будет несладко. Но у него в распоряжении все же целая страна, а не ее осколок... Господа, я надеюсь, что все мы выполним свой долг и что Пруссия останется непобежденным островом национал-социализма. И срочно найдите возможность связаться со Сталиным. Срочно!

2. Брест. Девятая погранзастава.

Заявление Советского правительства.

— Товарищ лейтенант! — постучался в кабинет дежурный.

Начальник заставы оторвался от заполнения очередного журнала.

— Говори, Демин.

— Майор Ильин звонил! — сообщил взъерошенный сержант, судя по красным глазам, положенные четыре часа сна не использовавший. Впрочем, если учесть, что он вторые сутки стоит... Ладно, разберемся. — Передавал, чтобы через час обязательно радио слушали. Важное правительственное сообщение!

— Спасибо.

Сержант верно понял намек и аккуратно притворил дверь. Лейтенант отложил карандаш. Ну что же, раз важное правительственное, то послушаем. Делов-то.

Начальник задумался. Вести заставу в клуб не хотелось. На заставе с радио было худо. Можно было всем наличным составом выдвинуться на КПП. У «потомков» на машинах точно радики стоят, да и у подчиненных Нестеренко старше-младшего есть. Хотя... Точно! Кижеватов чуть было не хлопнул себя по лбу, кляня забывчивость. Не надо никуда выдвигаться. Есть рация на заставе. Правда, не табельная. Вчера среди белого дня через КПП хотели прорваться нарушители. На джипе, размерами с машину Фридлендера. Не посмотрели, что вся дорога уставлена грузовиками. Всей массой многотонного механизма снесли шлагбаум, чуть было не раздавив часового, и даже проехали метров пятьдесят. Потому что «кактус», наскоро собранный потомками из всякого железного хлама, превратил колеса в ошметки. А потом по остановившейся машине ударил «ручник», с позиции, специально на подобные ситуации рассчитанной. Трупы четырех парней лопатами выгребать не пришлось. Пулеметчик оказался мужиком расчетливым и ограничился всего лишь третьей диска. Так что нарушителей государственной границы можно было хоронить в открытых гробах. Если бы такое извращенное желание возникло... Контрабандистов зарыли на кладбище Симеоновского собора вечером того же дня. Почему контрабандистов? А кто еще так нагло бы себя вел? Нет, диверсант тоже может. Но у диверсанта с собой деньги, «липовые» документы, оружие и взрывчатка с ядами, а не четыре килограмма опиатов. Джип, на поверку почти не пострадавший, приволокли на заставу в качестве трофея. Майор

Кудрявцев сделал вид, что ничего не заметил. Все равно в качестве транспорта джип не годился из-за общей расстрелянности. А ненужный мусор начальник заставы может хранить на вверенной ему территории сколько угодно. До первой проверки то есть. Только когда она будет...

Как бы то ни было, но старшина заставы умудрился за несколько часов привести большую часть механизмов и устройств в относительный порядок. Джип сам мог ехать, но, сказать по правде, разве что с горки, и то, если хорошо подтолкнуть. Зато радиостанция на нем работала очень даже неплохо и вместе с отличной акустической системой вполне могла выступать в качестве передвижного агитационного пункта.

К назначенному времени свободная смена собралась в гараже. Пришло и несколько «отсыпных». Прослышав про техническую новинку, явился и десяток «друзей пограничников» во главе с Михеичем. Подошли послушать даже несколько потомков.

Все чинно расселись. Шиболаев с видом фокусника начал щелкать тумблерами.

Треск помех сменился торжественной музыкой, музыка — коротким объявлением Левитана. А потом из всех динамиков зазвучал неторопливый, словно бы слегка спотыкающийся от скрытого волнения голос заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, наркома иностранных дел товарища Молотова:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Вчера, в четыре часа утра, произошло неслыханное событие в истории нашей страны и всего мира, которое является беспрецедентным в истории. Неизвестные природные силы забросили всю территорию Советского Союза и часть территории прилегающих к ней стран в иной мир, на Землю, на первый взгляд ничем не отличающуюся от нашей, за исключением того, что в ней идет две тысячи десятый год. Да, вы не ослышались, наша страна перенеслась вперед, в будущее на семьдесят лет. Наша страна попала в мир новых, невиданных ранее технологий и изобретений... — Вячеслав Михайлович несколько минут рассказывал о миниатюрных радиотелефонах, домашних кинотеатрах и прочих чудесах этого мира, многие из которых пограничники и жители пограничья видели вживую. Даже через одно такое „чудо“ речь и слышали. — Но это будущее не является тем будущим, которое должно наступить по марксистско-ленинско-сталинскому учению, это будущее победившего капитализма, использующего самые современные достижения науки для дальнейшего порабощения народов. Советское правительство, изучив обстоятельства События, вынуждено заявить, что оно является результатом деятельности враждебных нашей стране и нашему народу сил, оставшихся в прошлом, родном для нас мире. Чувствуя неминуемую гибель, предсказанную единственно верным в мире марксистским учением, творчески обогащенным и развитым Лениным и Сталиным, империалисты пошли на фантастические усилия, чтобы избавиться от страны победившей социалистической революции...» — оратор еще несколько минут рассказывал о враждебном империалистическом окружении и происках гидры капитализма. Пограничники слушали с неослабным вниманием. Ясное дело, что на политинформации все содержание речи будет старательно переписано в тетради по марксистско-ленинской подготовке. Но одно дело читать, и совсем другое — слышать.

«Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота. Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое, мы выстоим и построим то общество, которого мы достойны!»

Едва речь закончилась, как Кижеватов объявил построение. Естественно, тут же перешедшее в митинг. Оказавшиеся в одном строю с пограничниками селяне тоже прониклись моментом. Торжественных речей толком говорить не мог никто. Все-таки тут

были «линейщики», а не «отрядские» и не штабники, а уж Михеич со товарищи и вовсе не были мастаками плести словесное кружево. Поэтому слова импровизированной клятвы звучали без официоза, но так, наверное, получалось намного лучше. Да и обошлись без трибуны со знаменами. Просто каждый выходил на три шага из строя и говорил, меняя порой текст в мелочах, но оставляя без изменений суть:

«Я, (звание, фамилия, имя, отчество), клянусь нести службу еще бдительнее, сделать все, чтобы сохранить нерушимость границ Советского народа в новых условиях, несмотря ни на какие трудности и происки империалистов!»

— Нам не привыкать к враждебному капиталистическому окружению, — сказал в заключение Кижеватов, когда левофланговый вернулся на свое место в шеренге, — вспомните, как говорил товарищ Сталин в одна тысяча девятьсот тридцать первом году: «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят-сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет». Вы все тому свидетели, что мы выполнили это требование и под руководством товарища Сталина, партии большевиков превратили нашу страну в развитую индустриальную державу! Теперь мы снова оказались в положении догоняющих! Но сегодня мы можем уверенно смотреть вперед, ибо знаем, что снова догоним и перегоним!

ГВМБ Полярный.

Арсений Головкин, контр-адмирал, командующий Северным флотом.

Арсений Григорьевич всхрапнул, дернул головой, роняя стоявший на столе стакан с карандашами, и окончательно вырвался из одолевавшего его сна. Собрав с пола и стола раскатившиеся карандаши, он посмотрел на часы и мысленно выругался. Полчаса словно корова языком слизнула. Конечно, если в течение недели спать по два-три часа, а последние сутки вообще не прикорнуть ни на минутку, то чего же еще следует ждать. Тем более в кабинете, где стоящий за шторой диван так и манил прилечь, а от обилия бумаг и спертого воздуха у менее привычного человека мог случиться приступ грудной жабы. Адмирал с силой потер ладонями виски, посмотрел на лежащие перед ним бумаги, напечатанные словно в хорошей типографии, и еще раз пережил чувство полной нереальности происходящего. Да ну, какой теперь сон? За эти дни пережил столько, сколько за всю жизнь не предвидится! А он-то считал, что в Испании наглядился на всякое...

Первые полеты «неопознанных» разведчиков, начавшиеся еще семнадцатого, приходящие из Москвы приказы, общая политическая атмосфера ясно говорили всем, кто хотел это понять, что война на пороге. Вот только готовность к ней была не на высоте. Главная база достраивалась, базы в Ваенге и Иоканье еще только начинали возводить. Авиация базировалась всего на два аэродрома, а тыловики флота размещались вообще в Мурманске. Но к войне все же готовились, флот был приведен во вторую готовность девятнадцатого, а вчерашнее утро встретил в полной готовности к боевым действиям. Но вместо войны получили вот это...

Сначала «амбарчики», разведчики на летающей лодке МБР-2 из сто восемнадцатого полка, передали по радио об обнаружении неизвестного корабля, следующего к Полярному. Судя по донесениям, это был как минимум легкий крейсер, что делало положение сторожевиков, находящихся в дозоре, очень опасным. Он приказал выдвинуть завесу из подводных лодок и отозвать под прикрытие береговых батарей сторожевики. Эсминцы готовились выйти в море, когда со сторожевика «Гроза» передали, что крейсер подошел к нему на милю и требует назвать себя. Потом пришли еще более странные радиogramмы, которые все единодушно приняли за непонятную провокацию. Но когда на входе в пролив через пару часов появился СКР «Гроза» в сопровождении крейсера, Арсений, словно по наитию, запретил береговой батарее открывать огонь. И оказался прав. Громадина корабля, передавшего морзянкой по-русски название и вопросы, заставившие зачесать в затылке не только матроса-сигнальщика, но и самого комфлота, уверенно вышла на рейд, словно проделывала это каждый день. Далее от корабля, на борту которого ясно различалось название «Североморск», отделился небольшой разъездной катер и на необычно высокой

скорости направился к пирсу, обгоняя маневрирующий СКР. Его пассажиры заставили оторопеть швартовщиков и лично Головку, встречавшего катер с частью командиров из штаба флота. Из странной, явно резиновой, надувной лодки с необычно маленьким мотором, на пирс взобрались люди, появившиеся как будто из дореволюционных времен: андреевский флаг на корме лодки, погоны на плечах... Самый старший из них, с внушительными шитыми звездами на погонах, окинув взглядом собравшихся, требовательно спросил:

— Что здесь за маскарад и кто здесь старший?

Арсений шагнул вперед и, отодвинув бросившегося было особиста, произнес:

— Про маскарад лучше бы объясниться вам, а старший здесь я, командующий Северным флотом контр-адмирал Головка.

Услышав эти слова, мужчина вскинулся, словно ударенный, и несколько мгновений стоял, вглядываясь в адмирала. Секунду спустя, покачнувшись, начал было оседать, но, опершись на стоявшего рядом спутника, выпрямился.

— Я, капитан первого ранга Королев, заместитель начальника штаба Северного флота, — и, напряженно сглотнув, добавил: — Похоже, сейчас нам с вами стоит о многом переговорить!..

Поэтому теперь Арсений читал отчет о происшествии, переданный потомками, которые чудом остались в своем времени, но попали в прошлое...

Шли плановые учения Северного флота. Этой ночью КПУГ (корабельная поисково-ударная группа) в составе БПК¹⁶ «Адмирал Чабаненко», «Североморск» и МПК «Брест» и «Онега» должна была сначала провести поиск подводных лодок в ограниченном районе, противодействуя ПЛАРК «Орел». А затем ПЛАРК, прорываясь под защитой КПУГ через противолодочный рубеж, представленный ДПЛ «Липецк», должна была нанести условный ракетный удар по наземным объектам противника.

Неожиданно со стороны берега словно выросла огненная стена. Выросла, поднялась, закрывая горизонт, и растворилась под напором ветра. Резко испортилась погода. К тому же в той же стороне несколько раз подряд ощутимо грохнуло, будто что-то взорвалось или дала залп как минимум эскадра крейсеров. В это же время на всех кораблях оборвалась связь с берегом, хотя друг с другом они переговаривались свободно, а спутниковые передачи новостей исключали возникновение каких либо международных осложнений. Будучи старшим на учениях, начальник штаба флота вице-адмирал Воложинский приказал всем лодкам до выяснения обстановки погрузиться и маневрировать в своих районах, оставшимся кораблям КПУГ организовать патрулирование и оборону этих районов, отправив БПК «Североморск» и ДПЛ «Липецк» полным ходом к Североморску...

— Да провались ты дрыном косматым, против шерсти волосатым, трижды злоепахучим продрыном вдоль и поперек с присвистом через тридцать семь гробов в центр мирового равновесия, — прочитав мероприятия, необходимые для обеспечения базирования даже одного ракетного крейсера стратегического назначения, не выдержал адмирал.

— Где я им это все возьму, рожу, что ли, — глядя на равнодушно светящуюся лампу, добавил он.

Где-то в Литве.

Сергей Громов, лейтенант, 62-й стрелковый полк.

— Ну что там? — тихо спросил вернувшегося с опушки Сергея Владимир, летчик-истребитель, которого группа выходящих из окружения бойцов первого батальона встретила вчера вечером.

— Пока все по-прежнему, тишина, — автоматически ответил шепотом Громов, — но подождем еще немного. Не нравится мне этот танк, слишком уж непонятно стоит. Не

¹⁶ БПК — большой противолодочный корабль, МПК — соответственно, малый. ПЛАРК — атомная подводная лодка с крылатыми ракетами, ДПЛ — дизельная подводная лодка.

похоже, что подбит, вроде бы брошенный, но люки аккуратно прикрыты. Пусть Тюкалов еще посмотрит, что-то мне не нравится в этой деревушке.

— Ждать так ждать, хотя и не люблю я этого, точно, — улыбнулся Владимир.

— Слушай, пока ждем, Расскажи, как тебя... — начал было Сергей, но осекся, увидев изменившееся лицо младшего лейтенанта.

— Вот так и сбили, — справившись с собой, ответил Акимов, — нас трое, а их шестеро. Да и скорости у наших «ишачков» не сравнить с их «хейнкелями».¹⁷ Мы к тому же только из боя вышли, я одного «юнкерса» сбил, и мой ведомый одного, остальные деру дали. Но сам понимаешь, боезапас, он не бесконечный, да и бензину уже в обрез оставалось.

— Погоди-ка, а где сбил? Не в этом квадрате? — Сергей раскрыл полевую сумку и показал летчику карту.

— Точно, где-то здесь. Девятка немецких пикировщиков наши позиции бомбила, точно. Ну, мы завалили две штуки, а еще один пехота... — Тут Володя сообразил: — Так это вы были?

— Мы, мы, — рассеянно ответил Громов, подтягивая поближе автомат. Впрочем, и летчик уже выхватил свой «ТТ», да и сидящие рядом бойцы защелкали затворами, заслышав треснувшую ветку.

Тревога оказалась ложной, к расположившейся в тени деревьев группе вышли Тюкалов и отправленный с ним в дозор Симоняк. Нахмуренный вид старшины лейтенанта насторожил. Становилось понятно, что принесенные им вести ничего хорошего не сулят.

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить? — уставное обращение старшины было произнесено таким тоном, что все покрепче вцепились в оружие.

— Докладывайте, старшина.

— Немцев в деревне нет. — Новость была неплохая, но продолжение никого не обрадовало. — Но в ней засели местные бандиты. Я оставил Рошалья и Симоняка в дозоре, а сам пробрался к хатам и осмотрел все. На центральном пятачке наши танкисты, — старшина сглотнул, — на колах, трое. У въездов в деревню — два вооруженных дозора, по паре часовых с винтовками. Я насчитал всего до полутора десятков вооруженных, они, не скрываясь, ходят везде. Рошалья я оставил на посту, следить за деревней.

— Хорошо. Садись, Антонова только на помощь Рошалью отправь. — Громов показал старшине место рядом с собой, опять открыл карту и несколько мгновений смотрел на нее, пытаясь найти нужный квадрат. Помог летчик, быстро сориентировавшийся в путанице условных обозначений.

— Мы должны быть здесь, — показал он. — А ведь мы влипли, точно. По карте получается — либо плыть через реку, либо прорываться сквозь деревню, — и добавил: — А я плавать не умею, совсем.

— С ранеными плыть придется, — задумчиво добавил Тюкалов, — плот нужен.

Сергей задумался, пытаясь принять решение. Старшина и летчик уважительно молчали, ожидая, когда он выскажется. Но додумать лейтенанту не удалось, неожиданно подбежал Антонюк.

— Рошаль литовцам сдался! Бросил винтовку и ушел в деревню! — запыхавшись, прокричал он.

— К бою! Тюкалов, бери пулеметчиков и занимайте позицию слева, у прогалины! — Громов неожиданно успокоился и почувствовал себя курсантом, решающим тактическую задачу, причем решение появилось словно само собой. Команды Сергея подняли красноармейцев, поспешно занимавших указанные позиции. Оставшись вместе с Акимовым, взявшим у одного из раненых винтовку, на месте, Сергей задумался.

«Десятка полтора, пусть даже два, вооруженных бандитов против пятнадцати здоровых, готовых к бою красноармейцев с ручным пулеметом и автоматом... Нет у

¹⁷ В 1941 г. в СССР истребители «Мессершмитт Bf-109F» ошибочно назывались «Хейнкелями He-113».

литовцев при атаке никаких шансов. Но они могут задержать их группу в лесу до прихода немцев. Тогда бандитам лучше всего послать несколько человек для охраны подходов к реке и перекрыть въезд в деревню. Придется атаковать населенный пункт, а это лишние потери...»

Неожиданно грохнуло сразу несколько выстрелов, и на голову Громова упала срезанная пулей ветка. Выругавшись от неожиданности, он приподнялся и пригляделся. Впереди, среди подлеска, мелькали фигуры атакующих.

— Суки, точно ничего не боятся, — выругался лежащий рядом Акимов, на секунду отвлекая внимание. В этот момент грохнул дружный залп и загрохотал «дегтярь».

Наверное, нападавших каким-то образом поджимало время или просто их командир решил, что позиционная война разлагающе действует на личный состав. А самое главное, они, кажется, до сих пор не имели понятия, какие силы им противостоят. Первый же залп положил, по оценке лейтенанта, почти половину атакующих. Перекрывая грохот стрельбы, раздались громкие крики раненых литовцев. Стрельба противника как-то резко стихла, но одновременно сбоку раздались невнятные крики и шум.

— За мной, — бросив винтовку и выхватив «ТТ», Акимов рванул на шум, пригибаясь и маневрируя между деревьями. Выругавшись, Сергей подхватил брошенное оружие, крикнул раненым, чтобы не высовывались, оставил одному из них автомат и побежал вслед за летчиком...

На небольшой полянке, матерясь, трое красноармейцев отбивались от пятерки довольно грамотно атакующих их литовцев. Поблескивали штыки, гремела сталь, казалось, еще немного, и...

Акимов, неожиданно для Громова, очень грамотно, не высовываясь из-за дерева, открыл огонь из «ТТ». Трое бандюг упали, еще один бросил винтовку, воткнув штыком в землю, а последний бросился в чащу, но тут же рухнул, подстреленный одним из бойцов...

Через два часа чертова дюжина красноармейцев покинула пустую, словно вымершую деревню, оставив на небольшом погосте несколько свежих могил, в том числе и могилу забитого бандитами в ходе допроса Рошаля. Поскрипывали колеса конфискованной телеги, бойцы на ходу жевали хлеб с салом. Пока из деревни была видна дорога, все двигались неторопливо, словно никуда не торопясь, но, свернув за поворот, сразу поднажали.

Удалившись от деревни километров на пять, они свернули в лес и замаскировались, готовясь к ночлегу.

— Как считаешь, немцы точно далеко продвинулись? — спросил Акимов, вспомнивший допрос уцелевших бандитов, у Громова, сидящего у вырытой ямы, в которой горел разведенный костер.

— Не думаю. За нами танкисты стояли, они наверняка немцев потрепали, — ответил задумчиво лейтенант, — а там от Ленинграда резервы подойдут.

— Но всыпали нам крепко, точно говорю, — заметил летчик.

— Ничего, за одного битого двух небитых дают. Мы еще в Берлине с тобой выпьем за победу, — оптимистично заметил Громов.

г. Батуми, порт.

Кахабер Вашакидзе, старший лейтенант ПВ НКВД.

Возвращение на заставу ознаменовалось новым знакомством. В кабинете Дашевского сидел широкоплечий короткостриженный парень с густыми, длинными, лихо закрученными усами пшеничного цвета.

— Николай Антонов, — протянул руку широкоплечий.

Мог и не представляться. Эти «старорежимные» усы впечатляли даже на пожелтевших от времени черно-белых фотографиях. Не узнать их было невозможно.

— Кахабер Вашакидзе, — ответил на рукопожатие старлей. — Можно Каха.

— Вот так просто? — улыбнулся Николай. — Ты ж вроде по званию выше.

— Это как посмотреть. Я-то одного Антонова знаю. Генерал-лейтенанта. Так что ты до этих чинов дослужишься. А вот я — еще бабка надвое сказала.

— Так и я по прогнозу той же бабки, — ответил лейтенант. — История изменилась. Ладно, ужинать пойдешь?

— Когда это пограничник от ужина отказывался?

— Я ж тебе говорил, — вмешался Дашевский, обращаясь к Николаю, — Каха — свой парень. Жрет за троих, водку хлещет залпом и с бабами небось не промах!

— Про баб-то откуда знаешь? — спросил Каха.

— Так ты ж грузин!

Офицеры дружно рассмеялись.

— В общем, — продолжил Семен, — осталось только верхами ездить научить. Что за пограничник без коня!

Кахабар удивленно глянул на Антонова:

— Чему учить? Умею.

— Откуда? — удивился Николай. — Говорят, у вас, в будущем, все исключительно на машинах, а лошадок бедных и забыли совсем.

— Так я ж грузин! — ответил Вашакидзе и занялся подоспевшим ужином.

Вроде и не особенно голоден был, да молодой организм всегда требует. Собеседники, видимо, считали так же. Так что тишина нарушалась только сосредоточенным жеванием. Пока эту гармонию не нарушил Тучков:

— Товарищи командиры, это почему у вас радио выключено? Замечание с занесением... куда-нибудь. — Он улыбнулся. — Только что телеграмма пришла. Об отношении к бывшим гражданам государств СНГ. — Взглянув на удивленные лица Антонова и Дашевского, пояснил: — То, во что они СССР превратили. Все правильно, Сема, мы с Кахой сделали. А я уж издергался, как курсистка. При подчиненных нельзя, но вы, старший лейтенант Вашакидзе, поступаете в мое распоряжение только к нулю часов. Так что давайте. — Капитан поставил на стол бутылку водки с залитым сургуком горлышком.

В России стаканы не «находят». Они возникают сами, когда в них появляется необходимость. Это не мистика, это — Россия. Страна, где мировая статистика потребления алкоголя на душу населения разбивается о тавтологию. Это там алкоголь потребляет тело, а у нас-то душа. Пусть генетики изощряются, придумывая особый ген у славян, в три раза быстрее расщепляющий этанол. В России не только славяне живут, да и в остальных республиках наблюдается та же картина. Хоть в Грузии, хоть в Таджикистане. И неважно, что Аллах запретил мусульманам пить вино. Водку же не запрещал. А если бы не хотел, чтобы ее пили, не послал бы! Spiritus означает душу, а душа сама против себя не пойдет, особенно когда требует. Стаканы возникли, и в них мистически налилось точно по пятьдесят граммов. Можно изобретать особые весы, эталоны, пробирную палату, а у нас наливается ровно и поровну. Особый ритуал, или таинство душевного согласия.

Стаканы стукнулись и опустели. Тут уже никакой мистики. Это на Западе думают, что нам нужны долгие и нудные тосты, чтобы выпить. У нас иначе. Иногда надо и с тостом. А иногда молча. А потом уже поговорить. Бывает, что и говорить не надо. Как сейчас. Надо просто подумать. О фантастическом происшествии, о несостоявшемся будущем, о будущем, которое теперь состоится. О геополитике, на которую не может повлиять обычный человек... Или может? Не боги ведь горшки обжигают. И ничего бы не вышло у господ Горбачева и Ельцина, если бы рядовые коммунисты не помчались наперегонки партбилеты сдавать. Но ведь помчались, хотя многие потом жалели. Но это потом, когда похмелье пришло. Страшненькое такое демократическое похмелье со звериным оскалом «дикого» капитализма на перекошенном лице. Как будто капитализм бывает не дикий. Тогда и начали мечтать о «новом шансе». Вот он, новый шанс. Только дадут ли? Большая, но отсталая страна в окружении далеко не доброжелательных соседей. Сколько людей сейчас по всему миру злорадно потирают руки, предвкушая, как «сейчас коммуняки сдохнут»...

Каха разлил по второй. Встал, поднял стакан.

— Я хочу сказать тост. Его выдавали за грузинский, хотя он и не имел отношения к моей Родине. Но это неважно. Важно, что он правильный.

Вашакидзе набрал в легкие воздуха и начал: «Однажды один человек попросил таксиста отвезти его в далекую деревню.

— Садись, — сказал таксист.

— Понимаешь, я не один, — сказал человек и вывел из-за ворот большого бегемота.

— Но бегемот не поместится в автомобиль, — удивился таксист.

— Этого не требуется, — ответил пассажир. — Достаточно привязать бегемота к машине, он будет бежать сзади.

— Привязывай, — пожал плечами водитель. — Но если твой бегемот не выдержит быстрой езды, пеняй на себя. Я не собираюсь тащиться в такую даль со скоростью беременного ишака!

Человек привязал животное к автомобилю, и они поехали.

Сначала водитель ехал не очень быстро, поглядывая за бегемотом. Но когда вышел на трассу, решил прибавить скорость. Убедился, что тот бежит вполне уверенно, заинтересовался и начал ускоряться, потихоньку входя в азарт. Когда скорость дошла до ста пятидесяти километров в час, он радостно сообщил пассажиру:

— Крандец твоему бегемоту. Уже язык на плечо вывалил.

— На правое или на левое? — невозмутимо поинтересовался пассажир.

— На левое, — ответил таксист.

— Ничего, это он на обгон идет!»

Каха сделал паузу, обвел взглядом слушателей и закончил:

— Так выпьем же за то, чтобы мы шли на обгон, когда все думают, что мы уже сдохли!

Командиры встали. И выпили стоя. Как было надо.

И третий — стоя. Потому что третий, он и в сорок первом — третий.

Потом потянулось застолье. Долгое и короткое. С рассказами о прошлом и будущем. Потом рассказы перешли в песни. Нет, не возникла ни гитара, ни гармошка. И голос у Кахи не прорезался. Да и слух не появился. Но как можно не спеть «Темную ночь» или «Враги сожгли родную хату».

Именно после «хаты» и случилось то, чего Кахабар никак не ожидал. Тучков вытер предательскую слезу из уголка глаза и сказал:

— Хорошая песня. Сильная и человечная. И слова правильные. Только объясни мне, товарищ старший лейтенант, что значит «медаль за город Будапешт»? И партия, и правительство высказывались неоднократно: своей земли мы ни вершка не отдадим, но и чужой нам ни пяди не надо. Будапешт — венгерский город, не наш, и захватывать его — это троцкистские идеи. В чистом виде троцкистские. А уж чтобы за такое медали давать!..

— Знаешь, товарищ капитан, — ответил Вашакидзе, — когда врага бьешь, да еще в такой схватке, на границы не смотришь. Нет, не о том я, — он ненадолго задумался и продолжил: — Даже не думал об этом никогда. Как ведь было. Немцы на нас напали. Отступали долго. Потом гнать их начали. До границы дошли. Надо было добивать. Иначе Гитлер бы силы накопил и снова напал. Потому и дальше пошли. Раздавить фашистскую гадину. Освободить завоеванные нацистами народы. Пришлось на чужой земле воевать. И города чужие захватывать. А медали — их же за героизм дают. А где человек подвиг совершил — это уже второй вопрос.

Каха замолчал.

— Все равно, — не согласился Тучков. — Неправильно это.

— Погоди, Александр Викторович, — сказал Антонов. — Ну-ка, товарищ потомок, скажи, а что с Венгрией после войны стало?

— Как что? Венгерская Народная Республика там была. Социалистическая. Потом...

— Потом неважно. Республика в составе СССР?

— Нет. Независимая.

— А остальные страны, — включился Семен, — которые освободили?

— И остальные... А ведь верно! — приободрился Каха. — Ведь земли чужой себе не взяли ни одного метра. Немцев выгнали, у фашистских прихвостней власть отобрали и передали трудовому народу.

— Вот это другое дело, — расцвел Тучков. — Все вполне в русле политики партии. Гляжу, у пограничников с политическим самосознанием куда лучше, чем у капитанов госбезопасности.

— Устал ты, Саша, — сказал Дашевский, отдохнуть бы надо.

— На том свете отдохну, — отшутился Тучков. — Каха, расскажи еще что-нибудь. Хорошее только. Плохое в жизни надоело.

— Страна у нас маленькая, — улыбнулся Кахабар, — все друг друга знают. У тебя сын еще не родился, а я скажу, на ком он женится, Валентина Думбадзе, ее тоже еще нет, а отчества не вспомню, но ее брат, Анатолий, уже родился. Тбилисцы они, так что можешь найти.

— Сына? — Тучковы ждали ребенка к октябрю. — Точно сына?

Он очень хотел именно сына.

— Точно. Витькой назовете.

Капитан улыбнулся.

— Да, мы так и решили: если сын — Виктор, а дочь — Виктория.

Антонов разлил остатки второй бутылки:

— За детей.

На этом и тормознули:

— Товарищ Вашакидзе, — сказал Тучков. — Завтра с нуля часов поступаешь в мое распоряжение. Осталось, — он взглянул на часы, — восемнадцать минут. К семи утра жду на инструктаж.

— А...

— Никто тебя с заставы не забирает. Просто создаем единую группу по делам твоих современников. Для начала: на рейде стоит несколько паромов. Нам поставлена задача найти и сохранить кадры. Ты не новичок в пограничном деле. Работать будешь в паре с товарищем Антоновым. Понятно?

— Так точно!

— Выраженьица у вас, старший лейтенант... Старорежимные...

— Как учили, — улыбнулся Кахабар. — Да! Разрешите доложить конфиденциальную информацию с глаза на глаз?

— Пошли, проводишь! — и как только вышли в коридор, спросил: — Что вспомнил?

— В первые дни войны начальник Сухумского НКВД застукал свою жену с любовником и застрелил обоих. Чем сломал себе жизнь и карьеру. Необходимо предотвратить, он был хорошим специалистом, иначе я бы про этот случай не вспомнил. Не опоздать бы по моему тупоумию.

Москва, кабинет т. Сталина.

И. В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

На привычной глади стола, вызывая внутренний дискомфорт, стоял непривычный, чуждый всему окружающему, странный прибор, похожий на открытую книгу. На непонятно каким образом стоящей «обложке» «книги» горел голубоватым светом экран, похожий и одновременно не похожий на экран работающего телевизора. На экране огромные стилизованные цифры медленно и плавно изменились, вместо 22.00 стало 22.01. Целую минуту он позволил себе просто смотреть на этот предмет, ни о чем не думая, стараясь не моргать от непривычного мерцания и даже забыв про сломанную папиросу в руке, не замечая, как из нее медленно высыпается на стол табак. Наконец, словно проснувшись и чертыхнувшись по-русски, он смахнул образовавшуюся кучку в пепельницу, раздраженно отодвинул трубку и встал. Несколько минут хождения вдоль и поперек кабинета немного успокоили, но раздражение все равно прорывалось в слишком нервных жестах и

разгорающемся блеске желтых тигриных глаз. Сев, он все же занялся трубкой, стараясь успокоиться, в очередной раз за этот долгий, долгий день.

«Как я был прав, когда думал, что после смерти на мою могилу постараются нанести кучу мусора. Но то, что во главе встанет Никитка... не ожидал. Хитрый жук, сисхли гишра! Но ничего, на всякого хитреца найдется свой винт, так, кажется, в будущем говорят?» — Он улыбнулся, представив заголовок в передовице завтрашней «Правды»: «Это если, конечно, Меркулов не подведет. Впрочем, он человек Бери, а что бы ни писали эти бумагомараки в том времени, Лаврентий всегда был и остается самым преданным человеком в этом гадючнике. Натуральный клубок друзей... Новая каста, решившая, что ей дозволено все. Не сломаю — съедят меня и просрут все сделанное усилиями миллионов и миллионов. Как просрали в будущем, сделав бесполезными подвиги погибших в Гражданскую, трудовой энтузиазм в индустриализацию, работу на грани человеческих возможностей во вновь созданных колхозах, еще не одержанную победу. Распродадут все по дешевке, чтобы купить себе маленький кусочек сладкой жизни. Сволочи!»

Пару раз затянулся, пуская горьковатый дым уголком рта. Стало несколько легче, не физически, но морально. Открыв очередную папку, он быстро прочел содержимое, затем встал и прошел к стене, на которой висела огромная карта мира с нанесенными цветными карандашами исправлениями границ и названий на ней.

«Китайские товарищи, которые нам не совсем товарищи, все-таки хотят откусить часть нашего пирога. Хорошо, что удалось остановить вооруженные столкновения. Понятно, что им обидно терять то, что считали уже своим, но тут китайские „товарищи“ несколько заигрались. Пусть товарищ Мао уже умер, но правящей партией в современном Китае по-прежнему остается Коммунистическая. При всем ревизионизме верхушки Мао остается их вождем и учителем. Так что на переговоры китайцы пойдут, но нам придется в чем-то уступить, шени деда». — Он посмотрел на изменившиеся линии границ, задумчиво провел пальцем «Линию Переноса» в Европе и зло усмехнулся в усы, представив, что сейчас творится в правительственных кабинетах европейских стран. Потерять такую часть сырьевых поставок в преддверии зимы. «Это вам не печное отопление и не уголек, быстро не компенсируешь. Больше восьмидесяти процентов поставок газа, ишь ты. А мы этот газ просто сжигаем, шени деда».

Он отошел от стены на несколько шагов и, повернувшись, окинул всю карту взглядом. «Получится, готов поспорить на что угодно. Противоречия между капиталистическими странами никакая „глобализация“ не отменит, даже с учетом возросшей роли международных корпораций. Да и Китая они тоже будут опасаться, раз он сейчас настолько силен. Но будет очень трудно...»

Сложившееся положение отнюдь не радовало. Слабый, отставший от всего мира СССР уже был в истории. Но тогда капиталисты были тоже ослаблены войной и заняты внутренними противоречиями, да и отставание было не столь критичным. Сейчас же существовал фактически один основной центр силы, два других были намного слабее и сильно от него зависели. Этот центр мог поступить как угодно, от прямой агрессии или даже применения сверхмощного оружия, до идеологической подрывной работы, тем более что опыт в ней превосходил опыт советских людей на целых семьдесят лет. Сведений, достоверных и тщательно обдуманных, не хватало, чтобы точно проанализировать возможное поведение нынешних фактических правителей мира.

Вернувшись к столу, он решительным жестом отодвинул в сторону несколько книг с захватывающими названиями и яркими рисунками на обложке, в очередной раз подивившись искусству полиграфии и низкому художественному вкусу иллюстраторов. Одна обложка вновь привлекла внимание, и он перечитал лозунг на развевающемся Красном знамени. «Бог есть любовь к социалистическому Отечеству! Хорошо сказано. Но реально ли? Впрочем, с Сергием надо будет переговорить. Если правда то, что сообщил Шарапов о слиянии нашей церкви с зарубежной, то надо срочно организовать выборы патриарха, передать церкви часть имущества, ранее у нее конфискованного. Такой рычаг воздействия и

такие возможности за рубежом упускать нельзя».

Он отложил книгу в сторону и добавил еще одну строчку к длинному, постоянно растущему списку неотложных дел.

«Теперь армейские вопросы. Кузнецов уверяет, что прибывшие на Северный флот корабли вполне могут прикрыть порт от возможного налета. Но если прибудет еще и подводная лодка с ракетами, то базироваться ей будет негде. Хотя какая там лодка, если подумать. Крейсер, правильно в будущем ее называют... называли. Крейсер стратегического назначения, — он горько усмехнулся, — способный стереть с лица земли целую страну. Все же единственное, в чем капитализм успешнее всего прогрессирует, — это средства уничтожения людей. От винтовки и пулемета до оружия массового поражения. Единственная для нас возможность застраховаться от применения такого оружия — иметь самому. Как бы узнать, сколько всего лодок в море сейчас? Две дизельные уже прибыли в Кронштадт, одна атомная потоплена „неизвестными“, успев уничтожить атаковавшую субмарину. Удачно, что спасшихся моряков подобрало именно венесуэльское судно и привезло прямо во Владивосток. „Неизвестные“, конечно, все будут отрицать, ну и мы тоже в открытую давить не будем. А козыри придержим за собой... Теперь надо связаться с оставшимися. Но как? Коды на прибывших военных судах? Поверят ли им готовые нанести последний, смертельный для мира удар моряки? Не подумают ли, что провокация? И как связаться с гражданскими кораблями „судного дня“, если они обязаны скрываться от всех, а прибыв к нам, неминуемо раскроют свое назначение. Сколько вопросов, — и ни одного ответа. Как не хватает профессионалов. Таких, как на этом заводе в Венесуэле. Новый автомат, хм. Перестройка промышленности? А стоит ли? Модернизировать СВТ на первое время — и хватит. Даже если этот „Калашников“ столь хорош. Договориться с той же Венесуэлой и получить часть продукции? Пусть военные решают. Пока основные усилия надо приложить именно на невоенные области. Если полученные сведения верны, а я почему-то уверен, что так и есть, военная промышленность, пожирившая львиную долю ресурсов без войны, сыграла немалую роль в трудностях будущего СССР. Этот урок необходимо учесть. Обязательно. И теория. Мы не знаем того общества, которое построили. Все эти перепевы Маркса, Энгельса, Ленина, начетническое повторение вместо изучения — это сейчас не пройдет. Это один из самых опасных недостатков нашей партии — низкий культурный уровень ее членов. Конечно, причина в виде постоянной и неотложной практической работы, отнимающей время и вкус к теориям, есть. Но пренебрежение теоретическими вопросами опасно, очень опасно, причем не просто опасно. Без теории нам смерть, и история возможного будущего это ясно показала».

Выбив трубку, он встал и прошелся мимо стола, продолжая держать ее в руке.

— Без теории нам смерть, — повторил он, словно пробуя слова на вкус.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

24/06/1941 г. — 24/06/2010 г

г. Батуми.

Александр Тучков, капитан ГБ.

Александр вышел на улицу. Не потому ушел, что поздно. Больше хотелось побыть одному. Странная это штука — перемещение во времени. Пришел незнакомый мужик, и пожалуйста: «У тебя родится сын». И непонятно, хорошо, что узнал, или наоборот. Все-таки существует некая прелесть в неопределенности ожидания, когда ожидаешь либо хорошего, либо очень хорошего. Надо зайти домой, а то выбираешься раз в неделю, все некогда. Так недолго и до греха. Хотя здесь и не Сухумский НКВД, за свою жену Тучков был уверен, но это не повод заставлять ее ночевать в одиночестве. Поднял взгляд к небу. Звезды светили, словно прожекторы, и казалось, только протяни руку... Пахло цветущей липой и йодом. Как там было в песне: «Трава пахнет горечью?» Александр вытащил из кармана коробку папирос, потянулся было, но раздумал портить ночь дымом. Спрятал папиросы в карман,

расправил гимнастерку под ремнем и пошел домой. На подходе к подворотне, над которой располагалась его квартира, почуял неладное. Вытащил из кобуры «ТТ» и, держа пистолет в опущенной руке, просочился в подворотню.

— Товарищ капитан, — негромко сказали ему в два голоса, — осторожно, не упадите!

— Куда? — спросил он, узнав голоса соседских мальчишек. — Почему не спите?

— Мы здесь щель вырыли от бомбежек, — тут же разъяснили невидимки ситуацию. — А не спим потому, что дежури́м.

— Черти полосатые, какие бомбежки? Не будет войны, вы что же, выступление Молотова не слышали?

— Слышали, но щель отрыли еще до выступления. А сейчас дежури́м.

Александр улыбнулся. Ох, детки! Вечно вам героизма не хватает. Не раскрывая полученных инструкций, которые все равно наутро станут известны всем, приказал:

— В семь тридцать быть у управления. Будете нужны. Только щель обязательно засыпьте.

Капитан усмехнулся, услышав тут же начавшуюся возню, и поднялся к себе. Потянул ручку, дверь послушно подалась навстречу. Английский замок, конечно, для красоты вделан. Сколько Александр ни предупреждал, как ни доказывал, жену не переупрямишь. Очевидно, услышав шорох, а может, и разговор с мальчишками, проснулась Артемида. Появилась на веранде в белой ночной рубашке до пят, похожая на привидение. Бросилась на шею, тесно прижалась.

— Я знала, чувствовала, что сегодня ты придешь!

Александр старался не выражать чувств, не стоит сотруднику органов показывать свое слабое место. Даже перебарщивал немного, «доброжелательные» соседки постоянно твердили Артемиде:

— Поматросит он тебя и бросит, он — большой начальник, а ты?

Но сейчас, забыв обо всем, подхватил жену на руки и закружил по комнате, стараясь не задеть печку... Потом жена уснула, примостившись головой в ложбинке между плечом и ключицей, а он положил руку на едва угадывающийся животик и мысленно говорил с еще неродившимся сыном...

Где-то в Америке.

Клуб «Темная комната».

Джордж в очередной раз старательно проверил, хорошо ли прислуга подготовила гостиную. Служа дворецким в этом доме уже много лет, он еще не помнил случая, чтобы подготовка к встрече велась в такой спешке. Конечно, «кузенам» далеко в отношении соблюдения традиций до его соотечественников, британцев, но собиравшиеся здесь люди вполне могли претендовать на звание настоящих джентльменов и, надо думать, без особой причины не стали бы ломать сложившийся обычай. Он посмотрел на часы — еще час, и эта гостиная превратится в «Темную комнату» — закрытый элитный клуб. Маститые бизнесмены и известные политики, ученые и журналисты, собирались вместе в этой, в прямом смысле, темной комнате — и обсуждали самые различные вопросы, проблемы и пути их решения, определяя политику правительства и направления развития человеческого общества.

Джордж не знал имен и званий джентльменов, но едва ли не лучше их самих изучил все их привычки и прихоти. Вот тут обычно сидит джентльмен, предпочитающий виски, в этом кресле — гость, пьющий только коньяк... В углу на диванах собиралась молодая компания, которая вообще не употребляла спиртного, а только новомодные экологически чистые энергетические напитки. А в этом кресле под часами, очевидно, восседал какой-то почетный член клуба. Джордж привычным движением старательно смахнул несуществующую пыль, как всегда залюбовавшись искуснейшей резьбой черных голов павианов, венчавших собой спинку старинного кресла. Все готово. Еще раз оглянувшись на часы, он зажег часть свечей в массивном бронзовом подсвечнике, стоявшем в центре стола, и задернул тяжелые бархатные

шторы. Комната погрузилась в полумрак.

Ровно в полночь по вашингтонскому времени, когда первые глотки напитков, спиртных и не очень, уже перекачывали в желудки присутствующих, приятный баритон мистера Икс открыл дискуссию.

— Господа, мы собрались здесь, чтобы обсудить пренеприятнейшее известие...

— Да бросьте вы, Икс. Почему это оно неприятнейшее? — бесперемонно перебил его густой бас обладателя столь полюбившегося дворецкому кресла. — Возвращение Дядюшки Джо и его Советов — это, наоборот, подарок для нас. Представляете, как сейчас рухнет эта много возомнившая о себе старушка Европа? Зависимость от русского газа и нефти...

— Господа, — молодой, слегка испуганный собственной смелостью голос человека, решившегося перебить одного из корифеев, раздался со стороны дивана, — разве зависимость Европы от русских не преувеличена? И не забывают, мистер Эй, что среди нас есть и представитель этой самой «старушки».

— Мистер ЭмСи, не так ли? — интонации баса были столь самодовольны, что сразу становилось ясно, как его владелец радостно потирает руки в предвкушении выигрыша. — Я понимаю, что молодежь всегда спешит. Я понимаю, что зависимость Европы от нефти, за исключением нескольких лимитрофов, может казаться не слишком высокой. Но она есть. О газе я вообще молчу. Так вы считаете, восемьдесят три процента по газу и тридцать процентов по нефти — это слабая зависимость? Мистер, поздравляю, вы открыли новый экономический закон.

Несколько приглушенных смешков показали, что ответ мистера Эй был оценен по достоинству.

— Но русским нечего предложить нам в экономическом плане, господа, — не сдавался упорный ЭмСи. — Им нечем торговать, у них нет ничего, что могло бы заинтересовать нашего потребителя. Сталь образца сороковых, нефти не хватает самим, разве что лес и хлеб.

— Экологически чистый лес и экологически чистый хлеб, да и вообще все продовольствие, заметим, — откликнулся кто-то с дивана.

— Плюс еще множество ресурсов, от еще не освоенной нефти в европейской и сибирской части страны, до леса, экологически чистой территории и множества минеральных ресурсов в той же Сибири, — вплелся в общий разговор властный баритон, — и все это под управлением усатого изувера-параноика и его кровавой банды. Войска которого наша армия может разбить быстрее, чем армию того же Саддама. — В голосе говорившего явно промелькнули генеральские интонации.

— Мистер Джи, нам всем известна ваша приверженность к силовым решениям проблем, — заметил мистер Икс, — но мы помним, что любое такое решение чаще всего требует чертовски много денег, принося очень маленькую отдачу. Мы же все деловые люди и понимаем, что одни политические дивиденды, не подкрепленные материально, нам не нужны. И не забудьте про Ирак.

— Вы предлагаете договариваться с Дядюшкой Джо? — очередной мистер был скорее всего, если обратить внимание на акцент, сэром. Голос утомленный, видимо, примчался издалека. — Он же постоянно обманывал всех. Вспомните лицензии, ленд-лиз, Коминтерн...

— Сэр Би, только не вспоминайте про ленд-лиз. Ваши соотечественники первыми отказались от полной оплаты, Дядюшка лишь воспользовался прецедентом, — мистер Икс говорил ровным тоном, и только очень опытное ухо могло уловить в нем слабый оттенок недоброжелательности. — К тому же референт как раз незадолго до заседания нашего почтенного сообщества подобрал мне сводку по концессиям. Не так все было, мистер, совсем не так...

— Подождите вы со своими историческими экскурсами, — снова перебил говорящих бас. — Давайте лучше прикинем, что мы имеем. А имеем мы слабого виртуального врага, весьма подходящего в качестве пугала для обывателей и не способного к серьезному противостоянию. Имеющего еще потенциальный рынок, способный поглотить излишек товаров, особенно устаревших и неликвидных. Оплата? Концессиями на добычу

ископаемых, участие в новой индустриализации, золото, наконец. Настоящее золото, — в голосе мистера Эй прозвучал неприкрытый намек на скандал с вольфрамовыми позолоченными слитками, переданными американским казначейством китайцам. — Кроме того, дополнительным бонусом идут трудности европейской экономики. Евро упадет настолько, что они навсегда забудут о самостоятельности. При этом, уважаемый сэр Би, мы вполне можем помочь вашей стране вернуть принадлежащее ей по праву место в рядах мировых держав. И не забудьте, что имеется еще и Китай, которому при наличии одинаковой идеологии будет намного проще договориться с Дядюшкой Джо. А оно нам надо? К тому же при наличии такого «страшного» жупела, как Дядюшка Джо, принятие военного бюджета превратится в пустую формальность. Полагаю, мистер Джи не откажется от обновления парка своих «игрушек», да и мистер Эйч вряд ли откажется от дополнительных заказов для фирм, расположенных в его штате.

Голоса зазвучали наперебой. Каждый старался успеть высказать свое, привести убойные для оппонентов аргументы и убедить в правоте собственной позиции. Истина, родившаяся в этом споре, вскоре должна была прозвучать с правительственных трибун, что еще более подстегивало азарт спорщиков.

г. Батуми, порт.

Кахабер Ваиакидзе, старший лейтенант ПВ НКВД.

В порту те, кто решил остаться в СССР, «кучковались» уже по интересам.

— Блин, у меня в фуре помидоры сгниют.

— Твой товар?

— Нет.

— Ну и забей! Здесь никто тебя за это не накажет. К тому же там столько всяких химических добавок, что здесь их жрать никто не будет. Ты о другом подумай, чем мы наших коней кормить будем? Моя «Вольво» и камазовскую соляру не принимала. А масла?

— Точно, помню, гнал я «Туарег», позарился на дешевизну, взял сто пятьдесят литров у «СуперМАЗа», так подзалетел не по-детски, форсунки менять пришлось, даже прочистить не получилось...

— С маслами фигня, заливаешь отработку в бочку, а на доньшке — вода, где-то на четверть. Месячок так постоит, и аккуратненько сливаешь, чтобы не замутить. Чище, чем с завода, проверено. Я даже крантик, чтобы со шлангом не заморачиваться, врезал.

— Чую, станут тут наши лайбы, придется на полуторки пересаживаться, а там переключение с двойным выжимом сцепления, синхронизаторов нет. Кто-нибудь помнит, как это делается?

— А ты почему знаешь?

— Так у меня дед на «ЗИС-5» отъездил, а меня на первом «Москвиче» вождению учил...

— Форсунки у тебя от парафина забились. Я тоже такую соляру бочками брал, а как морозец ударит, так парафин густеет, вот и сливай чистую. Так что жди зимы.

— Братан, вот сказал ты о зиме. Я разок на летнюю напоролся, а тут мороз. Разбавил керосином, и ништяк. Керосин же здесь есть?

— Керосин-то есть, да мощность упадет.

— Да у меня и так выше крыши...

— Товарищи, — старик демонстративно смаковал почти забытое слово «товарищи», — паромы ведь надо разгружать. А порт не приспособлен. Давайте мозговой штурм?

— Я смотрю, в порту плавучий кран стоит, может, им?

— Долго. Да и железнодорожные вагоны может не поднять. Есть другие предложения?

— А если понтоны? Есть армейские понтоны, на них и рельсы проложить можно.

— Сейчас пойду выясню.

— Сходи, отец, сходи. Хотя лично я думаю, что эту проблему и без тебя решили...

— И где мы жить-то будем? Опять на «тридцать восемь комнаток всего одна уборная»?

— Я себе всего год как сруб поставил. За два месяца. В лимон уложился, так на первом этаже потолок до трех с полтиной поднял, у них тариф — сантиметр высоты в «штуку» обходится, вот я и решил доплатить сто «штук». Ну и мансарду утеплил.

— И как?

— Тепло и уютно. Главное — экология. Слушайте, а может, нам здесь срубы поставить? Мой-то в России, а в Грузии теплее намного!

— Сказал тоже — теплее! Про Грузинскую Сибирь слышал? Отапливаться чем собираешься?

— Котел «Дон», на газе.

— Ну и где сейчас возьмешь твой «Дон»?

— Отопление не страшно, и «буржуйку» поставить можно, а что с кондиционерами делать? Летом хоть в погребе живи...

— Слушай, а это — мысль. Берется холодный воздух из погреба и направляется в помещение. Чем не ноу-хау?

— Где ты здесь вентиляторы возьмешь?

— Самотоком? Простая вытяжка, как в хрущобе, теплый воздух стремится вверх. Только канал из погреба в пол проведи.

— Ага, и дыши затхлостью.

— Это ты брось, довелось мне старые дома ремонтировать, подвалы сухие, только пыль удали.

— Так ты не дом охладишь, а подвал прогреешь!

— Кстати, отличная идея! Сделать первый этаж заглубленным. Полуземлянку. Как у славян в старые времена! Летом прохладней, зимой — теплее!

— Историк, блин! Да хрен с ней, с жарой! Лом костей не парит! Но идея с коттеджным поселком мне нравится. Как-то не накопил миллионов на Западе! Товарищ старший лейтенант!

Каха подошел к большой группе мужиков, откуда раздался возглас:

— Слушаю вас, товарищи.

— Ну, ты старлей, совсем советским стал, — засмеялся Ладо. — Слушай, идея есть. Разрешат нам свою деревню отгрохать? Срубов наставим, жить будем, да? Пока лето — успеем. Если со стройматериалом помогут. А то ведь ни жилья, ни денег, да. А строить какой грузин не умеет?

— Знаешь, не в моей компетенции вопрос. Но думаю, что и разрешат, и помогут. Надумали остаться?

— Я грузин, Каха. И мой дом в Грузии.

— Хорошие слова. Добро пожаловать домой, Ладо!

Турция, г. Трабзон.

Лиза Евсеева, гражданка РФ.

Как мне надоела Турция! Ну что Егорке не пойти было Куда-нибудь попроще, в места доступные если не Дашке, то хотя бы мне! Подкинула бы дочку свекрови... Нет же, поперся в свою супер-пупер «шестерку», а жену бросил подыхать с тоски на пляже задрипанной страны третьего мира! Одну! То есть вдвоем с дочкой! В месте, где обязательные принадлежности местных мачо — волосатая грудь, кривые ноги и полное отсутствие мозгов. Странно, детишки, с которыми играет Дашунька, совершенно нормальные. Почему же из них такие уроды вырастают? Нет, но какой садист! Или наоборот, специально отправил в Турцию, потому что здесь нормальных мужиков нет, одни обезьяны?

— Дэвушк, развлэчса хочэш?

Легок на помине! Нет, понятно, что на фоне условно молодежной команды отдыхающих я нечто среднее между Венерой и Афродитой. Я вообще на любом фоне замечательно смотрюсь. Но это же не повод приставать! С твоим-то интеллектом! И внешним видом шимпанзе с мордой павиана. Нэт, дарагой! Я, конечно, измучена месячным

отсутствием мужа, но не до такой же степени. Конкретно ты вызываешь только желание засветить «меж букашек». Жаль, ручным мячом никогда не увлекалась, несильно выйдет!

— Свали!

Жаль, по-турецки ругаться не умею. Чтобы эффект лучше получился. Впрочем, понял и по-русски. Только ведь никуда не ушел, урод. Отвалил метров на сто и устроился в компании таких же недопавианов. Медом им, что ли, намазано? Моя совершенная фигурка не для жадных взоров турецких шимпанзе предназначена. Впрочем, пусть любуются и по-черному завидуют моему благоверному! Лишь бы не лезли. Потому как стоит вспомнить Егорку, и самые-пресамые красавцы писанные и принцы в белых трусах смотрятся гиббонами и орангутанами. И никто другой мне не пара! Вон какая у нас дочка прекрасная получилась! Спортсменка, активистка и просто красавица! С вечно ободранными коленками и расцарапанными руками. Издержки активного образа жизни, ведомого нашей Дашунькой... Чем там, кстати, дочка занята? Ага, все как обычно... Носится по кромке воды наперегонки с местными мальчишками. Выдирают друг у друга неведомого плюшевого зверя, чью видовую принадлежность установить было категорически нереально еще при его рождении. А сейчас, когда детишки поотрывали у животного все, что торчало — тем более не опознать. Интересно, что бы ни происходило, а зверь постоянно у Даши. Мальчишки из слабых девичьих ручек игрушку вырывают, отбирают и убегают, а пушистик все равно остается у моей сорвиголовы. Либо у дочурки большой запас этих зверей, либо законы физики над детьми власти не имеют по определению. Впрочем, не только физики. Каким образом Дашуня находит общий язык с мальчишками? Они ведь по-русски знают еще меньше, чем она по-турецки! Ее же английский принципиально не отличается от китайского. Но... Вот, дружно бросили останки несчастного зверя и толпой помчались в воду. Зачем? Точно, топить Дашуньку! Ну, это занятие безнадежное: доча ощущает себя в море намного лучше любого дельфина. У местных аквалангистов на ходу ласты снимает. М-да... Если в семь лет за ней мальчишки толпой бегут, то что будет в семнадцать?

— Привет, Лизонька!

Ох, только этого мне и не хватало! Принесла нечистая сила подарочек из Свердловской области! И что вам, Алевтина Федоровна, в спа-салоне не сиделось? Из беседки придется выметаться, наша доярка занимает все место, до которого может дотянуться. Хотя, надо отметить, местных мачо отпугивает на раз. Теоретически местные мачо всеядны и неразборчивы, но оказывается, всему есть предел. Вон, обезьянья стайка снялась с насиженного места и отправилась в теплые края искать других блондинок в открытых купальниках, но без почетного эскорта человекообразных бегемотих. Спасибо тебе, высококалорийная пища и человеческая лень! Рядом с Алевтиной можно без помех загорать хоть топлес, хоть ню...

— Здравствуйте, Алевтина Федоровна.

— Лизонька, вы слышали? В России произошло что-то странное!

Ну понятно, раз мы не дома, все сплетни про Россию. И что там могло произойти? Путин сверг Медведева и установил дзюдоистско-горнолыжную диктатуру?

— Что именно? — отвечать не хочется, но молчать невежливо.

— Никто не знает! — судя по всему, свердловчанка действительно удивлена. — Поговаривают, что наша страна пропала! Зато появился Советский Союз из сорок первого года!

Это что-то новенькое. Не замечала, чтобы наш живой танк увлекался фантастикой. Вообще не уверена, что она умеет читать. Даже женских романов в руках не видела.

— Вы перечитали Ивакина?

— Вы совершенно зря смеетесь! Я не знаю, кто такой Ивакин, но ни один телефон моих знакомых не отвечает. Все вне зоны действия сети! Попробуйте сами, — от сельской клуши так и веет обидой за мою недоверчивость. Ладно, ладно, не стоит так близко к сердцу принимать. Сейчас попробую, честное слово! Только телефон найду... Есть! Набираю маму. Во как, вне зоны... Впрочем, у нее бывает, разъездная работа. Ладно, звякну свекру. С ним

куда приятнее общаться, чем с местным бандерложным бомондом. Свекра я вообще люблю больше всех на свете. Кроме мужа, конечно. Странно, и он вне зоны. Вообще-то Сергей Иванович всегда в зоне. Еще раз пробуем. Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд! А свекровь? Ленка? Куда они все подевались? Так... Это уже совсем неинтересно!

Насчет Советского Союза Алевтина, конечно, выдумала, но деньги с карточек надо снять! И немедленно! Что делает русский человек, когда происходит что-нибудь странное и непонятное? Правильно, снимает все деньги из банка и закупает тоннами соль и спички. Без соли и спичек как-нибудь обойдусь, а вот наличностью надо озаботиться. А то Егор в горах, и дома некому деньги с карточек снять. Даже если карманы забиты наличными, все равно лучше цифры на экранчике перевести в бумажки. Чтобы было! А если учесть мои теплые отношения с этими чертовыми пластинками... Наверняка опять либо сломанный банкомат попадется, либо еще какой-нибудь сбой в программе. А мне это на фиг не надо. И так денег нет. Пара сотен по карманам, да по полштуки на «Альфе» и сбербанковской...

Если правильно помню, возле ресепшена был офис банка. Там и сниму, слава богу, насобачилась выбивать из клерков свои кровные вопреки всем людоедским банковским правилам и инструкциям.

— Даша!

Прилетело счастье мое. Вместе со зверем недоразорванным.

— Что, мам?

— Пойдем. Нам пора, скоро обед.

Дашунька широким движением отправляет игрушку в толпу подбегающих мальчишек. Толпа мгновенно превращается в кучу. Да уж, зачатки обезьяньего поведения проскальзывают в любом возрасте...

— Я домой! — заорала она, в месиво ничего не слышащих в азарте драки турчат. — Мам, а мороженого купишь?

— Угу! Пойдем.

С дисциплиной у дочи изумительно. Папина школа. Так. Банкоматы мимо, подождут, злобные ящики! А кто у нас здесь? Почти идеальный вариант — «вьюноша бледный со взором горящим». С бледностью, как у всех местных, некоторые проблемы, зато горящий взор наличествует по полной программе. В сочетании с гривой нечесаных волос, спадающих на засаленную футболку, украшенную снабженной трубкой акулой. Это не на Сталина пародия, а типа пиратская символика. Дашунька предусмотрительно осталась в холле, а потому «включаем блондинку» и вперед с песнями:

— Я хотела бы снять наличность с карточек.

— Воспользуйтесь банкоматами.

Ути, какие мы неприступные! Счас! Минуты на две тебя хватит против моего «пончо» поверх купальника?

— Вы знаете, у меня с ними такие плохие отношения! Они меня не любят!..

Глазки пошире, похлопать ресницами. На подобных «мужчин» этот прием действует безотказно. Вот! Уже поплыл! Какие минуты?! Секунды не продержался!

— Пойдемте, я вам помогу.

Конечно, помоги, дорогой! Если банкомат не сработает в твоих руках, это совсем другое дело. А инструкцию, что запрещает тебе подобные вещи делать, ты уже забыл, мозги продуты ветром от моих ресничек и выжжены плазменными залпами глаз. И кто скажет, что я дура? Так и есть! Проклятая железяка только мерзко пищит и распечатывает длиннющие «простыни» чеков. А денег — ноль целых ноль десятых. Причем на обеих карточках. Вот это уже странно, обычно эти ящики своих слушаются... «Вьюноша» хмурится, возвращается в офис и начинает колотить по клавиатуре. Ураган от моих ресниц сдувает бумажки со стола, а взгляды начинают плавить пластик на столешнице. Как этот клавиатурный дятел выдерживает такой темп колочения по бедным кнопкам, да еще под непрерывное щебетание «тупой блондинки»? Сразу видно специалиста...

— Не проходят сигналы к вашим банкам. Деньги на карточках есть, но банк не

отвечает! — А взгляд как у обиженного щенка. Впрочем, сам виноват. Все бы получилось — может, снизошла бы до улыбки.

— И что это значит? — накручиваем, накручиваем. Что за чертовщина творится? Телефоны молчат, банки не отвечают... — Вы же не оставите меня без денег? Наверняка что-то предусмотрено на этот случай!

— Ну, у нас есть система страховки межбанковских договоров...

Вешай лапшу на мои очаровательные ушки, вешай. А то я не знаю, как у вас все это устроено! Но проблема явно вышла за пределы обычной нелюбви карточек Похоже, действительно что-то случилось. А у меня и двух сотен живыми нет! Билеты на аэрофлотовский рейс — это хорошо, но до самолета почти неделя! И ее надо прожить! Я, конечно, дура набитая, умудриться не взять с собой денег! То есть взять так мало. Эти раскрашенные бумажки улетучиваются с совершенно невероятной быстротой. Но с другой стороны, не могла же я не купить те туфельки на высоченной шпильке! Ну как научиться ходить на высоких каблуках, если нет таких туфелек?! Или умопомрачительное мини-платье с открытой спиной и таким декольте... Егор, конечно, не захочет, чтобы я показывалась в нем на людях, но что мне мешает устроить вечером праздник для двоих? Повод? А чем день рождения Патриса Лумумбы не повод? А какие здесь симпатичные шляпки... И для города, и для деревни, а в той, соломенной, можно даже в лес ходить! Не всегда же мне в каске по дистанции рассекать! Набор слоников будет прекрасно смотреться в столовой нашей съемной квартиры. Ах, черт! Мы же решили осенью купить свою квартиру! Ну ничего, где-нибудь он обязательно будет смотреться!

А какое здесь мороженое! Хотя нет, мороженое в Москве лучше. Но и здесь ничего. А уж пирожные и прочие ништяки?! Просто тают во рту! Нельзя же отказываться от такой прелести. Ради чего? Никогда не понимала клуш, высиживающих на диете, словно наседки на яйцах. Хочешь хорошую фигуру, — бегай за мужем. В смысле, отрабатывайте на пару все его тренировки! И нет проблем.

А еще маленькую надо кормить! Дашуня — молодой растущий организм, к тому же страдающий врожденным проглотизмом, с осложнением на яму желудка. То есть метет все, до чего может дотянуться. Кушает куда быстрее и больше мамы. Шведский стол в отеле, правда, пока выдерживает ее присутствие. Но не могу же я отказать ребенку в лишней порции мороженого! И на все нужны деньги. Но что, спрашивается, мешало взять с собой немного больше этих бумажек? Раза в два. Или в три. И завести карту западного банка. Чтобы не стоять с двумя сотнями в кармане и трястись, удастся ли снять с карточек последнюю тысячу...

Так что вешай лапшу, мальчик. Чем больше ты навешаешь, тем больше шансов получить хоть что-то. Ну вот и прекрасно. Не просто что-то, а моя законная тысяча новенькими купюрами. Интересно, банки ответили или «выюноша» свои отдал в расчете на продолжение знакомства? Нет, свои вряд ли. Они тут жадные все, несмотря на «мачизм». Скорее не придумал ничего лучше, чем взломать защиту собственного банка. Гений компьютерный! Непризнанный лидер международного хакерского сообщества! Идиот недоделанный! Впрочем, это твои проблемы! Я получила деньги со своих карт! Осталось только от тебя отделаться. Ну это-то совсем просто. Зовем Дашуньку... Как мужики реагируют на наличие ребенка? Правильно, ныряют в тину и не отвечают. И чем моложе, тем быстрее и охотнее. И прекрасно. Я не нанималась учительницей в школу секс-ликбеза.

Что-то последнюю неделю мысли крутятся вокруг одного и того же. Хотя чего это я удивляюсь! Месяц полного воздержания! Егор!!! Сволочь!!! Я тебя убью при встрече!!! Нет, я тебя изнасилую! В особо изощренной форме! И буду этим заниматься бесконечно долго!!!

Ладно, лирику пока отставляем. Деньги есть. Что следующим пунктом нашей программы? Купить детям мороженое, а бабе цветы! Баба, то есть я, обойдется без цветов. А мороженое только Дашуньке. Надо экономить, телефоны по-прежнему молчат.

В номере вроде телевизор был. Может, работает? На турецком? Интересно, конечно, но малоинформативно. Хоть одна русская программа есть? Алевтина же откуда-то про СССР

услышала. Или хотя бы английская? Уроды, пол-России здесь отдыхает, а зомбоящик вещает по-басурмански! А, вот англоязычная! Что?! Это клоунада? С ума посходили? Какой, к чертям, Сталин?! Они что, охренели?! Как это нет России?! А мама, свекор? А ЕГОР?! ГДЕ ЕГОР?!

г. Батуми.

Александр Тучков, капитан ГБ.

Капитан проснулся на удивление свежим и отдохнувшим, словно не было позади изматывающей недели. Есть в настоящих женщинах таинственное умение заряжать мужчин энергией не хуже динамомашины. Тучков задумчиво провел по подбородку тыльной стороной пальцев и отправился бриться. Новых лезвий дома не оказалось, забыл купить. Пришлось править лезвие на донышке подвернувшейся тарелки. Побрившись и одевшись, заглянул в комнату. Артемида спала, по-детски положив кулачок под щеку. Тучкову захотелось поцеловать, но не решился, боясь потревожить. «Пусть спит, еще успеет намаяться».

В шесть пятьдесят пять все видели другого Тучкова: строгого, требовательного капитана госбезопасности. Закончив совещание, он еще раз прикинул планируемые действия. Исполком уже решил: треть «паромщиков» разместят в школах, почти половину в казармах воинской части, которую выведут пока на учения. Остальных придется размещать в палатках. Плохо... Сколько еще придет паромов, неизвестно.

Вспомнив, что на половину восьмого вызвал к себе соседских мальчишек, спустился по лестнице и вышел на крыльцо. Пацаны ждали, стоя на другой стороне улицы. Видимо, часовой отогнал. Махнул рукой, мучительно вспоминая имена. Вот ведь нелепость какая! И фамилии помнил, и родителей, а имена... «Не потому ли придумали отчества, что право на свое имя, чтобы его запомнили, надо еще и заслужить? — мелькнула мысль. — Вот ведь чушь какая в голову лезет».

— Значит, так, архаровцы, — нашел он выход из неловкого положения, — бегом оповестить всех своих «гавриков», чтобы срочно собирались в школе. И про девочек не забудьте, все нужны будут, знаю я вас... Ясно?

— Ясно! — дружно кивнули «землекопы».

— Тогда марш выполнять!

Мальчишки бегом припустили по улице.

В сторону порта отправился пешком. Можно было взять машину, но время было, а на ходу хорошо думается. Итак, что у нас по условиям задачи? Имеется шесть паромов, примерно по тысяче человек на каждом. Вопрос питания решен полевыми кухнями еще вчера, с временным расселением сегодня разберемся, но как их проверить и куда потом распределять? Проверка сама по себе была сложным вопросом. Было совершенно непонятно, как проверять, на что проверять. Чем интересоваться в первую очередь, а про что и «забыть»...

Допрос Вашакидзе, плавно перешедший в товарищескую беседу, немного разъяснил происходящее. В СССР последние двадцать лет строили социализм, а «будущники» — капитализм. Точнее, ломали все, до чего могли дотянуться. Прав был товарищ Сталин в вопросе об усилении классовой борьбы. На паромах, по утверждению Кахабара, буржуев нет, те самолетами летают. А здесь — деклассированный элемент, дети рабочих и крестьян, вынужденные заниматься «челноченьем» и перегоном. Нет, товарищ капитан, не деклассированный элемент. «Челноки» по сути своей — спекулянты, а точнее, если смотреть по объемам, то мешочники. Водители же грузовиков, если сами не хозяева, то такие же рабочие, как и любые водители. А если хозяева — тоже мешочники. И все заражены буржуазной моралью. Если по закону, то всех можно сажать. Дача взяток, валютные операции и спекуляция. Формально все преступления совершены в других странах, законам которых не противоречили. Хотя взятки, наверное, противоречили... И еще Вашакидзе прав. В первую очередь каждого нужно рассматривать как крайне ценного специалиста, очень

нужного стране. Те же грузовики, длиной в половину железнодорожного вагона, больше никто водить не умеет. Но проблема в том, что люди эти не изменились, и его, капитана Тучкова, задача — сделать так, чтобы не они влияли на общество, а общество влияло на них. Сюда бы Макаренко. Александр вспомнил «Педагогическую поэму» и подумал, а можно ли считать приплывших на паромах беспризорниками, брошенными государством и идущими на преступления от безысходности. Которых даже не воспитывать, а просто пригреть надо. Кого пожурить, кого приструнить, кого пожалеть, а кому и просто помочь. Нет, это взрослые люди, прекрасно понимающие, что делают. Кахабар же не таскал из Турции кожаные куртки, а служил на границе. Что остальным мешало? Денег хотелось? Однако наверняка есть и те, кто ехал посмотреть на дальние страны. А они могут быть своими людьми. Как отделять? И как выявить настоящих шпионов, если маленькая такая коробочка позволяет связаться с любой страной мира, и ничем ты ее не перехватишь.

Пока ясно только одно. Тех, кто не захочет оставаться, загрузить на «буржуинский» паром и отправить обратно, взяв предварительно расписку в отказе от гражданства СССР. И директивы такие, и сам Тучков с этим согласен. Попутчики не нужны. Остальных надо перевоспитывать и контролировать. Пока не станут советскими людьми, а враги не проявят свою сущность. Работы-ы...

А как разгружать паромы? Ладно, пусть над этим дирекция порта думает, для него главное — люди. Люди — это кадры, а кадры решают все.

У ворот порта капитана буквально за пуговицу поймал директор ближайшей МТС, товарищ Мгеладзе:

— Товарищ Тучков, у вас проблема с расселением прибывших? Наша МТС готова принять десять-пятнадцать человек, а мы ночью обсудили с председателями колхозов, и они возьмут к себе на первое время по пятьдесят-сто. Только разрешите нам самим выбрать, кого брать?

«Вот же волчара, никогда своего не упустит! Не зря „мгели“ означает „волк“, — подумал Тучков. — Надо выяснить, от кого произошла утечка информации. А с другой стороны — баба с возу».

— Хорошо, товарищ Мгеладзе, если исполком не будет против. Но что за проблема, почему ко мне?

— Нас в порт не пускают, — сознался Мгеладзе.

— Нас? — переспросил Тучков. Директор молча показал на группу человек в десять, стоявших невдалеке.

«Десять на сто — выходит почти тысяча человек. Чем не решение? А наблюдение наладим». — Тучков мыслил прагматично, но и контроль упускать не хотел.

— А где их участковые? — потом повернулся к председателям: — Товарищи, подойдите.

Когда те подошли и закончили вразнобой представляться, Тучков сказал:

— Товарищи, учтите, вы берете на себя большую ответственность. К вам попадут люди, лишившиеся всего привычного, дома, семьи, друзей. А для нас важен каждый человек. Вы будете обязаны стать им новой семьей. И почему вы без участковых? Отбор должен проводиться вместе с ними. И я буду спрашивать с вас за каждого, кого вы возьмете.

Вперед выдвинулся грузный, что не мешало ему быть очень подвижным, Апостолиди.

— Кали мера, товарищ Тучков. — Он всегда так здоровался, как бы подчеркивая, что, когда большинство греков после революции уехали в Элладу, в его селе остались все. Строить первое в мире государство рабочих и крестьян, помните, когда к нам привезли детей из Испании, разве они не стали нашими детьми?

— Кали мера, Одиссей Анастасович, — ответил капитан, — вы составили заявку?

Ему протянули список из одиннадцати фамилий, написанных химическим карандашом.

— Пройдемте, товарищи. — И Тучков направился к проходной порта.

г. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Нестеренко, сержант ПВ НКВД.

— Сержант Нестеренко!

— Я, товарищ лейтенант!

— Значит так, Василий... — На начальнике лица нет. Ну, верно, он за последнее время спит только тогда, когда с ног падает. — Берешь телегу и дуешь в Волынку. Михеич нам гостинцев обещал. Заберешь, привезешь сюда. А то на союзников из будущего нам довольствия комендатура не выделяла, а кормить их надо. Заодно узнаешь, как там дела. Возьми с собой... Во! Фридлендера возьми. Тебе полезно антисемитизм свой лечить.

— Никакой я, товарищ лейтенант, не антисемит! Аврик — хороший парень, пооботрется, отличный пограничник будет.

— Тем более. Вот его и возьми. Одна нога здесь, другая там.

— Так точно, товарищ лейтенант.

СССР, в горах Памира.

Группа российских альпинистов.

— Еж твою двадцать восемь через синхрофазотрон и адронный коллайдер в горбатую спину!

— Стакан!

— Перебьешься! «Еж» — слово не матерное. А колючее животное!

— А этот... «синхо...», ну и то, что в спину.

— Тоже нематерное, — заступился Егор, — вполне себе приличные устройства. Что там, Лех?

— Сам посмотри.

Егор подошел. Из тщательно очищенного от снега льда торчала головка крюка с продетой в серьгу петель веревки.

— Это что? — спросил Лешка.

— «Морковка», — ответил Егор, рассматривая железку с не меньшим удивлением, — ледовый крюк. Использовался раньше, когда буров не было. В лагерях еще есть запасы. Иногда их в скалы долбят, «точки» вечные получаются.

— Это я и сам догадываюсь, не дурнее паровоза, — съязвил Лешка. — Какому... — он проглотил матерное слово, правда, целиком от ругани не избавившись, — дятлу пришлось в голову изображать из себя дятла?! Буры уже лет тридцать, как есть! А петля? Это же пенька, мать ее!

— Причем новенькая, — согласился Егор. — На ней мухи ни разу того, чик-чик не делали.

— И заколотили его уже после снегопада! Это как понимать? Реконструкторы от исторического альпинизма? «Толчки» на Памир подались? Горных эльфов отыгрывают, блин! — начал заводиться Лешка. Было у него с толкинистами связано что-то нехорошее.

— Может, у них трубки кончились? — выдвинул версию подошедший Санек. — А буры оставлять — ребят жаба задавила.

— Он же не в дырку от бура вбит! — хмыкнул, сомневаясь, Егор. — Напрямую в лед загнали. Да и за каким хреном тащить сюда «морковку»? Она же тяжеленная!

— И? — вопросительно посмотрел на командира Лешка. — Резюме будет?

— Не будет ни резюме, ни конструктива, — ответил Егор. — Будет перекур с разбором. И спуск. Последний пойдет с этого крюка. Трубку сэкономим.

Он отошел к рюкзакам, дождался, когда все рассядутся, и начал:

— Итак. Двадцать первого июня мы подошли к перевалу, который называли «Загадка». До нас за перевал никто не ходил, поскольку он на границе Китая и Киргизии, и только таким упертым раздолбаям, как мы, хватило терпения оформить все документы на пересечение границы и втолковать китайским погранцам, что эти бумажки не лажа. До перевала оставалось полчаса хода, и виден он был отлично. Никаких технических сложностей не наблюдалось. Так?

Остальные молча кивнули. Егор продолжил:

— В ночь на двадцать второе резко портится погода. Леха выходил из палатки, «эльфов погонять», в два ночи, было тихо. Я просыпался в четыре — уже мело.

— Ну, это не странность, — вставил Санек, — с погодой всяко бывает. Горы.

— Согласен. Просто отмечаю. К утру двадцать третьего погода стала, а на перевале появилась абсолютно отвесная и идеально гладкая стена перемороженного льда, высотой около двадцати метров, идущая по всему гребню. Откуда взялась стенка и причины ее характеристик мы объяснить не можем. С другой стороны перевала обнаружилась совершенно естественная картина спуска. Если не считать верхний срез стены.

— Угу, — вставил Лешка, — как будто ножом отрезали.

— Таким маленьким ножиком, размером с Останкинскую телебашню, — усмехнулся Влад, — и режущим перемороженный лед, как торт.

— Кстати, — продолжил Егор, — перемороженным лед был только на самой стене. Под ней и на перевале — совершенно нормальный. И верх стены мне тоже показался обычным. Но крутить бур в последние полметра поленился, — он сделал паузу. — Дальше. Спуск с «Загадки» и подъем сюда принес вторую неожиданность. Относительные высоты ледников и вершин не соответствуют карте. Расхождения небольшие, но по очертаниям ледников заметно здорово. В то же время хребты и ущелья вяжутся однозначно: мы идем именно там, где планировали. Изменился только ледовый покров.

— Бред, — пробурчал Лешка, — но факт.

— Дальше, — не обратил внимания на реплику Егор. — Вчера вечером мы вышли на место ночлега другой группы. В принципе обычная площадка. Но! Очень много мусора. Впечатление такое, что люди не только не уносят хлам с собой, но даже сжигать его ленятся. Серьезные люди так не делают, а обалдуи сюда не ходят.

— Еще одна странность, — вставил Санек. — Сам мусор. Упаковочная бумага, консервные банки. Ни полиэтилена, ни упаковок от всяких сникерсов и сублиматов.

Все задумались, вспоминая, возможно, упущенные наблюдения.

— Верно, — сказал, наконец, Егор. — Что ж ты раньше молчал?

— Сам только сейчас сообразил, — развел руками Санек. — Чувствовал какую-то неправильность, но какую — только въехал.

— Ладно. Учтем. А сейчас мы обнаружили, что перила на спуске крепились на доисторическую «морковку» и пеньковую петлю. Вроде все. Или что-то забыл?

— На подъеме они обходили все крутые участки, — сказал Лешка. — Даже если это было категорически невыгодно. Только яснее не стало. Допустим, впереди группа остолопов, сдвинувшаяся на историческом снаряжении и жратве. Повторяют подвиги предков. Ледники тоже реконструкторы нарастили? Или за одни сутки нападало и уплотнилось двадцать метров? Да нас бы зарыло без следа. Глубже, чем Бодрова в Кармадоне.

— Подожди, — вскинулся Егор, — как ты сказал?

— Нас бы зарыло...

— Нет, раньше. Нарастили?

— Ну да.

— А если наоборот? Не нарастили. Стаяли. Нет, бред получается...

Егор покрутил в голове кончик ускользящей мысли. Не поймал, сплюнул в снег:

— В общем, всем информация к размышлению. А теперь в ускоренном темпе линияем вниз. На ночевке эти ребята опережали нас на сутки. Если они везде долбят «морковки», то мы их к вечеру стабильно догоним. И что-нибудь узнаем.

— Точно! — засмеялся Лешка. — Влад применит свои профессиональные качества...

Спускались быстро, с удивлением поглядывая на оставленные предшественниками крючья. После первой веревки нашли место ночевки. Не то чтобы необычное, тем более мусор, если он был, выдуло. Остались только две консервные банки. И на этих этикетках не наблюдалось. Или изначально не было, или ободрали.

— Эх, — сказал Егор, — а ведь папа когда-то объяснял, как читать маркировку. Жаль,

не помню ни черта, что к чему.

— Неудивительно, — отозвался Лешка. — Кому это надо сейчас? Смотри, опять «морковка»!

— Да и хрен с ней!

Бесконечно удивляться невозможно. Да и бессмысленно. Если люди забили один крюк, то почему не забить второй? И третий. А также пятый, седьмой... В небольшой мульдочке, чтобы выбраться из которой, требовалось подняться на пятиметровую ледовую стенку, повторилась ситуация, уже виденная на подъеме. Шедшие впереди не полезли в лоб, а взяли вбок, используя микрополочки в самых пологих местах. Да, так получалось чуть легче. Но намного дольше. И страховку нормальную первому не организуешь!

— Все страньше и страньше, — сказал Лешка Егору. — Они там ступени рубили.

— Да и черт с ними, — повторил командир присказку, становящуюся привычной. — Догоним — разберемся. Еще час выиграли. Как минимум.

Он ошибался. Выиграли не час. Выбежав из-за очередного поворота к следующему крутому участку, наткнулись на уходящую вниз веревку и двух человек, сидящих возле ее крепления.

— А вот и... — начал Лешка и замолчал.

— Привет, ребята, — с трудом выдавил из себя Егор, рассматривая брезентовые штормовки, пояса Абалакова, отриконенные ботинки, очки-консервы, деревянные ледорубы, пеньковую веревку, кованые десятизубые кошки и прочая, и прочая, и прочая... — а где вы взяли все это старье?

Сидящие глядели на вновь прибывших с не меньшим изумлением.

Поход давался Наташе тяжело. Конечно, девушка и не ждала, что будет просто. Неисследованный район, большие высоты, тяжелые рюкзаки. Но не настолько же! Она же тренированная спортсменка, опытная альпинистка! И большую часть работы делают мужчины. Ей остается только идти. Но и такая мелочь получалась с трудом. Может, не следовало идти наверх, раз простудилась в Оше? Но вроде как подлечилась, при выходе чувствовала себя хорошо.

А на высоте недомогание резко вернулось. Каждый шаг на подъемах давался с большим трудом, приходилось постоянно останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Кровь со страшной силой стучала в виски. Сергей Иванович, руководитель группы, дал команду разгрузить девушку. Перегрузились по возможности. Но у них и самих рюкзаки были нелегкими... Тем не менее разгрузка помогла, Наташа пошла получше. Кое-как доползла до перевала, спустилась до ночевки.

Ночью почти не спала, холод проникал сквозь спальный мешок и одежду, девушку била дрожь. В те короткие моменты, когда удавалось задремать, снились кошмары, на пару с ознобом выбрасывающие обратно в бодрствование.

К утру Наташа поняла, что она больна, и, похоже, серьезно. Но деваться некуда, путь только один — вниз. И девушка шла. Стараясь не отставать, проходила пологие участки. Сжав зубы, спускалась по веревке на крутых местах. На привалах или ожидая своей очереди на спуск, буквально падала на рюкзак и с ужасом думала о предстоящей ночевке. После подъема из мульды стало совсем плохо. Наташа почти не соображала, где она находится и что делает. Перед глазами постоянно вставала пелена. С трудом переставляя ноги, добралась до места, где Сергей Иванович и Петя забивали очередной крюк, и бессильно упала на рюкзак, судорожно хватая воздух. Сознание немного прояснилось, и Наташа осознала, что не сможет спуститься. Силы рук не хватит удержать себя на веревке, хитро замотанной вокруг тела. Сергей Иванович ушел вниз, навешивать вторую веревку. Следом скользнул Петя. Она следующая...

Сверху слышались голоса. Сидящий рядом Василий издал странный звук, похожий то ли на хрюканье, то ли на ошарашенное фырканье. Наташа обернулась. По их следам бежали двое... Людей? Марсиан? Общие пропорции похожи на человеческие, но вместо лиц

какие-то странные... щупальца? Хоботы? Морды? Непонятно... На головах каски, напоминающие шахтерские, одежда ярких цветов, непонятная обувь без триконой. Странные, изогнутые приспособления в руках, напоминающие ледорубы. Поверх одежды, на системах, подобных парашютным, висела куча блестящих железок совершенно непонятного назначения. Лишь в некоторых угадывались карабины, но тоже яркие и непривычных форм. За первой двойкой выскочила вторая, мало чем отличающаяся. Первые в мгновение ока подбежали к сидящим вплотную. Наташа поняла, что это люди. Но люди очень странные. Одежда, обувь, снаряжение... Тоненькие веревки, как они могут выдержать вес человека? Огромные плоские рюкзаки, одетые не только на плечи, но и прикрепленные к поясам. На ногах что-то похожее на космические ботинки из книжек Беляева или Алексея Толстого. А поверх них... кошки? Наверное, да. Но какие-то странные, с торчащими в стороны зубьями. Лица прикрыты масками, носы которых Наташа и приняла за хоботы...

— А вот и... — начал один и замолчал в явном изумлении.

— Привет, ребята, — произнес второй, удивленный не меньше, — а где вы взяли все это старье?..

— Здравствуйте, товарищи, — с трудом сказала Наташа. — Какое старье?

Василий молчал, открыв рот. Только глазами удивленно хлопал.

— Ваше старье, — уточнил пришелец, — пеньковые веревки, триконая, абалаковские пояса? Музей альпинизма ограбили?

— Это не... — начала девушка и закашлялась.

Один из парней из второй, уже подошедшей связки, резко шагнул вперед:

— Девушка, с вами все в порядке?

— Да, — выдохнула Наташа, — то есть нет...

Парень взял ее за руку, быстро нащупал пульс, прислушался к дыханию, зачем-то пощупал ворот Наташиного свитера и бросил своим:

— Пневмония!

Пришельцы мгновенно пришли в движение.

— Пневмония! — сказал Санек, расстегивая клапан рюкзака. — Быстрее!

Лешка бросился к склону, заворачивая бур в пяти метрах от вбитого крюка с веревкой. Влад вытащил из рюкзака коврик, на который они с Егором положили девушку. Сидевший парень попытался что-то сказать, но Егор рявкнул на него так, как умел только он: «Помогай или не мешай!» — и тот отдернулся, словно его ударили.

Санек сдернул с девчонки штормовку и скомандовал:

— Леха! Ее переодеть надо! У тебя размер поменьше.

— Перила готовы! — бросил Лешка. — Егор, работай!

Сам потащил из рюкзака шмотник.

— Термобелье, полар, пухарь. Что еще?

— Чуни! Штаны пуховые есть?

— Только полар. Надень под ее брезент.

Лешка вытащил запасную беседку и отправил рюкзак Егору. Тот перекидал вещи в свой мешок и нырнул по перилам, унося обе свободные веревки. Санек стащил с девчонки свитер, перетянул руку репшнуром, воткнул в вену шприц и вдавливал одно лекарство за другим, негромко приговаривая:

— Спокойно, девочка, спокойно... преднизолон... цитохром... Все будет хорошо... сульфокамфокаин... строфантин... Мы уже здесь...

Вытащив иглу, док, не обращая внимания на слабые попытки сопротивления, стянул с девчонки тельняшку и надел термобелье, а следом полар и пуховку.

— Потерпи, милая, — ласково приговаривал он, — сейчас легче станет...

Влад распахивал содержимое рюкзака девочки по своему и Санькиному.

— Веревка свободна! — донеслось снизу. Явно не Егоровым голосом. Кто-то из «реконструкторов».

— Что стоишь, — бросил Лешка незнакомому парню, — спускайся! Девочку мы спустим.

Тот медлил.

— Свободна! — послышался голос. Теперь точно Егора.

Влад и Санек помогли девочке встать, водрузили ее уже пристегнутому Лешке на спину, продели ноги в лямки рюкзака, щелкнули карабин... Лешка с девушкой на спине перевалился через перегиб.

— Все правила нарушаем! Даже без страховки! — сам себе сказал Влад. — А что делать? Ладно, у Лехи здоровья море Лаптевых, — и заорал на бестолково дергающегося парня: — Спускайся, урод! Тебя все ждут!

Тот, наконец, вышел из ступора и начал наматывать на себя веревку. Влад выругался. «Грудь — плечо» на абалаковском поясе! Совсем заигрались!

— Свободна! — донеслось снизу.

Так, это уже Санек. Влад закрепил «вспомогаловку» на сдергивание и ушел следом.

* * *

Сергей Иванович Усольцев был опытным альпинистом. И не только альпинистом. Китай и Испания — не самая плохая жизненная школа. Капитан не терялся никогда. Во всяком случае, не помнил за собой такого. А сейчас растерялся. То, что Наташа заболела и надо срочно спускать девушку вниз, он понял давно. Надо торопиться, пока девушка идет сама. Но выше головы не прыгнешь, он и так колотит по крюку со скоростью, срывающей дыхание. Есть вторая веревка! Щелкнуть карабин, перебросить веревку через плечо, пошел! Упираясь в склон ногами, Усольцев спустился до конца веревки, закрепился и достал новый крюк. Еще одна веревка, и выход на очередной пологий участок.

— Веревка! — раздалось сверху.

Сергей поднял голову. Параллельно провешенным им перилам упал второй конец. Почти мгновенно на нем образовалась фигура и скользнула вниз. «Вот уроды, — подумал Усольцев, — куда торопятся? Могли бы и помочь». И капитан с еще большей скоростью застучал молотком.

— Веревка!

На повторный крик Сергей не обратил внимания. Еще бить и бить! Но не заметить упавшую рядом веревку не смог. А тем более невиданного человека, поравнявшегося с ним.

— Что ты херней страдаешь? — спросил тот. — У него девочка умирает, а он ретрокрючками балуется!

— Что? — переспросил Усольцев, продолжая колотить по упрямому крюку. — Как умирает?

— Молча! — зло ответил незнакомец. — Пневмония у нее! Буры есть?

— Что? Какие?..

— Такие! Держи! — пришелец отстегнул от пояса странную трубку, на одном конце которой имелась серьга, почти, как на ледовом крюке. Снаружи по трубочке шла резьба, заканчивающаяся на конце тремя острями. — Бить не надо. Просто завинти в лед и вешайся, как обычно. Девчонку мы спустим, гоните по нашим следам. Влад последним пойдет, если что — поможет.

Парень размотал веревку, закрепленную на небольшом металлическом предмете, пристегнутом на уровне живота, и ушел вниз. Чуть позже оттуда раздалось:

— Свободна!

Усольцев повертел трубочку в руках и опасно последовал совету странного парня. «Бур» ввинтился в лед, как в масло. Удивительная вещь! Сергей закрепил конец и пошел вниз. По параллельной веревке мимо него шел человек, на спине которого сидел второй. Двойка двигалась медленнее первого парня, но быстрее капитана. Усольцев не признал бы Наташу, одетую в чужие вещи, если бы та не окликнула его:

— Сергей Иванович, что происходит?

«Откуда я знаю? — подумал Усольцев. — Но эти парни тащат тебя вниз с недоступной нам скоростью, а это сейчас самое главное».

— Все нормально, Наташенька! — ответил он вслух. — Это товарищи из погранотряда, у них новейшее снаряжение!

Девушка облегченно вздохнула и положила голову на плечо несущего ее парня.

Западная Белоруссия, пять км юго-восточнее КПП «Брест-Литовск».

Курт Айсфогель. Фельдфебель, 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург».

Сказать, что фельдфебель Курт Айсфогель был взбешен, — значит не сказать ничего. Он был в неопишуемой ярости, хотя внешне это не проявлялось. Фельдфебель не понимал происходящего. Вообще не понимал. Поставленная задача была проста и однозначна. Выйти в тыл к русским, подобраться в нужный район, а когда начнется наступление, захватить мост через безымянный приток Буга и удерживать до подхода своих войск. Сначала все происходило, как запланировано. В ночь на двадцать первое июня группа скрытно перешла границу и растворилась в лесах, чтобы к утру двадцать второго появиться в заданном районе. Однако дальше все пошло наперекосяк Звуков канонады, которая должна была послужить сигналом к началу операции, так и не дождалась. Гауптман Майер скомандовал отход и возврат к своим. Взвод рассредоточился. Но уже через двадцать минут группа фельдфебеля Айсфогеля нарвалась на русских. С обычным подразделением большевиков проблем бы не возникло, взвод был одет в форму противника, имел все соответствующие документы, и весь личный состав чисто говорил по-русски. Но с большевиками оказались два чекиста. Более того, складывалось впечатление, что они искали именно абверовцев. Отбиться удалось с трудом, потеряв четверых. Всего группа потеряла уже шестерых, Гюнтер и Карл тоже так и не вышли в условленную точку сбора.

А потом стало еще хуже. Дороги к границе перекрыли. Двигаться приходилось сумасшедшими зигзагами, обходя многочисленные заслоны большевиков. Леса просто кишели русскими. Куда делись войска вермахта, которые давно должны были занять этот район, Курту оставалось только гадать. Они крутились уже вторые сутки. Еда кончилась. Попытка раздобыть пищу в подвернувшейся деревне стоила жизни еще двоим. Теперь от отделения осталось всего четверо. Агенты русской тайной полиции в глухой деревне, что за бред! Погоню удалось сбросить только благодаря непрекращающемуся дождю. Хотя какая-то польза от внезапно испортившейся погоды... Но эти же атмосферные катаклизмы отбирали у диверсантов последние силы. Мокрые, грязные, усталые и голодные солдаты мечтали о теплой ванне, горячих сосисках и кружке пива и ради этого, похоже, были почти готовы даже сдаться русским.

Фельдфебель внимательно осматривал дорогу, которую предстояло пересечь. Вроде все тихо, но что-то удерживало Курта на месте. Айсфогель доверял своему чутью. Вот и сейчас время не потеряно зря. Сквозь шум дождя прорвалось лошадиное ржание и поскрипывание колес. Телега? Пропустить? Ассоциации сработали мгновенно. Телега. Крестьяне. Еда. Подлесок редкий. Спрятаться и пропустить еще можно, а подобраться и незаметно напасть — нереально. А упускать возможную еду... Фельдфебель сглотнул набежавшую слюну... Ну уж нет, попробуем еще раз сыграть на русской форме. Не будут чекисты разъезжать на телегах по лесным дорогам между хуторами. Главное — не шуметь.

США. Сан-Франциско.

Владимир Касатонов, контр-адмирал, командир отряда кораблей ТОФ.

Сидящий рядом с генконсулом Владимиром Вячкилевым американец излучал респектабельность всем своим видом. Строгий, английского покроя костюм, даже на беглый взгляд стоил побольше среднего годового дохода среднестатистического американца, как и золотое обручальное кольцо и еще одно, со странным значком. Да и часы, похоже, точно

такие, как у российского премьер-министра, явно не были китайской штамповкой. Рост около ста восьмидесяти сантиметров и легкая полнота придавали ему внушительность бегемота, а самоуверенное выражение лица и традиционная улыбка сразу выдавали представителя правительственных органов.

— Владимир Львович, познакомьтесь, — это специальный представитель госдепартамента Роджер М. Райан, — по тону генерального консула контр-адмирал заметил, что на него этот представитель произвел немалое впечатление.

— Очень рад, — английский Касатонова был, пожалуй, не хуже, чем американский английский собеседника, разве что более старомоден. — Чем обязан?

— Господин контр-адмирал, во-первых, позвольте принести вам соболезнования в связи с потерей близких, — американец шел напролом, словно не заметив, как при этих словах помрачнел сидевший напротив адмирал. Что удивительно, его русский был совсем не плох, если не считать легкого акцента и английского раскатистого «эр». — Наше правительство, учитывая произошедшие события, готово предоставить всем желающим права политических эмигрантов с ускоренным предоставлением американского гражданства. Я хотел бы, с вашего разрешения, довести до ваших подчиненных это предложение нашего правительства, — американец поспешно добавил, глядя на постепенно краснеющего адмирала. — Разумеется, нами будут учитываться особые заслуги отдельных лиц. Кроме того, всем оставшимся будут выплачены материальные вознаграждения за переданные американскому правительству материальные ценности.

— Говоря нормальным языком, — адмирал говорил спокойно, но тон его голоса заставил генконсула заволноваться. Только американец сидел с прежним веселоневозмутимым видом, — вы предлагаете мне и моим подчиненным стать изменниками Родины? Вы хорошо подумали, о чем говорите?

— Подождите, подождите, — засуетился Вячкилев, — Владимир Львович, вы видимо неправильно поняли нашего американского собеседника. О какой измене может идти речь, если Российская Федерация исчезла? Если вместо нее — СССР во главе со Сталиным? Разве вы не понимаете, что это совершенно другая страна, служить которой вы не обещали? К тому же для сталинских опричников мы — предатели идеалов коммунизма и буржуазные прихвостни. Если вы не хотите этого понять, то дайте нам довести эту правду до остальных.

— Господин контр-адмирал, вы не должны мешать людям выбрать свой жизненный путь. Государства, которому присягнули вы и ваши подчиненные, нет, вы это понимаете? И вам, и вашим людям просто некуда возвращаться. Вас там никто не ждет, в лучшем случае вы попадете прямо в лагеря ГУЛАГа, — американец наконец-то взволновался. Похоже, до него стало доходить, что поручение не такое простое, как ему казалось вначале. «Сколько времени он потратил на изучение этих чертовых русских и до сих пор не может их понять до конца. Вот сидит напротив адмирал, которому точно известно, что его страны больше нет, что вместо нее — тоталитарное чудовище из прошлого, а Америка согласна принять его в свои граждане и даже заплатить за технику, которая теперь по факту принадлежит ему. А он отказывается понимать эту простую истину. Может, стоит припугнуть?» — додумать Джек не успел, охваченный паникой генконсул озвучил его мысль раньше.

— Владимир Львович, поймите, что вы и ваши корабли сейчас фактически ничьи. И американцы могут применить к вам любые меры, вплоть до военных, — начал он, но тут адмирал встал, одернул китель и извлек из кармана мобильник. Быстрый набор нажатием на кнопку, и собеседники с ужасом услышали:

— Эдуард Владимирович, все как мы думали. Тревога. Корабли к бою и походу изготовить.

Убрав мобильник в карман, адмирал посмотрел на встревоженных оппонентов и сказал:

— Разрешите попрощаться, господа. Не стоит пытаться меня останавливать — у моих сопровождающих при себе оружие, да и корабли наготове. Чтобы не было недоразумений, напомню, что я принимал присягу еще в советские времена, что клялся служить народу, что Российская Федерация — преемник того самого СССР, который появился сейчас на ее месте.

Так что все ваши слова — ложь, господа. Страна, служить которой я клялся, — существует. И корабли наши принадлежат ей. Запомните это, «господин из госдепартамента». И передайте своим начальникам, что «Варяг» верен памяти своего предшественника. Как крейсер российского императорского флота «Варяг» один сражался с японской эскадрой, превосходящей его по силе, так и мы тоже будем сражаться со всеми, кто встанет на нашем пути к Родине. При этом мы без колебаний применим любое имеющееся у нас оружие. Вам ясно, господин Райан?

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился адъютант контр-адмирала, вооруженный пистолетом. Осмотревшись и поняв, что им никто не угрожает, он спрятал оружие и, пропустив Касатонина в дверь, с иронией напел напоследок на школьном английском:

— Гуд бай, Аме-е-ерика, о-о-о!

Американцы, гулявшие на набережной и рассматривающие стоящие у стенки русские корабли, вход на которые был временно закрыт «до выяснения обстоятельств», с удивлением увидели, как на палубах вдруг возникло какое-то странное единовременное движение. Спустя пару минут к трапу крейсера подъехала легковушка портового начальства и прямо на улице начались какие-то переговоры между появившимися несколькими русскими офицерами и портовиками. Еще большее удивление вызвал примчавшийся на полной скорости автомобиль, из которого вышли несколько русских в форме. После их появления переговоры быстро завершились, русские и один из портовиков, судя по всему — лоцман, поднялись на борт корабля. Изумленные портовые зеваки и моряки с ближайших судов восхищенно наблюдали, как эти сумасшедшие русские без всяких портовых буксиров, точными, дозированными толчками машин протискивались в портовой толчее! И потом, замирая на мгновения на свободном пятачке, работой винтов враздрай, ужом вывернулись на ось фарватера, где выросший за кормой мощный бурун показал, что вряд ли кто их теперь сможет остановить. Причем приводя зевак в полное изумление, с отходящего последним от причала танкера на берег соскочило несколько матросов, старавшихся побыстрее затеряться в прибывающей толпе.

Спустя несколько часов крейсер, идущие ему в кильватер буксир и танкер, прошли мимо островов Фэралон. Дрейфующая у островов пара американских фрегатов пропустила караван беспрепятственно. Еще бы, идущий впереди крейсер недвусмысленно навел на них артиллерийские орудия, а в бинокли и на сделанных фотографиях было видно, что часть его ракетных установок готова к немедленному пуску.

— Ну что, товарищ капитан первого ранга, — стоящий на мостике Касатонин улыбнулся, — а вы не верили.

— Что было, то было, — развел руками командир крейсера, — не ожидал, что американцы так просто нас отпустят. Они, видимо, тоже не ожидали, что мы будем действовать столь решительно, вот и обманулись. Теперь придется весь обратный путь идти в полной готовности к любой провокации.

— Да, — задумчиво ответил Касатонин, — а если учесть, что Курилы теперь японские, надо тщательно продумать маршрут возвращения.

Западная Белоруссия, пять км юго-восточнее КПП «Брест-Литовск».

Василий Нестеренко, Абрам Фридлендер, военнослужащие ПВ НКВД.

Васька, нахохлившись под дождем, лениво шевелил вожжами. Скачки на телеге по такой грязи совершенно не входили в его планы. Да и Красотка — не скаковой жеребец, а немолодая уже кобыла. Тише едешь — дальше будешь. До заставы оставалось километра четыре, не больше. Абрам скукожился рядом, не выпуская из рук карабин и периодически окидывая взглядом окрестности. Бдительность его, пока мотались до села и обратно, несколько притупилась, но рядовой старался. Тем более всю дорогу болтали о немецких диверсантах. Несостоявшаяся война не хотела отпускать обоих. Во всяком случае, идущих навстречу бойцов Абрам заметил первым.

— Смотри! Откуда они здесь?

Васька пригляделся. Четверо. Пехотинцы. Сержант, ефрейтор, двое рядовых. Мокрые насквозь. Еще бы, под таким дождем — и без накидок. Почему без накидок? К тому же сапоги грязные, будто неделю по лесам бродили...

— Поосторожнее, Аврик! Смотри в оба!

Незнакомцы подошли ближе.

— Здравия желаю, товарищи пограничники! — сказал высокого роста сержант, сходя с дороги вправо. Шедший рядом с ним ражий ефрейтор синхронно шагнул влево. Что-то в этом слаженном движении Ваське не понравилось. Он натянул вожжи и спрыгнул с остановившейся телеги. Абрам соскочил с другой стороны, не выпуская из рук винтовку. Плащ-накидки остались на возу.

— Сержант Нестеренко! Кто такие будете?

Двое, шедшие сзади, остановились. А вот старшие по званию подошли еще ближе. Ефрейтор притормозил, немного не доходя до Абрама. Сержант остановился на таком же расстоянии от Васьки.

— Сержант Ямщиков, триста тридцать третий стрелковый полк.

— Ваши документы. — Нестеренко вдруг понял, что ему не нравится. Пехотинцы стояли не так... Задние явно страховали товарищей, а те не перекрывали им сектора стрельбы и заняли хорошую дистанцию для неожиданного нападения. Слишком грамотное расположение. Такое показывали вчера ребята из будущего. Обычные пехотинцы так не умеют. Что-то они совершенно не похожи на обычных. И почему без плащ-палаток в такую погоду?..

— Конечно! — следующее движение «сержанта» уже не могло застать Василия врасплох...

Абрама тоже что-то смущало. Чувствовалась какая-то неправильность, но вот какая...

— Ты откуда, хлопче? — спросил неожиданно Абрам стоявшего перед ним ефрейтора, делая полшага назад.

— Из Харькова, — буркнул тот, восстанавливая дистанцию. Почти незаметно.

Абрама словно обожгло. Харьковчане так не говорят. Он сделал еще полшага назад.

— Надо же, земляк! А откуда?

— Ленинградская улица. Тридцатый дом, — так же хмуро буркнул «ефрейтор».

— Знаю! Это на пересечении с «Авророй»!

— Ага. Тот самый.

Ленинградская не пересекается с улицей имени крейсера «Авроры»! Уж это родившийся и выросший на Холодной Горе парень знал прекрасно!

— Du hast Blut auf der Wange,¹⁸ — бросил пограничник.

Неожиданно прозвучавшая фраза на родном языке на долю секунды задержала диверсанта. В результате Абрам ударил раньше. Кирзовый сапог сорок второго размера вошел «ефрейтору» точно в промежность, как в драках против пацанов с Холодной Горы. И тут же второй удар, прикладом по затылку, до хруста. Этому учили уже на службе.

— Немцы!

Но и Василий уже присел, пропуская над головой кулак собеседника, и «крутнул вертушку», любимый батин прием, подсекающий ноги противнику. Даже несколькими сразу, при должной удаче. Но сейчас сержант свалил только одного. Вторая нога догнала висок немца раньше, чем тот успел приземлиться.

Два выстрела слились в один...

Подмосковье, государственная дача номер XXX.

Ефим Осипович Фридлендер, крупный бизнесмен, научный консультант при СНК

¹⁸ У тебя кровь на щеке (нем.).

СССР.

— Миша, я вам категорически здравствуюте, и шоп вам так жить, как оно надо!

Тот, кому я звоню по отдельному «жутко засекреченному» каналу, не имеет ни малейшего отношения к Одессе. Челябинск, Красноярск, Ташкент, София, Иерусалим... только не Одесса. «Одесский» суржик — наш с ним шифр. Крайне удобно. Минимальная шифровка, даже не шифровка, намеки и иносказания, и подслушивающему очень трудно разобраться. Даже если записать разговор, а потом долго крутить и вдумываться. Первый, даже второй слой вычисляется, третий уже редко. Тем более надо еще догадаться, что он есть. Да и на первом уровне толкования не однозначны. Не код, ломать ничего не надо. Намного проще и намного сложнее. Живой язык Собственно, от настоящего одесского говора в нем совсем мало. А уж когда надо незванным слушателям подкинуть дезу... Вот пусть и поломают головы над тем, что все это означает.

— Фима, я на вас не понял! Ви изволили пропасть на почти неделю, а мы тут должны гадать, зачем и насколько ви поймали себе неприятностей! Ви таки доехали, куда хотели, или шо там с погодой?

— Миша, шо вам за дело до нашей погоды? И таки чем вам так интересно за мой променад, шо так обеспокоены? Ви имели слышать таких глупых слухов?

— Я таки должен до вас сказать, что мне неуютно, когда старые друзья немного пропадают, а вместо них появляются не совсем друзья, а неизвестно зачем. Вы мне имеее шо рассказать за свои хождения, или не стоит беспокоиться?

— Ви будете с меня смеяться, уважаемый, однако заради такой погоды я поехал бы гораздо дальше. Но это было совсем не надо, я приехал, куда хотел. И ви себе не поверите, кого я тут встретил и совсем не ожидал! До нас пришел дядя Еся, который имел таких причин быть совсем в другом месте. Таки он решил, что имеет больше оснований быть не там, а тут, сделал маленький гешефт и большое путешествие и передает всем привет.

— Фима, это будет правда? Таки очень даже интересно. Дядя плохо себя чувствует, шо я должен от него переживать? Но кое-кто здесь имеет таких причин сильно нервничать за этих неясностей. А тетя Сара просто не находит себе места, а оно ей совершенно необязательно и очень вредно для здоровья окружающих.

— Ради бога, Миша! Дядя помолодел на много лет и сделал это совершенно правильно, а все его проблемы помахали ему ручкой. Скажите тете Саре, шо ей нет таких причин нервничать. От этого бывает прыщей по телу и других неприятностей. Теперь дядя в самом расцвете и полон сил. Я таки скажу, шо его теперь больше тянет на молоденьких. Он совсем даже не дурак и немного не хочет тетю Сару, но это же не повод до него навязываться. Если дама начнет настаивать, он может сильно расстроиться. А оно нам надо? Оно нам совсем не надо. Когда в доме бьют посуду, могут пострадать дети. Ви же знаете, сколько у дяди Еси внучатых племянников? Ви таки не поверите, но они все граждане Израиля. Меня не утешит, что тетя Сара за это дело будет ходить на экзотику. А это очень даже возможно, Миша, ви себе не представляете, насколько это легко. Но я хотел вам сказать совсем не за то. Дядя хочит, шобы я делал мой гешефт, и шобы я делал его хорошо и вместе с ним, и я совсем не против.

— Фима, ви делаете мне легче на сердце. Но раз ви вспоминаете за свой гешефт, то мне надо говорить про подходящую компанию?

— Миша, не делайте с себя смешно, у меня маленький гешефт на мелких железках, и что там может быть интересно компании. Мы же говорим совсем за другое. У дяди Еси есть много таких вещей, про которые переживает весь мир, и совершенно напрасно, вот до них можно серьезно подумать за компанию, и не только можно, но даже нужно, шобы сэкономить таких забот всем переживающим.

— Юноша, я могу говорить за вас с кем угодно, но боюсь, говорить за дядю Есю мне немножко опасно. Он раньше очень любил шутить, и не всегда удачно.

— Ради бога, Миша, ви таки знаете, я тоже люблю шутить. И ви будете удивлены, но с меня и дяди можно смеяться одинаково. Если тетя Сара чего-то не понимает, еще не значит,

шо это грустно. Между прочим, таких вещей много, но совсем не бесконечно. Кто не успеет сесть на поезд, будет и дальше ехать на осле.

— Я кладу ваши слова себе в уши, Фима, я кладу их себе в уши. Застолбите там участочек для старого друга, уважаемый. И пару таких вещичек, которых стоят его внимания. Ви это сможете, или мне надо кого-то за это искать?

— Ради бога, любезный, разве между нас может быть подобных недоразумений? Считайте, что они уже лежат в кармане. Да, чуть не забыл! У меня к вам есть еще порадовать про хорошую новость. Один старый молдавский еврей как никогда близок к осуществлению своей несбыточной мечты. А если ви захотите немного посчитать, то он совсем даже не старый, а немного в полном расцвете сил.

— Боже мой, Фима, ви даже не представляете, как мне делается интересно, когда я слышу таких вещей! За это надо будет обязательно выпить при нашей встрече. Я надеюсь, ви найдете времени приехать до наших палестин в ближайшее время?

— Таки скорее да, чем нет, если ви не захотите заскочить на минутку в наши. Что нам может мешать двигаться в этом мире? Но я вынужден раскланяться, чтобы не портить ваши гешефты потерей минут. Мы будем прощаться, и ви таки знаете, как мне звонить.

— До свидания, Фима, до свидания. И не надо больше пропадать, оно нам совсем не обязательно.

Западная Белоруссия, пять км юго-восточнее КПП «Брест-Литовск».

Василий Нестеренко, Абрам Фридлендер, военнослужащие ПВ НКВД.

«Рядовые» валялись на земле. Пограничники, сжимая в руках винтовки, подозрительно оглядывали лес. Ни движения, ни звука. Только монотонный стук капель по листве. Но кто-то же стрелял. Трупы-то вот они. Лежат с дырками в головах.

Долго ждать не пришлось.

— Эй, погранцы, не стреляйте, мы из команды Сергеича. Вы меня знаете. Сейчас выйду, покажусь, — фигура в уже знакомом камуфляже выросла как из-под земли.

— Уф! Валера! — Васька выпустил воздух, сбрасывая накопившееся напряжение.

— Так точно, товарищ сержант! — спецназовец шутливо взял под козырек, приложив ладонь к виску. — Но вы молодцы, хлопцы. Как прокачали?

— Чего?

— Как поняли, что это немцы?

Васька расцвел:

— Стояли они грамотно, как вы учили. Мы так раньше не умели. Пехота тем более знать не должна. И плащ-палаток у них нет, непорядок.

— А ты?

— Поговору, — смутился Абрам. — К тому же Харькова он не знает.

— Ну, мастера! В следователи вас надо. За пятнадцать секунд расколоть «Бранденбург»! Ладно. Вяжем этих двоих, всех на повозку, и дуйте на заставу.

— И этих? — Абрам кивнул на «пехотинцев».

— И «двухсотых». — Валера поймал непонимающий взгляд Васьки и поправился: — Трупы тоже. Пусть особый отдел разбирается... Валите. А мы прикроем.

Израиль, г. Иерусалим.

Михаил Черный, бизнесмен. Автандил Либерман, министр иностранных дел Израиля.

В иерусалимской резиденции главы правительства Израиля сидели два совсем еще не старых человека. Разговор постоянно сбивался с русского на иврит и обратно. Гость — высокий, крепкий, с фигурой бывшего спортсмена, горячо втолковывал хозяину, начинающему полнеть мужчине с добродушным круглым лицом, окаймленным окладистой бородкой:

— Витя, Сталин вернулся! Понимаешь, действительно вернулся. Там, где раньше была

Россия и прочие Украины и Прибалтики, сейчас Советский Союз образца сорок первого года. Фима Фридлендер умудрился опять оказаться в нужное время в нужном месте и теперь предлагает его нам в союзники. Я понимаю, что это невероятно, но тут надо успеть первыми. СССР очень интересен как союзник Со всеми своими, как говорит нынешняя молодежь, ништячками. Они идут на концессии и разрешают частную собственность. Им просто деваться некуда! А прикинь, какой огромный рынок сбыта! Абсолютно пустой!

— Спокойно, Миша, спокойно. — Министр иностранных дел Израиля любил принимать взвешенные решения. — Фиме я верю. Фридлендер очень способный мальчик. Но давай анализировать. Во-первых, я бы не слишком доверял коммунистам. И Сталину тем более. Международных обязательств они особо не нарушали. Не считая, конечно, «кидняка» с царскими долгами. Но там я бы и сам кинул. Но вот с внутренними делами не все так просто.

— Никто не говорит о доверии. Однако СССР сейчас не в том положении, чтобы отказываться от союзников. А через тридцать лет... За это время мы сделаем такие деньги, что нам будет наплевать на любую национализацию. Можно будет подарить им все их концессии в обмен на поддержку против арабов. Даже заранее прописать в договорах этот подарок. Прямо сейчас... Сталин оценит. Собственно, ты же знаешь Фиму, уж наивным его никак не назовешь. Он еще ни разу не ошибался в своих прогнозах.

— Я же говорю, способный мальчик, очень способный. С ним невыгодно спорить, — собеседники рассмеялись, вспоминая историю знакомства Михаила с обсуждаемым человеком, — но ведь весьма вероятен ввод миротворческих сил. Как Штаты отреагирует на все это? Не помчится Барак наводить порядок по американским меркам? Нет, сомнительно, Буш бы еще мог, но не Обама. Особенно учитывая положение в Ираке и Афганистане... Немцы? Нет. Китай? Не дадут, те же американцы и ЕС. Никому не выгодно его так усиливать... Поляки и румыны? Могут, но это несерьезно. Без американцев не полезут. В общем, надо понять позицию Обамы. Если Штаты полезут в заварушку, все наши попытки влезть принесут только убытки. Финансовые и политические.

— Вот войны как раз быть не должно. Если Штаты и Китай попилят Союз, нам не достанется даже навара от яиц. Ты у нас министр или кто? Звони Биби. В конце концов, не забудь, сколько там граждан Израиля. Не будущих, настоящих. И сколько жертв холокоста. Ты же не хочешь, чтобы твоего деда убили второй раз? Тем более в тот день, когда он откроет мастерскую, о которой мечтал всю жизнь. Пусть лучше шьет костюмы. Найдешь что сказать. Кстати, Фима намекал, что причины этой катаклизмы ему известны. Думаю, наш с ним разговор по «жутко засекреченному» каналу уже час как на столе у Барака. С расшифровкой и толкованием намеков. И сейчас американцы думают, хотят ли они охотиться на динозавров...

г. Брест. Девятая погранзастава.

Абрам Фридлендер, рядовой ПВ НКВД.

— Товарищ старшина. — Абрам смущенно мялся у дверей каптерки, неуверенно глядя на хозяина. — Мне бы винтовку посмотреть...

Старший сержант Шиболоев, которого за глаза, а ползаставы и в глаза, звали исключительно Сергеичем, исполнял обязанности не только заведующего хозяйством, но и главного оружейника.

— А чего с ней? — вяло откликнулся он. Несколько бессонных суток подряд подкосили всех.

— Ну... Я это... Немца ей стукнул... По голове.

— И шо? Чем стучал-то? — Сергеич аккуратно взял винтовку и внимательно осмотрел ее со всех сторон.

— Прикладом, — снова смутился рядовой.

— Чем? — возмущенный оружейник сунул оружие обратно бойцу. — От дура ты, товарищ рядовой. Дурная! А зачем, по-твоему, дубина ты стоеросовая, у винтовки приклад

имеется?

— В плечо упираться, когда целишься.

— И все? От дура! Что учишь, что не учишь! — старшина горько вздохнул. — Приклад на винтовке, чтоб ты знал, товарищ боец, нужен, чтобы немцам по головам стучать! И ничего ему, прикладу, за это не будет. А ежели не станешь его использовать по прямому назначению, то тебе за это будет. Сначала от немца, а потом от Полякова, ежели живой останешься. А потом до тебя и Андрей Митрофанович доберется! Понял? От дура...

Сашок, взрывник из потомков, что-то мастеровый вместе со старшиной до прихода рядового, добродушно пробурчал:

— Сергеич, хорош парня гнобить. Первогодок матерого диверсанта задавил. Да еще бугая какого. Я б точно испугался.

— Что задавил, то молодец, — не стал спорить старшина. — А головой думать все равно должен. И зря винтовку под дождем не таскать до оружейки. Стукнул, значит, стукнул, за тем ей приклад и даден. На нем не для красоты оковка стоит.

— Да ладно тебе, правильно пришел, есть сомнения — надо проверить. Лучше лишний раз сходить, чем ствол в бою подведет.

Но Сергеич уже и сам понял, что перебрал с ворчанием.

— Тоже дело баишь. В порядке твоя винтовка, Абрам. Иди, грейся в лучах заслуженной славы...

— Только на тренировку не опаздывай, — добавил Сашок, — герой...

Казарма шумела. Мишка Латынцев, главный балагур заставы, в лицах изображал дневное происшествие:

— ...А Васька ему и говорит: «Что ж ты, гнида немецкая, врешь в глаза красному казаку и сержанту-пограничнику? А ну, споткнись о мою ногу, и ляг возле меня на землю, чтобы я тебя плеткой выпорол!» Ну, немцы — народ дисциплинированный. Приказали споткнуться — споткнулся, приказали лечь — лег. А Васька его надул. Обещал выпороть, а сам руки связал и на заставу приволок.

— Тю, трепло, — бросил Васька, — сам-то думаешь, что гутаришь?

— Не мешай, сержант, — зашикали на него, — продолжай, Миш, а Абрам что?

— А что Абрам? Видит Абрам немца и спрашивает: «Ты пошто, гад, не знаешь Харькова? Знаешь, что положено тем, кто за Лысую Гору не разумеет? Красотка, фас!» И уж на что у нас кобыла смиренная, но так ее необразованность немецкая возмутила, что закатала она фрицу копытом по яйкам, у того аж искры из глаз посыпались. А Абраша об него приклад обломал. Пришлось к Сергеичу бегать, чинить. Сам видел! Тогда оставшиеся немцы посовещались и решили, что лучше умереть, чем с этими зверьми, — Мишка кивнул на Ваську и подтянувшегося Абрама, — дело иметь. И застрелились от греха подальше...

— Хорош звездеть! — скомандовал Васька. — Пора на тренировку с потомками.

— Нет у бойца счастья в жизни, — заныл Мишка, — что бы ни случилось, а нам лишнее бегать...

— Я сказал, хорош! Нужные вещи они показывают. Если бы не вчерашнее занятие, проспал бы я немца. И кирдык! Отделение! Слушай мою команду! На тренировку! Бегом, марш!

Бойцы потянулись к выходу...

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

В. В. Коваленко, капитан первого ранга, командир РПКСН.

Владимир сидел, даже не пытаясь прочесть очередную распечатку радиоперехватов, и смотрел на фото, стоящее на столе. Жена и дочка, улыбающиеся в объектив, живые и радостные. И мертвые для него — мертвые в любом случае, перенесло ли Россию из две тысячи десятого в сорок первый или унесло куда-нибудь еще. Неважно, что случилось, важно только одно — они больше никогда не встретятся. Никогда, ни при каких

обстоятельствах. Друг для друга они умерли, даже хуже чем умерли, они просто оказались в разных временах. «Пожалуй, если бы действительно началась война, — цинично подумал Владимир, — было бы легче. По крайней мере, было бы кому и за что мстить, и была возможность героически погибнуть. А так... и мстить некому, и жить не хочется». Тоскливо посмотрев по сторонам, капитан еще раз взглянул на фото и, внутренне собравшись, переключился на распечатки. Война, катаклизм, инопланетяне или просто пожар, любое происшествие, без разницы, он должен встретить, как подобает настоящему офицеру, и показать пример всем остальным. Иные люди на ТАКИЕ должности не попадают. «В идеале, офицер — это специально подготовленный человек, способный из любой безвыходной ситуации найти как минимум два выхода, при этом не нарушая уставов и законов. Увы, выхода из некоторых ситуаций иногда действительно не бывает. Это как в тысяча девятьсот девяносто первом — все, что делается сверху, причем при сплошном одобрении снизу, оказывается, в результате ведет только к развалу страны. И ничего поделывать нельзя, потому что все, от Присяги до Устава, запрещает тебе любые действия против законного правительства, поддерживаемого народом. Впрочем, и понятно-то стало все происходящее только потом, хотя и находились позднее люди, заявлявшие, что они во всем разобрались с самого начала. Только заявляли они это потом, спустя почти десяток лет, явно стараясь казаться „такими же умными до, как моя теща после“». Владимир еще на мгновение задержал дыхание, после чего начал внимательно читать своеобразный «дайджест».

Вот и первые ласточки. Одна из лодок погибла, но сумела за себя отомстить, судя по сообщениям. Так что правильно они сделали, когда залегли на грунт, полностью подготовившись к запуску ракет. Теперь лодку так просто не возьмешь, им остается только открыть люки и дать команду на пуск. Будем надеяться, что «неизвестный», а точнее, вероятный противник об этом тоже догадывается и не будет больше искушать судьбу. Впрочем, вполне вероятно, что и в случае с «Петропавловском» был всего лишь «эксцесс исполнителя», не более того. Потому что, успеи подбитая лодка выпустить хотя бы одну ракету, произошло бы «сокращение штатов» на пару городов. Пусть свечку ставят, что наши не успели или удержались от искушения, даже когда их убивали.

Так, а вот этого Владимир ждал уже давно. Нет, все же приятно чувствовать себя умным. Если быть до конца честным, то надо признаться, что замполит с особистом полностью поддерживали его мысль, но никто из них не думал, что это случится так скоро. Правительство Российской Федерации в изгнании, надо же. Во главе — Чубайс. Теперь начнут продавать Родину за тридцать баксов. Воззвание уже успели передать. Почитаем, почитаем. Ишь ты, «переход на сторону кровавого режима, возглавляемого тираном, — предательство граждан Российской Федерации, оставшихся в нашем мире и вынужденных жить за рубежом своей Родины». Что-то, когда СССР делили, ни одна сволочь о русских, оставшихся за пределами России, и не вспоминала, а тут вдруг спохватились. Ого, военным министром предлагают назначить генерал-майора Зиновьева, из представительства при штаб-квартире НАТО. Ну и пусть себе назначают. Если не сильно замаран — откажется, а из командных списков он так и так вычеркнут. Подняли бурю в стакане воды, политиканы. Теперь надо следить, как на это американцы отреагируют. Они-то наверняка подсчитали примерное количество лодок на дежурстве, поэтому, пока нас не найдут, резких движений делать не будут. Но насолить СССР могут, признав это самозванное «правительство». С другой стороны, тогда оно на наши денежки за рубежом сможет претендовать, а если не признать — то и деньги отдавать не надо. «Я бы лично поставил на второе, — подумал Владимир, — но чем черт не шутит».

Остальные новости касались в основном паники на биржах в связи с резким подорожанием нефти и газа, различных гаданий о причинах всего происходящего и прочей не слишком интересной в данной ситуации информации. В другой раз Владимир с интересом прочитал бы о метаниях европейцев, лишившихся российских поставок, о радости катарцев, неожиданно получивших рынок сбыта для своей промышленности по производству сжиженного газа, о китайско-американских переговорах на уровне министров иностранных

дел и прочей, как выражался друг его дочери, «движухе», но сейчас все эти новости его совершенно не трогали. Как и передача «Радио Свобода» на русском языке, посвященная репрессиям тридцать седьмого, диагнозу Бехтерева и прочим сенсационным разоблачениям «кровавого режима коммунистического диктатора» в узнаваемом стиле главного редактора «Огонька» Коротича в приснопамятные девяностые.

«Ладно, с этим понятно. Одно непонятно — нам что делать? Сидим вторые сутки на дне и ждем связи. Даже „скрытники“ молчат. Но им, понятно, сейчас и связываться с нами смысла нет, чтобы себя не демаскировать. Но как-то с нами должны решить? Неужели некому довести до правительства, что делать и как? Самому выйти на связь? В автономке, да еще при таких условиях? Ставлю сто к одному, что на потопленной лодке так и сделали. И получили, что получили. Нет, надо ждать в готовности до последнего, до появления связи. Пока мы тут на страже, СССР может не опасаться военного нападения. Мало кто захочет получить в ответ несколько сотен Хиросим. Но бесконечно долго это продолжаться не может...» — Владимир потянулся к телефону, чтобы вызвать замполита, но тут постучали в дверь, и, не дожидаясь ответа, в каюту ворвался он, собственной персоной.

— Владимир Владимирович! Связь с берегом... — выдохнул Дойников.

г. Брест. Девятая погранзастава.

Валерий Григорьев, сотрудник ЧОП «Фрида», бывший сержант 45-го отдельного гвардейского ордена Кутузова, ордена Александра Невского полка специального назначения.

— А теперь, парни, ваши ошибки. Абрам, ты вырубил фрица, чего стоял, как столб? Винтовка в руках? Упал в кусты, перекатился, выбрал позицию, убрал немца. Опять сменил позицию, снял второго. И не целиться, стрелять. Не попадешь, не страшно. Ты со стволом. Ты — первая цель. Немцы на тебя работать будут, напарнику время дашь вооружиться. Теперь ты, Вася. Просто фигею без баяна! Как можно оружие хрен знает где оставлять? Первогодок с винтовкой выходит, а сержант, казак, тертый калач — с голыми руками! И то же самое, положил одного, чего стоишь? Ствол в телеге — прыгай в нее. Не хватайся за винторез, а прыгай в телегу. Упал, схватил, выстрелил в сторону немцев, и прыжок обратно. И как я Абраму говорил. Чем больше движетесь, тем труднее в вас попасть. Все же вчера рассказывали! Теперь по вашим позициям при встрече...

о. Кипр, г. Ларнака, отель «Golden Bay».

Юрий Колганов, генеральный директор ЗАО «Просвітництво».

Новости, новости. Верить в них или нет? Судя по заблокированной банковской карте, приходится верить. Если бы не доступ к номерному счету на черный день, пришлось бы зубы на полку положить. Ну а так можно нормально устроиться, на билет до Таиланда и на то, чтобы там остаток жизни прожить, пусть небогато, но достойно, вполне хватит. Прожить или дожить, вот в чем вопрос. Юрий глянул в зеркало, из глубины которого на него посмотрел немолодой, но подтянутый джентльмен неопределенной национальности, лет сорока пяти на вид. То, что ему на самом деле на десять лет больше, с первого взгляда видно не было, даже с учетом появившейся кое-где в волосах седины.

«Пожалуй, стоит подумать над выкладками Павла. Или нет? Ехать в Советский Союз? Что мне там делать? Служить в армии? Поздно, да и вряд ли возьмут. Директоров у них и без меня хватает. Тем более надо признать честно, что должность мне досталась лишь благодаря протекции тестя. Конечно, удержался я уже сам, но если бы не Палыч, пришлось бы мне на пенсии в лучшем случае каким-нибудь инженером трудиться. Все равно моего армейского ВУСа¹⁹ там еще лет двадцать не будет...» Задумавшись, он едва не порезался и, невольно поморщившись, отложил бритву. Думать о постороннем во время бритья даже «безопаской»

¹⁹ ВУС — военно-учетная специальность.

не стоит. Смывая пену и утираясь, Юрий вспоминал разговор с Павлом Тухочевским, молодым амбициозным менеджером из уфимской «золотой молодежи», с которым познакомился на почве увлечения виндсерфингом.

— СССР обречен. Даже если Сталин чудом удержится у власти в течение двух-трех ближайших лет, дольше его терпеть никто не станет. Слишком ненавистен тоталитаризм демократическим западным кругам. Вместе с имеющимися территориальными претензиями соседей, Польши и Румынии, армии которых могут в одиночку разбить Красную армию образца сорок первого года, с учетом фактической оккупации коммунистами стран НАТО в Прибалтике, шансы на выживание СССР я считаю нулевыми. США и другие страны НАТО никогда не смирятся с захватом Прибалтики, и даже если не вступят в прямое военное противостояние, то используют для развала и захвата страны имеющиеся внутри противоречия.

— Какие, Павел? СССР смог победить вермахт, поддерживаемый внутренними противниками советской власти и опирающийся на ресурсы всей Европы... Что смогут сделать диссиденты?

— Юрий, вы плохо знаете историю. На Дальнем Востоке еще всю помнят времена Дальневосточной республики и вполне могут согласиться на независимость Сибири, получив заманчивые предложения от США. Кроме того, Япония и Китай предпочтут захватить ресурсы, а не делиться с идеологически враждебным режимом. В Средней Азии и на Кавказе могут отколоться мусульмане, которых поддержат многие, от Саудовской Аравии до Ирана и Турции. В европейской части — прибалтийские страны, в которых борцов с коммунизмом задавили только к пятидесятым годам, ОУН на Западной Украине. Всех их Запад накачает деньгами и оружием, используя авиатехнику, которую в сорок первом не то что перехватить, обнаружить не смогут. Нет, Сталин обречен, и ехать сейчас в Россию равносильно самоубийству...

Еще раз поморщившись от жжения в оцарапанном месте, он закрыл флакон «NIVEA for men» и поставил его на стол. Присев на стоящий рядом стул, Юрий взял «ленивчик» и включил телевизор. Один канал, второй, третий... Вот, наконец, и новостной канал на английском. Английским он владел не слишком хорошо, но вполне достаточно, чтобы понять содержание сообщения. «Вот значит как. Америкосы решили, что им все можно? Русская ракетная подводная лодка потоплена неизвестными. Ни хрена себе! Знаем мы таких неизвестных, которые почему-то разговаривают на американском английском и считают, что все средства хороши. Ага, вот и ответ. Потеряна из-за аварии американская подлодка „Мемфис“. Очень своевременная авария, не находите? Даже комментатор, если я правильно перевел, не верит. Успели отомстить, или еще одна лодка была? Хотелось бы верить, что с ответным ударом наши не задержались.

Наши ли? А почему не наши? Вместе служили одному государству, вместе дослуживали в образовавшихся после распада армиях новосозданных государств. И кто виноват, что я, никуда не выезжая и никого не предавая, вдруг оказался за границей и в армии другого государства. Но Присягу я не предал». — Он вспомнил, сколько трудностей и нервов стоил ему перевод, как с недоверием относились к нему на новом месте службы. Сколько пришлось пройти проверок, чтобы его снова допустили до службы по своему ВУСу. Но ведь добился, признали и дали дослужить. Да, пожалуй, это было потруднее, чем удержаться на должности генерального.

«Стоп. Кто сказал, что его ВУС будет не востребован? Наоборот, самый востребованный с учетом сложившейся ситуации. Если подумать, то с таких, как он, в СССР должны пылинки сдувать. Теперь надо придумать, как связаться с советскими органами, как договориться, какие гарантии личной безопасности и каким путем получить». Думы текли неторопливо, укладываясь в уже привычные образцы бизнес-плана. Вообще-то получалось весьма неплохо, на его взгляд, вот только с гарантиями никак не придумывалось. С другой стороны, а что он теряет? Десятка два-три лет жизни за тридевять земель от Родины, с постоянным подсчетом оставшихся денег и лет? Жена и дети уже давно жили своей, не

пересекающейся с ним жизнью и даже вспоминали о нем, как Юрий подозревал, только в день получения очередного денежного перевода.

И вдруг он припомнил свою курсантскую молодость, любовь, жену, юную и совсем не похожую на сегодняшнюю, первую квартиру, товарищей... были ведь у него товарищи, с которыми можно было спокойно идти в разведку, была специальность и была Страна, ради которой он служил. Страна, раскинувшаяся на одной шестой части суши, сверхдержава, в которой большинство народа, да и он тоже, были уверены, что «человек проходит, как хозяин». Припомнились строки недавно попавшегося на глаза стихотворения:

— А помнится, была Держава —
Шугались ляхи и тевтоны.
И всякая пся крив дрожала,
Завидя наши эскадроны...

«Была же жизнь, черт возьми. Или это потому, что молодой был? А может, все же потому, что сначала думали о Родине, а потом уже о себе? И в результате жили нормально и сами, и вся страна? Может быть, только так и надо жить? Может, действительно стоит наплевать на все, взять билет и вернуться в свою Страну? Вернуться и помочь ей снова стать той, о которой я помню? Страной, которой мы гордились и которая действительно была надеждой для многих в мире?»

А на заднем плане все же мелькнула мысль о том, что с его ВУСом и зарплата там будет не хуже его нынешней. Пожалуй, это и стало последней каплей.

Подняв трубку телефона, он набрал номер и, дождавшись ответа, произнес:

— Хэлло. Ай вонт ту бай зэ тикет ту...

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

В. В. Коваленко, капитан первого ранга, командир РПКСН.

— Товарищи офицеры! — резкая команда старпома заставила всех встать по стойке смирно.

— Вольно. — Вошедший в столовую Владимир дождался, когда после команды старпома офицеры усядутся, и неторопливо достал распечатку. — Товарищи, нами получено сообщение от командования. В нем подтверждается необходимость нашего пребывания в автономке и предписывается ждать дальнейших указаний. При прямой угрозе нападения разрешено применять адекватные меры, вплоть до пуска ракет. Послание подписано начальником штаба Северного флота вице-адмиралом Вологжинским и наркомом военно-морского флота адмиралом Кузнецовым. Да, товарищи, тем самым адмиралом Кузнецовым, наркомом военно-морского флота СССР. Вы уже знаете, что в результате неизвестного явления место Российской Федерации занял СССР из сорок первого года. Как и куда исчезла Российская Федерация — никому не известно, но мы и некоторые другие части Вооруженных сил России остались. И осталась наша Родина. Конечно, она из прошлого, и жизнь в ней не столь комфортна и привлекательна, как в будущем, но это наша страна и наш народ. Тот народ, который мы поклялись защищать. — Командир помолчал несколько секунд. Офицеры, получившие официальное подтверждение всем невероятным новостям, молчали, обдумывая услышанное. — Вопросы? — резко закончил он.

— Разрешите, товарищ командир? — как и ожидалось, первые вопросы появились у лейтенанта Кучера. Новичок есть новичок.

— Слушаю вас, товарищ лейтенант.

— Приказ командования, это я понимаю, подлежит выполнению. Но насколько он законен? И... — лейтенант, несмотря на всю самоуверенность, слегка замялся, — как быть с репрессиями? Мы вернемся в сталинский Советский Союз, а там нас всех посадят, как антисоветчиков и предателей.

— Вы уверены? — Командир разглядывал лейтенанта, как экспонат в музее.

— Конечно. Я читал. Солженицын, Шаламов, Солонин, — в установившейся полной тишине слова Афанасия звучали как-то жалко, словно оправдание.

— Были еще Геббельс и Бивор, — мрачней, ответил Владимир. — Отвечаю на первый вопрос — адмирал в списке командования есть. Так что все законно. По репрессиям... Хочу отметить, что ни одной конкретной, подтвержденной документами цифры ни Солженицын, ни Шаламов не привели. А что касается армейских репрессий — то пострадали офицеры, замешанные в заговорах и политической деятельности, и было их намного меньше, чем писали... «Солженицыны». Еще учтите, что офицера арестовать можно было только с разрешения его начальника, следовательно, никто просто так вас отправить за решетку не сможет. К тому же командиры Красной Армии получали жалованье относительно намного большее, чем российский офицер. Я уже не говорю о престижности офицерской профессии. Что касается репрессий... — Владимир посмотрел на замполита. — Завтра товарищ замполит проведет соответствующее занятие, не так ли?

— Так точно, товарищ командир, — ответил строго по уставу поднявшийся Дойников. — Материалы у меня подготовлены, так что завтра в одиннадцать ноль-ноль прошу всех свободных от вахты на лекцию.

— Все ясно? Свободны, товарищи офицеры, — скомандовал Коваленко.

Офицеры, дождавшись ухода командира и разбившись по компаниям, начали негромко обсуждать новости, как вдруг капитан-лейтенант Музыченко громко спросил, заставив умолкнуть все разговоры:

— Выходит, моя семья исчезла неизвестно куда?

— И не только твоя, — грустно ответил ему Горошков.

— Гады... Поймать и натянуть глаз на одно место, — вскочил Музыченко. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Сесть! — резко скомандовал Дойников. — Вы, Николай Петрович, офицер, а не баба. Молчать! — добавил он, обернувшись к пытавшемуся что-то сказать лейтенанту Кучеру. — Мы здесь все в одинаковом положении. Или вы думаете, что во время ядерной войны было бы иначе? Или остальным намного легче, чем вам?..

Москва. Кремль. Кабинет т. Сталина.

И. В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

— Как ваше самочувствие, товарищ Вышинский? Хорошо, что все в порядке. Вы уже отдыхаете? Нет? Варианты вариантами, но вы должны быть на месте в хорошей форме. Говорите, эти лекарства творят чудеса? — говоривший улыбнулся в усы и чуть отодвинул от уха непривычно тяжелое устройство. — Это просто отлично, но все равно перенапрягаться не стоит. Мы надеемся на вас и успешное завершение вашей миссии. — Он вслушался в ответ, потом еще раз улыбнулся и ответил, намеренно усилив акцент: — А вы говорите все наоборот, и будит у вас сэмдэсят процэнтов за успэх, а нэ тридцат. — Собеседник секунду помолчал, потом засмеялся в трубку. Он отметил, что слышимость даже лучше, чем по ВЧ,²⁰ словно разговор идет не на расстоянии нескольких тысяч километров, а с соседней комнатой. — Хорошо, товарищ Вышинский, мы ждем ваших донесений. — Осторожно прицелившись пальцем, он нажал на миниатюрную клавишу с нарисованной на ней телефонной трубкой красного цвета, перечеркнутой двумя линиями. Попад, облегченно вздохнул и негромко выругался. Положив на стол «трубку», он посмотрел сначала на часы, висящие на стене, затем на экран ноутбука на столе. Нажал кнопку селектора и спросил:

— Товарищ Поскребышев, что от Водопьянова?

— Передали, посадка примерно через полчаса.

— Спасибо, — успокаиваясь, он занялся привычными манипуляциями с папиросами и трубкой. Раскурив, встал и, попыхивая и дымя, словно паровоз, прошелся вдоль стола.

²⁰ Высокочастотная телефонная правительственная связь.

Вернулся на место и пододвинул к себе очередную папку. Открыл, быстро, словно проглядывая бумаги, ознакомился с содержимым и снова выругался, чуть не выронив трубку изо рта.

«Два округа не смогли сдержать немцев. Если бы вместо них были „современные“ поляки или англичане? Или того хуже — североамериканцы? — Он поморщился и отложил трубку, дым которой внезапно показался слишком горьким. — Нас ожидало бы поражение, оккупация и расчленение. Сколько может действовать блеф с хронооружием? Несколько дней, неделю в лучшем случае. Там тоже не дураки, спровоцируют нас несколько раз, и все. Израильтяне? Они, конечно, в чем-то помогут, но они второстепенные игроки и против главных не пойдут. Нужны союзники. Посмотрим, чего добьется Вышинский. Но одного, к тому же опасного своей национальной политикой, союзника мало. Северная Корея — не противовес, хотя предложение товарища Меркулова мне очень понравилось. Вернуть им национального лидера. Вечно живой... — Он опять улыбнулся. — А если кто будет против, того собственные же жители порвут на клочки. Главное, чтобы он в местном раскладе сил сориентировался и сплеча рубить не начал. Но ничего, „товарищ Цой“ за ним присмотрит. А это танки, ракеты, артиллерия и даже, возможно прикрытие нашей восточной границы. Тогда уже будет легче. Хуже с Западом. Там у нас столько слабых точек выявилось, шени деда... Не любят прибалты советскую власть, да. И евреев не любят...» — Достав из папки три листа, он еще раз перечитал напечатанное, покачал головой и кивнул своим невысказанным мыслям.

«Самое главное, что делать на местах? Это же готовый очаг недовольства и попытки развязать войну. В Сети уже вой подняли, об оккупации стран этого ихнего НАТО. Подумают их руководители, подумают, да действительно в войну ввяжутся. Предлог-то какой — освобождение собственных союзников. Только вот часть их союзников пока оккупируют немцы... Может быть, пускай оккупируют? Пока требовать отвода их войск не будем. У них в Восточной Пруссии с продуктами не очень, вот и начнут местные продукты изымать. К тому же, как сообщает НКГБ, прибалты, как и тогда, и там, принялись за свое. Антисемитизм, он до добра не доводит. „Юденфрай“, говорите? — нахмурившись, он взял очередной лист. — Группа Судоплатова связалась с представителями израильской организации Яд Вашем, так что аресты проведем в присутствии их наблюдателей. И сразу выложим в Сеть полученные данные, как утечку, через их организации в капстранах. Не только буржуйам информационной войной баловаться. Можем и мы в ответ что-то предпринять. Но это только обеспечение. Надо решать, что делать дальше с этим районом. Либо полная зачистка и высылка всех недовольных, либо вернуть все три страны западникам, и пусть они разбираются с ними сами. Посмотрим, что скажут аналитики. С одной стороны, это ухудшает наше стратегическое положение на этом направлении, с другой — устраняет угрозу войны. Если бы еще на Восточную Пруссию поменять, с коридором к ней, — он зажмурился от удовольствия, — нацистов там, конечно, много, но мы их перевоспитаем. А Вильно вернуть полякам, и пусть они со своими североамериканскими „друзьями“ из-за него ссорятся. Ведь возьмут, знаю я их, панов».

Негромкая трель звонка прервала его размышления.

— Слушаю.

— Товарищ Сталин, сообщение от Водопьянова. Приземлились. Погода позволяет лететь дальше. Вылетают через два часа.

— Хорошо, товарищ Поскребышев. От Абакумова ничего не поступало?

— Пока нет, товарищ Сталин.

— Хорошо. Соединяйте меня немедленно.

— Понял, товарищ Сталин.

Он поморщился, подумав, что последнее указание было явно лишним и выдало его волнение. Отодвинув папку, он снова занялся трубкой. За окном привычно опустилась летняя ночь, но не это сейчас волновало сидящего в кресле за покрытым зеленым сукном и освещенным настольной лампой столом человека. Страна стояла на пороге страшнейших

испытаний, не сравнимых ни с чем, перенесенным ранее. Требовалось пройти буквально по лезвию бритвы, чтобы сохранить ее от внутренних и внешних хищников, готовых напасть и растерзать на части, уничтожить все, завоеванное кровью и потом, построенное руками тех, кто сейчас надеялся на его мудрость и силу государства. Только внутренние враги были, пожалуй, страшнее внешних, и только фантастичное стечение обстоятельств и полная растерянность «клубка друзей» пока позволяли ему и его сторонникам держать их в узде. Он встал, покосившись на лежащую на столе газету «Правда». Заголовок статьи, подчеркнутый красным карандашом, гласил: «Создание Ямало-Ненецкой Советской Социалистической республики — очередной этап развития национальной политики Советской власти». В статье были подчеркнуты несколько предложений, одно из которых начиналось словами: «Секретарь республиканского ЦК ВКП(б) товарищ Н. С. Хрущев подчеркнул, что добровольное решение представителей западно-украинского и... населения в оказании помощи по развитию богатейшего северного края Советской Страны...»

Пройдясь по кабинету, он несколько минут постоял у кресла, затем снова уселся и взял следующую бумагу. Теперь предстояло решить, как полезнее использовать «неперемещенцев», как их проверять и как выявить среди них шпионов и возможных террористов, при этом не отпугнув полезных людей и не переусердствовав со шпиономанией. Все озадаченные этим, конечно, старались, но принимать окончательные рекомендации все равно придется всем вместе, а для этого надо ознакомиться с предложениями, продумать положительные и отрицательные варианты каждого, не всегда заметные самим разработчикам, и принять наиболее отвечающий требованиям вариант, или поручить создать компромиссное решение. Он еще раз посмотрел на темноту за окном, вздохнул и принялся за работу.

Ночь только еще начиналась, а требующих решения проблем было много...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ **25/06/2010 г. — 25/06/1941 г.**

СССР, в горах Памира.

Группа альпинистов.

Проснулись с рассветом. Нет, не сами глаза продрали, конечно, будильник разбудил. Санек первым делом обследовал так и не проснувшуюся девушку и дал команду на продолжение отдыха.

— Отлично! — выдал он. — Не ожидал такого эффекта. Скинули неплохо, пусть выспится, это тоже важно.

— Врач сказал спать, — прокомментировал Егор, — значит, спать!

Вторично Егор проснулся ближе к девяти. Окинул взглядом идиллическую картину в палатке и выбрался из спальника.

Больную девчонку вчера утащили к себе. Собственно, так получилось не специально. Просто рвали втроем, как сумасшедшие, до самой темноты и обогнали Влада, ковырявшегося следом за второй группой, часа на три. Так сильно опередили еще и из-за того, что у новых знакомых не оказалось фонариков. А с одним фонарем на четверых не сильно разбежишься.

Естественно, держать больную на улице никто не стал. Быстро поставили палатку, застелились и уложили девчонку в состыкованные спальники Егора и Лешки. Покормили Наташу, поели сами, и Санек с Лехой отправились в «агрегат» согреть страдальцу. Егор остался дожидаться остальных, следя за завернутой в пуховки пищей и семафоря фонариком в нужном направлении. Времени подумать хватило. А вот надумать что-нибудь конкретное...

Чем дальше, тем страннее казалась ему встреченная группа. Ладно, играют в старые времена, ходят не пойми с чем. Хотя никогда даже не слышал о таких. Горы — не парк имени Горького, а лезть на шесть с лишним тысяч метров — не деревянным мечом на

полянке махать. Но предположим.

Однако должна же быть элементарная подстраховка! Мужик, шедший первым, явно понимал, что девчонке плохо — по крюку молотил, любой дятел отдыхает. В таких случаях плюют на дурацкие игры и достают нормальную снарягу. Не взяли? Допустим... Но Егор готов был поклясться: бур мужик видел впервые в жизни. Как это может быть?

И в тон вписывается все!

Егор окинул взглядом палатку новых знакомых. Типовой брезентовый домик класса ПТ-2. Вчетвером в ней должно быть тесновато, но терпимо. С такими ходили, пока не появились знаменитые «Памирки», ушедшие в прошлое лет тридцать назад. «Брезентуха» и сухая весит кила четыре, если не больше. А уж мокрая...

Спальник девушки Егор внимательно рассмотрел вчера. Санек даже ругаться не стал, когда его вытащил. Голимая вата! И, естественно, сырая насквозь. Рюкзаки... Даже не «абалаки». Брезентовые «колобки», перешитые своими руками из армейских «сидоров»! Кстати, странно, Абалаков сконструировал свой знаменитый рюкзак еще до войны. В какой же год играют эти ребята? В тридцатые? Непонятно...

Егор запалил горелку и поставил греться воду.

В «брезентухе» обозначилось некоторое движение, и на улицу выбрался мужик. Тот самый, средних лет, который колотил крючья с интенсивностью отбойного молотка. Крепкая, спортивная фигура, поседевшие виски, еле заметный шрам на щеке. С хрустом потянулся и направился к Егору.

— Доброе утро, товарищ!

Вот еще странность. Девчонка тоже поздоровалась с этим самым «товарищи». Не слишком ли достоверно играют? Станиславские, блин.

— Доброе утро! — протянул ладонь. — Меня Егором зовут. Девочка ваша вне опасности.

— Сергей Иванович Усольцев. Вы уверены? Насчет Наташи.

— Доктор сказал. Он у нас специалист сильный. Потому и на ночевку встали и с рассветом народ не подняли. Отдохнуть девчонке не менее важно. Да и всем остальным. Нехилый забег вчера устроили.

— Да уж, — согласился Сергей. — Никогда бы не подумал, что по горам можно бегать с такой скоростью. Мы даже товарища вашего не расспросили, так неслись.

— Это все неважно, — отмахнулся Егор. — Главное — успели. Я одного понять не могу. Почему вы с таким снаряжением ходите?

— В смысле? — не понял Усольцев. — Хорошее снаряжение, надежное.

— Да я не об этом. Пеньковая веревка, «триконя», брезент, «морковки»... — Егор прекратил перечисление, — как в середине прошлого века.

Сергей удивленно посмотрел на собеседника:

— Прошлого века? Почему прошлого? Мне, признаюсь, страшно интересны ваши приспособления, но такого снаряжения я никогда не видел. Ни у нас, в Свердловске, таких нет, ни у москвичей, ни у ленинградцев. Даже у немцев! А я ведь ходил с ними по Кавказу два года назад. Вы сами откуда?

— Ярославль. А где ходили?

— Приэльбрусье. Сначала в лагере в Адыл-Су, потом на Джантуган, на Шхельду. На Эльбрус взойшли и через Донгуз-Орун — к морю.

Егор чуть не упал с камня, на котором сидел. Какое море? На Донгузе русско-грузинская граница, пересечь которую труднее, чем китайско-киргизскую! Во всяком случае, ему оформить такие бумаги не удалось! А тут человек говорит: «Через Донгуз-Орун, к морю» так просто и привычно, как говорил отец, вспоминая восьмидесятые. Он что, настолько вжился в игру? Но это же бред!

— Егор, вам плохо? — забеспокоился Сергей.

— Нет, мне хорошо! — втянул воздух Егор. — Сумасшедший дом какой-то! Чай будешь? И перестань выкать! Можно подумать, мы не в горах, а на светском приеме!

— Хорошо, — пожал плечами Сергей, — можно и на «ты». От чая тоже не откажусь. Пока разливали чай, Егор взял себя в руки. С сумасшедшими лучше не спорить. А у мужика явно не все дома...

— А вы из какого-то экспериментального института? — поинтересовался Сергей. — Испытываете новое снаряжение? Я Наташе сказал, что вы пограничники...

— Можно сказать, что и испытываем, — уклончиво ответил Егор.

— Потрясающе! Вы ходите по ледовым стенам, словно по ровному месту. Как пауки! А спуск! С человеком на спине ваш товарищ обошел меня, как будто я стоял.

Нет, не тянул собеседник на сумасшедшего. Да и не могли же четыре человека сойти с ума одинаково. Или сошел один, а остальные ему подыгрывают? Но зачем? И кто пустил психа в горы? Далеко не самый простой перевал...

— И как там, в Грузии? — спросил Егор.

— Очень необычно! Сваны такой интересный народ! Не приходилось общаться?

— Нет. Но отец рассказывал, он там часто бывал. Тоже увлекался альпинизмом.

— Сколько лет отцу? — поинтересовался Сергей.

— Пятьдесят семь.

— Когда же он там ходил?

— В восьмидесятые.

Теперь уже Сергей с удивлением вытаращился на Егора:

— Не понял...

— Что «не понял»?

— Если твоему отцу пятьдесят семь лет, как он мог ходить в горы в восьмидесятые?

— А что тут такого?.. — протянул Егор, и вдруг, повинаясь какому-то наитию, спросил. — Сергей, какой сейчас год?

— Сорок первый, — ответил Усольцев. — Ты что, перетрудился вчера?

— Не знаю, — с тоской произнес Егор. — Но кто-то сошел с ума. Либо ты, либо я.

Таджикская ССР. У д. Саригор.

Н-ская погранзастава на границе с Афганистаном.

Бессонной ночью на границе никого не удивишь. Даже парой таких ночей подряд. Специфика службы, которую все понимают. А кто не понимает, долго на заставах не задерживаются. Но таких в Пограничных войсках исчезающе мало. Сюда берут самых лучших, коммунистов и комсомольцев, отличных стрелков и увлеченных кинологов, и каждый попавший горд тем, что именно ему Родина доверила охранять ее Священные Рубежи. Это вам не какая-нибудь капиталистическая армия, куда гребут всех подряд, и даже не забытый самими товарищами Ворошиловым и Тимошенко гарнизон в Кушке, о котором ходит старый, наверное еще времен доисторического материализма, анекдот: «Есть на свете три дыры — Кушка, Асхабад, Мары». Это — граница.

Стоящая неподалеку от кишлака Саригор пограничная застава исключением не являлась, тем более что начальник заставы, лейтенант Майбородский, исполнял одновременно и обязанности секретаря партбюро отряда. У такого не забалуешь. Да и баловаться тут весьма и весьма опасно. Граница с «мирным, дружественным Афганистаном» особым миролюбием не отличалась. С той стороны то и дело постреливали недобитые басмачи, через Пяндж прорывались банды племени хадырша, угонявшие скот.

Но после События по всей пограничной полосе установилась вязкая, гнетущая своей непонятностью тишина. За несколько дней всех нарушений — пара попыток контрабанды наркотиков, причем во втором случае «контрабас» даже и не сопротивлялся. Такие мелочи считаются только для «галочки» в рапорте по служебной деятельности. Зато в усиление на заставу прибыл взвод горных стрелков из шестидесят восьмой дивизии. С двумя минометными и четырьмя пулеметными расчетами. Подобное заставит насторожиться самых отъявленных оптимистов. Особенно если учесть, что людей на заставе всегда было чуть больше половины от утвержденного штата, и никого это особенно не волновало. Людей

везде не хватает. А тут...

Застава застыла в тревожном ожидании. И не зря — ночью к ограде подобрался посланный местными мальчишка и передал записку. Майбородский прочитал и смачно выругался. Собственно, текст записки являлся переводом послания. Некие «моджахеды» предупреждали жителей кишлака о готовящейся против русских «акции». Таджики предлагали оставаться в домах, а женщинам готовить пищу верным воинам Аллаха. Как положено, уверяли в полной безопасности. Перевод выполнил дед Ахмет, лучше всех в Саригоре знавший русский. От себя аксакал добавил, что кишлачники, которых не набиралось и сотни, включая детей, женщин и глубоких стариков, уже покинули дома и ушли в горы, так что «защита Сарыгор таварищ лытенан савсем не нада». Писал дед Ахмет с ошибками и без знаков препинания, но смысл всегда передавал точно.

До смены нарядов оставалось еще часа два. Майбородский, решившись, объявил боевую тревогу. Словно в ответ на команду, на границе разгорелась стрельба. Гулко бухали винтовки, строчил «Дегтярев», непрерывно звучал сдавленный грохот, видимо от оружия басмачей.

Небольшой участок ровной земли, на котором стояли казарма, несколько хозяйственных построек с конюшней и собачим питомником, ожил. Поднятые тревогой и стрельбой пограничники и красноармейцы занимали согласно боевому расписанию места в стрелковых ячейках и у орудий. И тут на заставу обрушился массированный артиллерийско-минометный обстрел. Ничего подобного лейтенанту видеть еще не приходилось. Разрывы вздымались по всей территории заставы. Что-то бухнуло внутри казармы, через окно спального помещения выплеснулось пламя. После очередного разрыва бежавший через двор красноармеец упал, и лейтенант бросился к нему, чтобы оттащить раненого в укрытие. Взрыва накрывшей его мины Майбородский не увидел...

— Серый! На пять часов!

— Вижу! — Борин повел стволом, и длинная очередь накрыла группку людей в темном. В ответ на позицию снова обрушились мины.

— Суки, специально в черное вырядились, чтобы ночью видно не было, — прокомментировал Федька Капитонов, скатившись на дно ячейки.

— Ничего, — буркнул Борин, устраиваясь рядом, — мы и в темноте видеть умеем. И стрелять не разучились. «Максим» — это не ихние пукалки! Сейчас отстреляются — и продолжим. Как там прикрытие, живы?

— Были вроде. У тебя вода есть?

— Нет, — Сергей вздохнул. Пить хотелось неимоверно. А вода, запасенная для пулемета, давно уже ушла в пар, остужая раскаленный ствол «станкача». — Утихло вроде, сейчас опять полезут!

Точно, полезли, прямо на скашивающие их очереди. В психическую поднялись! Можно подумать, страшнее наших басмачей! И не останавливаются уже, суки, под свой же огонь лезут... А вот хрен вам! Мы тоже умеем не прятаться...

— Ну что там, Мишка?

— Так все, товарищ старшина! Осколком в рацию садануло. Только и успел передать, что по нас с вершин садят! Подтверждения не дождался. Прошло — не прошло, хрен их ту маму знает!

— Так на хрен ты этот гроб с собой таскаешь? Бери винтовку и в третью ячейку! Только через двор не беги, прибьют. За конюшней ховайся да по-над стеночкою!

Выстрелы, грохот...

— Мишка, живой?

Тишина в ответ. Приподняться, посмотреть в наползающей серости рассвета. Да, такое и в темноте не спутаешь. «Прощай, Мишаня! Нет, до свидания! Скоро встретимся. Недешево ты им достался. И я еще цену подбавлю. Сейчас, до гашетки доберусь... Сука, как бок болит.

И нога. Достали, гады. И голова кружится. Контузия, наверное. Или от кровопотери... Перевязать бы надо. А, наплевать! Вся не вытечет. Не успеет.

Ну, идете, сволочи? Молодцы! Идите сюда! А теперь получите! За Мишку! И за меня! За всех получите!...»

— Русский, сдавайся! Убирайся вон с наша земля. Вам всем здес смерть!

«Разорались, бляди! — подумал Климов. — Засечь бы, где эта говорилка у них стоит, да садануть чем-нибудь...»

Словно отвечая мыслям, грохнул одинокий разрыв, и громкоговоритель заткнулся на полуслове. «Получите! У нас тоже минометы есть!» В ответ опять обрушился шквал огня. «М-да... А у них реактивные снаряды и ручной пулемет у каждого... Так, старшина, отставить пораженческие мысли! Ты советский пограничник! И хрен тебя возьмешь такой фигней! А басмачи уже совсем близко».

— Дуб, Николай и Халитов! Гранаты к бою! Остальные, прикрываем!

Халитов упал на втором броске. Снайперская пуля ударила в голову, сбила обгоревшую фуражку. Выходное — на весь затылок... Остальные удачливее. Откидались.

«Черт, у них еще и гранатометы! И патронов почти нет».

Андрей Елизаров бежал по питомнику, сбивая замки с клеток вольера, где, безудержно лая и скуля, метались в вольерах овчарки. Не мог инструктор службы собак забыть о своих четвероногих подопечных. Может, хоть из них кто-нибудь спасется. А может, и... В любом случае своих от чужих псы отличить сумеют.

Успел. Выскочил во двор и тут же вскинул винтовку. Уже здесь, сволочи! Выстрел, второй, третий... И ответные автоматные очереди в упор. И кружащееся небо... Ослепительно-голубое рассветное небо. На Орловщине оно таким не бывает...

Пятеро подошли к еще живому телу. Один со смехом пнул Андрея ногой, а затем взмахом длинного кинжала отсек голову. И заорал, отбрасывая свой трофей в сторону. Сосед, успевший поднять автомат, перечеркнул очередью впившееся в горло бородача темное мохнатое тело. «Не будут улаживать Салмана гурии». Адская боль между ног заставила выронить оружие. Трое уцелевших душманов, крича и заполошно стреляя, бросились назад и упали, сбитые ровной строчкой пулеметной очереди...

Старшина, пригибаясь на бегу, пересек двор и свалился в окоп за казармой. Здесь собрались последние уцелевшие защитники заставы. Десять человек. Басмачи шли в открытую, почти не скрываясь от редких выстрелов пограничников.

— Патроны есть?

— Считай, что нет, товарищ старшина, — ответил сержант Иванов, загоня последнюю обойму. Вскинул винтовку. Выстрел. Старшина дал короткую очередь из трофейного ручного пулемета и отбросил бесполезную игрушку в сторону. Подобрал винтовку красноармейца. Имени не запомнил, а может и познакомиться не успел.

— В штыки, братцы!

Вот так, не по-уставному — «братцы». И десяток поднялся как один человек. В считанные мгновения сократил дистанцию. Длинные, четырехгранные острия впились в тела, удары прикладов обрушились на растерявшихся бандитов. Откуда-то, словно из-под земли, с грозным рычанием бросились на поддержку черные гибкие тела двух уцелевших собак. Моджахеды дрогнули, побежали в стороны. Но, увидев, сколь малочислен противник, снова бросились вперед.

Старшина всадил последнюю пулю в басмача, активно машущего руками чуть в отдалении, ударом штыка уронил с ног второго, прикладом свалил третьего, ощутил острую боль в спине... И уже лежа, увидел, как Иванов, единственный, оставшийся на ногах, выдернул кольцо гранаты и бросил ее вверх, как упал Алый, последний пограничный пес, весь израненный, но успевший вцепиться в ногу еще одному бородачу...

Как прилетевшие «Чайки», И-15 из сто шестого штурмового авиаполка, накрыли выдававшие себя дымом и пылью артиллерийские позиции на склонах гор мелкими осколочными бомбами, как потом они прошли по разбегающейся, бросающей оружие толпе душманов пулеметным огнем, на заставе уже не видел никто.

Капитан Самовозов, командир эскадрона, ворвавшегося на территорию заставы через десяток минут после авианалета, стоял возле искореженного пулеметного гнезда и разглядывал в бинокль противоположный берег реки.

— Можешь объяснить, что там происходит? — спросил он старшего лейтенанта Галкина, приданного в последнюю минуту иновременника. За рекой красивые и грозные летающие машины, напоминающие доведенные до немыслимого совершенства автожиры, неторопливо двигались над береговыми скалами, поливая их свинцом.

— Американцы, — ответил Галкин, — душманов добивают. Им лишняя талибанская банда в Афганистане не нужна. Зато очередной победный репортаж весьма полезен. Передадут по CNN... — старлей на секунду замолчал и зло выплюнул. — Суки!

— Почему? — удивился капитан. — Басмачей бьют. То есть душманов.

Галкин выматерился.

— Думаешь, они раньше прийти не могли? Когда ребята живы были? Хрен! Специально ждали, козлы. Небось и налет сами организовали! А теперь свидетелей убирают!

Старлей замолчал. Самовозов посмотрел на перекошенное от злости лицо консультанта, перевел взгляд на барражирующие над рекой «вертолеты» и выдохнул тоже:

— Суки!

Где-то в Америке.

Клуб «Темная комната».

Очередное нарушение традиций Джордж воспринял уже без всякого удивления, хотя и ворчал про себя сильнее, чем первый раз. Действительно, когда весь мир катится в тартарары, единственное, что отличает настоящего джентльмена — это соблюдение традиций. Пусть все вокруг сходят с ума, но фэйф-о-клок или посещение клуба двадцать седьмого числа каждого месяца — это святое для любого джентльмена. Второе подряд заседание вне традиционной даты — это совсем не по-джентльменски. Наблюдая, как слуга расставляет напитки, а потом аккуратно увозит столик на колесиках из комнаты, Джордж продолжал вести мысленный диалог с самим собой. Но диалог диалогом, а работа остается работой. Проследив, как слуга расставил напитки, привычно пройдясь по комнате, Джордж столь же привычным движением зажег свечи и вышел из комнаты.

Снова, ровно в полночь по Вашингтону, бодрый голос мистера Икс открыл дискуссию.

— Господа, есть предложение в первую очередь дать слово мистеру Ди, который расскажет нам о выявленных специалистами фактах, относящихся к Событию. Есть возражения?

Легкий одобрительный гул, донесшийся со всех сторон, дал понять, что все готовы выслушать новости.

— Господа, мы тщательно проанализировали новые и поступающие сведения, — начал академическим тоном, привычно обращаясь к аудитории, словно на лекции у себя в институте, человек, известный в клубе как «мистер Ди». — На основании полученных данных можно однозначно констатировать, что перед нами — не природное явление. Природе, господа, безразличны проведенные человеком границы. В нашем же случае перенос произошел практически точно по границам, причем, что весьма увлекательно, по границам СССР 1991 года. Именно поэтому сейчас поляки воюют с немцами в Восточной Пруссии, японцы с удивлением встречают своих собственных предков с Северных территорий, а также происходят прочие мелкие неприятности на русских границах. Вариант с разработкой подобной установки в нашем времени можно сразу отбросить как маловероятный. При нынешней открытости научного общества теория хронопереноса была

бы уже известна во всех странах мира задолго до появления работающего образца. Потому что люфт между созданием теории и ее практическим осуществлением составляет максимум пару десятилетий. Поэтому искать виновников в нашем времени бесполезно, и появляются две гипотезы — либо это эксперимент инопланетного разума, либо наших далеких потомков...

— Извините, мистер Ди, — голос мистера Джи был удивительно мягок, — есть некоторые не совсем достоверные данные о возможности наличия такой аппаратуры у «дядюшки Джо». Это может быть дезинформацией?

— Ну-у-у, — протянул, раздумывая, оратор, — я бы сказал, что некоторая теоретическая возможность есть. Но маловероятная, если это действительно СССР из сорок первого года нашей истории. Пока никаких данных, свидетельствующих, что это не так, мы не имеем.

— Но вероятность есть, как вы утверждаете, пусть и минимальная, — в голосе мистера Джи промелькнуло опасение. — Тогда я категорически против любых силовых методов. Если подумать, мы уже прошли по самому краю...

— Вот именно, господа! — перебил его голос с дивана. — Мистер Джи, расскажите, что в конце концов произошло, мы должны знать реальные факты.

— Только не для разглашения, господа, — напомнил мистер Икс.

— Разумеется, — тотчас же откликнулся тот же голос с дивана.

— Господа, информация засекречена решением президента, но между нами... — В голосе Джи опять появились генеральские нотки. — Предварительным следствием установлено, что командир «Мемфиса» принял посторонние шумы за начало подготовки ракет к пуску и атаковал русскую подлодку торпедами. Но, как считает большинство свидетелей, русская ракетная подлодка шла в охранении торпедной подлодки и та нанесла ответный удар. В результате наша и русская подводные лодки затонули. Спаслась примерно треть экипажа нашей лодки. У русских, по нашим данным, потери еще больше. Спасшихся русских подобрало венесуэльское судно, наших моряков — корабль береговой охраны Японии.

— Поднять русскую атомарину... — мечтательно произнес кто-то с дивана.

— Глубина в районе столкновения потребует применения специальной техники, — отозвался мистер Джи. — Слишком дорого. Потребуется длительное время на подготовку. К тому же — не актуально. Полученные таким образом данные скорее всего нам совсем не понадобятся.

— Предлагаю вернуться к теме нашего обсуждения, господа, — предложил мистер Икс.

— Да, да. Военные игрушки пока могут подождать. — Голос мистера ЭмСи был полон сарказма. — Получается, что «дядюшка Джо» теперь может делать что хочет? И мы будем на это спокойно смотреть и ничего не предпримем?

— Почему же? Правительства в изгнании нескольких стран, входящих в СССР, арест всех счетов РФ, — откликнулся кто-то.

— Этого мало, — желчно заметил ЭмСи. — У Джо есть золото, теперь он налаживает связи с Израилем, даже китайцы действуют осторожно, не обостряя отношений. Они тоже получили сведения о хронооружии Сталина?

— Нет, — поспешно ответил кто-то из самого темного угла, — это последствие действий нашего президента. Он и его советники решили, что усиление Китая за счет сибирских ресурсов нам не выгодно, и предупредили о возможном силовом вмешательстве США и союзников в случае агрессии Китая против СССР. Союзники, в первую очередь Англия, Германия и Франция, нас поддержали. Совместный нажим заставил китайцев отказаться от своих планов.

— Это больше, чем ошибка, это преступление! — патетически воскликнул ЭмСи.

— Перестаньте, мистер ЭмСи, — ответил Икс. — Я считаю, что нам совершенно не нужен китайский дракон, отъевшийся на сибирских ресурсах и ставший экономической

сверхдержавой. Лучше уж оставить все Сталину. При той системе, что сейчас существует у русских, сибирские ресурсы еще долго будут лежать, как говорят русские, «под спудом».

— Но, господа, как же мой вопрос? Ответа не будет? — спросил ЭмСи возмущенно.

— Конечно, будет, — весело ответил мистер Икс. — Во-первых, мы возобновляем деятельность КОКОМ и ужесточаем санкции к нарушителям закона Джексона — Вэника. Кроме того, в ближайшие дни будет проведено несколько акций, которые помогут изоляции коммунистического режима от остального мира. Разрешите мне не открывать подробностей, тем более что некоторые из нас в них уже посвящены?

— Я бы желал более конкретной информации, но раз вы не желаете говорить, то верю вам на слово, — несколько обиженно ответил ЭмСи.

— Заверяю вас, сэр, что акции будут весьма неожиданными и эффективными, — внезапная реплика мистера Би, поддержанная басом мистера Эй, заставила ЭмСи замолчать.

Несколько минут тишины прервал начавшийся на диване спор о хронооружии и возможных последствиях его применения. Спор все рос, пока его не прервал мистер Ди, заявивший, что такого накала бредоносных идей он не слышал с момента последнего семинара по физике.

— Подытоживая ваш спор, господа, — вклинился мистер Икс, — хочу обратить ваше внимание на одну маленькую и не замеченную вами подробность. Само Событие — это очень и очень большой рождественский подарок сразу всем. Не находите? Смотрите — СССР Сталина избегает тяжелой войны и получает возможность модернизации и даже сохранения своего режима. Мы получаем соперника, который практически не может нас серьезно уязвить, но зато позволяет мобилизовать нацию. Кроме того, мы имеем прекрасную возможность преодоления кризиса экономики. Так что неважно, кто это сделал, важно, что мы будем с этого иметь. А хронооружие... предлагаю ввиду полной бессмысленности споров о его наличии или отсутствии, а также о его владельцах, дискуссию по этому вопросу закрыть и заняться более практичными вещами...

Околоземная орбита.

Международная космическая станция.

В космосе все происходит бесшумно. По крайней мере — для человеческого уха. Зато на станции всегда присутствует звуковой фон. Тихий, на пределе слышимости, но вполне различимый и даже успокаивающий. Так как если он есть — значит, все работает и ничего опасного не произошло. Но сегодня и этот фон раздражал именно своей обыденностью. Александр отвернулся от экрана, на котором Земля, в полном соответствии с движением МКС, плавно поворачивалась ночной стороной.

— Все, Трейси. Плохие дела. Фантастика стала реальностью.

— Понимаю вас, Александр, — американка тряхнула головой, отчего ее развернуло в сторону от Скворцова. — Потерять родных и страну, — в голосе Колдуэлл слышалось неприкрытое сочувствие.

— Не только это, Трейси, не только, — в разговор вступил Уилкок. — Они потеряли и космос. Два упавших спутника, не подчинившиеся управлению сектора «Хьюстон — Москва», — это только начало...

— Это так? — удивление было ненаигранным, хотя Александру показалось, что в ее словах промелькнула некая фальшивая нотка.

— Для страны, отставшей от всего мира на семьдесят лет, космические исследования будут ненужной и невозможной роскошью. Если эта страна вообще уцелеет, — Уилкок словно бравировал своей прямолинейностью.

«Или провоцировал скандал», — мелькнула в голове Скворцова мысль.

— Возможно, возможно, — ответил он примирительным тоном. — Хотя я могу вам напомнить, что в нашей истории Советский Союз отправил в космос человека всего через двадцать лет после начала войны и через шестнадцать после ее окончания. Несмотря на огромные потери во время боевых действий.

— Это было давно. — Висящий у переходного люка Уилкок осторожно оттолкнулся и плавно пролетел мимо Скворцова, поближе к люку в российский сектор, словно перекрывая ему путь. Александр столь же плавным движением развернулся к нему, продолжая коситься на висящую сбоку Трейси. «Не стоило читать на ночь американский сектор Интернета, черт побери, — мысленно выругался он, — паранойя разыгралась».

— Даже не это главное, — продолжил добивать своего собеседника Уилкок. — Вы уже прочли почту, Александр?

— Да, — признал Скворцов, — и, признаться, весьма удивлен.

— О чем вы? — удивилась Трейси, которая по графику отдыхала как раз во время сеанса связи.

— Хьюстон передал, что в течение двух дней со станции будет эвакуирован весь персонал, — ответил Александр. — Приказано законсервировать все...

— Булшит, — от неожиданного известия сорвалась Трейси.

— Вот и я так же отреагировал, — печально улыбнулся Александр.

— Они что, решили прекратить все космические исследования из-за одного События? — нет, удивление Колдуэлл было вполне естественным. Значит, она тоже ничего не знала, как и Уилкок, решил Скворцов. Тогда вполне вероятно, что американцы действительно решились на эвакуацию только из-за недостатка ресурса «Спейс Шаттлов». Только, как помнил Александр, вывод челноков из эксплуатации планировался лишь в следующем году. «Кажется, НАСА нашла какие-то другие задачи для своих аппаратов. Или американцы решили эвакуировать всех, чтобы потом спокойно вернуться на станцию одним, получив ее в свое полное распоряжение», — опять вспомнил свою первую реакцию на сообщение Александр.

— Неожиданное решение, — протянула Трейси, — но я так понимаю, что вы уже приступили к его выполнению, — посмотрев на влетевшего в отсек Михаила, заметила она.

— Александр, нужна помощь, — извинившись перед американцами, заметил Корниенко, — там одна стойка не разбирается.

Извинившись, и оставив американцев обсуждать последние новости и действия русских, Александр с Михаилом перебрались в модуль «Рассвет», где прицепившийся у стойки Юрий изображал демонтаж недавно собранной для эксперимента с металлами схемы.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил он.

— А ничего, — ответил Александр, — в смысле ни-, чего хорошего. Трейси не в курсе, Уилкок хамит, но скорее по собственному почину.

— Я все же считаю, что американцы хотят отхватить всю станцию для себя, — заметил Федор, понизив голос. — Нашим сейчас не до станции, если они вообще что-то знают о космических программах.

— Знают или нет, — отсоединяя кабель, произнес Михаил, — ничем помочь нам они не могут. Нет сейчас у СССР ни ракет, ни космодронов.

— А ракеты на Куру? А наш персонал там и в Хьюстоне? Неужели ничего нельзя сделать?

— Пожалуй, ничего. Разве что включить программу «Одиночество», — печально улыбнулся Александр.

— Это еще что за хрень?

— Какую программу? — одновременно спросили оба его собеседника. Федор от неожиданности даже отцепился, отлетел в сторону и сейчас аккуратно возвращался назад, оттолкнувшись от соседней стойки.

— В самом начале создания станции наши программисты предусмотрели возможность враждебных действий против русских модулей. Ну и создали такую программу. Если мы ее запустим, то любой несанкционированный вход в систему управления приведет к отделению от МКС всех наших модулей с последующей их разгерметизацией...

— Это слишком, — заметил Федор, — Россия потеряет модули, а их можно еще

использовать. Да и договариваться с другими странами о совместной работе после такого поступка будет невозможно.

Продолжая разбирать стойки и переводить аппаратуру в ждущий режим, космонавты еще долго обсуждали возможные действия. В результате было решено ограничиться сменой всех паролей в программах на известные только Александру и полной консервацией оборудования. У каждого, хотя они ни за что не признались бы в этом, в глубине души до сих пор тлела надежда, что все происходящее окажется всего лишь затянувшейся галлюцинацией...

Япония, траверз г. Вакканай.

Тейго Есино, капитан, пехотная группа «Карафутто» 7-й пехотной дивизии.

По сравнению с встретившим его неподалеку от острова большим, футуристических очертаний, похожим на легкий крейсер, боевым кораблем «Курама», пароход «Сикокумару», несмотря на внушительное водоизмещение в пять тысяч тонн, сразу показался устаревшим и каким-то незначительным, словно рыболовный катер рядом с линкором. Почему-то мелькнула мысль, что потомки специально выделили для встречи такой корабль, чтобы унижить пребывающих на гражданском суденышке предков. И хотя умом Есино понимал, что это не так, внутри все равно саднило, не давая успокоиться. Стараясь сохранить невозмутимый вид, он лишь слегка покосился на группу стоящих у борта чиновников, словно цыплята наседку, окруживших губернатора. Масаеси Огава выглядел обеспокоенным не менее своих подчиненных. «Шпаки», — пренебрежительно подумал Есино, старательно изображая абсолютно невозмутимый вид и сдерживая стремящийся вырваться удивленный вскрик при виде взлетевшего с кормы «Курамы» необычного летательного аппарата, похожего на большую стрекозу.

— Красиво, — стараясь даже интонацией не выдать волнения, произнес он, слегка повернув голову к лейтенанту Асагура. Лейтенант, несколько секунд промолчав, словно в раздумье, произнес хокку:

— О стрекоза!
С каким же трудом на былинке
Ты примостилась!²¹

Вежливо улыбнувшись, капитан ответил ему:

— Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.²²

Оба одновременно кивнули, подтверждая, что сегодняшний раунд закончился вничью.

— Лейтенант, нам еще примерно два часа до берега. — Капитан решительно повернулся, придерживая ножны с фамильным клинком, оформленным, как син-гунто,²³ рукой, — поэтому стоять подобно крестьянам у ворот храма, глазающим на процессию, нет никакого смысла. Предлагаю пройти в салон.

— Слушаюсь, капитан, — заметно было, что Асагура настроен более весело, чем Тейго. «Молодость все переносит легче, — раздраженно подумал Есино, — даже полную

²¹ Хокку поэта Басе.

²² Хокку поэта Тие.

²³ Син-гунто (1934) — японский армейский меч, созданный для возрождения самурайских традиций.

потерю всех родных и близких. И привычной жизни тоже». Но раздражение сразу прошло, едва подошедший стюард, худошавый кореец в безукоризненно сидящем костюме и белых перчатках, поставил перед севшими за столиком офицерами токкури²⁴ с подогретым саке, чоко и блюдо с сашими. Пока офицеры под традиционное «Кампай» поднимали свои чоко, в салон вошли еще несколько чиновников. Один из них, осмотревшись, подождал, пока офицеры допьют, и подошел к столику. Вежливо поклонившись, он спросил:

— Не разрешат ли высокоуважаемые господа офицеры разделить с ними томительную тяжесть ожидания прибытия на землю предков?

Капитан, улыбнувшись, ответил:

— Конечно, разрешат. Как простые армейские офицеры могут отказаться от чести выпить с секретарем канцелярии самого губернатора. Тем более за счет самого губернатора, — не преминул съязвить Тейго, после чего познакомил лейтенанта и чиновника. Стюарду пришлось бегать к их столику дважды, добавив к закускам блюдо «японского флага».²⁵

После выпитой чашечки щеки секретаря сразу покраснели, а еще стало весьма заметно, что он сильно взволнован.

— Вы уже видели потомков, господа? — спросил он, доливая саке капитану.

— Только что, издали. Все это время до нынешней поездки мы «отдыхали» в Котоне, — ответил капитан, посылая успокаивающий взгляд встрепенувшемуся лейтенанту.

— Укрепления готовили, — понимающе протянул чиновник, тут же добавив: — Не волнуйтесь вы так за секретность. Для потомков все наши секреты словно раскрытая книга. Но самое неприятное — они совсем другие. Вы их не видели, а я видел. Мне приходилось встречаться со множеством гайдзинов, они другие, не похожие на японцев. Но они мне понятны. А эти, — он подхватил свою чоко и жестом предложил всем выпить, — хе, эти совершенно другие. Словно в тела японцев вселились западные демоны, завладев их душами. Они совершенно другие, совершенно...

— Да перестаньте вы пугать моего лейтенанта, — улыбнулся Есио, — он, видите, уже готов сбежать с парохода, чтобы не встречаться с этими... «кумо».²⁶

— Если бы это были все лишь оборотни. Они из другого времени, понимаете. — Секретарь еще раз долил саке обоим офицерам. — Жаль, я плохо владею словом, не могу донести до вас увиденное, — тут секретарь вдруг продекламировал:

— Бедствия сердца.
Тоску, печальную память
Снесу безмолвно,
И все же, о этот мир,
Где бывшего мне больше не встретить!²⁷

— Не расстраивайтесь так, — попытался успокоить чиновника лейтенант, — Япония существует, император, да живет он тысячи лет, существует — значит, существует и дух

²⁴ Кувшинчик объемом в 180 или 360 мл, из которого разливают саке. Подается каждому сидящему за столом. Чоко — небольшие чашечки для саке на 2–3 глотка. Сашими — тончайшие кусочки сырой рыбы. «Кампай!» — тост «До дна!».

²⁵ Блюдо из белого риса, в центре которого выложен красный круг из вареной моркови.

²⁶ Пауки-оборотни, в истинном обличье — величиной с человека, в человеческом облике — прекрасные женщины с холодной красотой, заманивающие мужчин в ловушку и пожирающие их.

²⁷ Стихотворение Фудзивара-но Садаиэ.

Ямато. И никаким временам, никаким гайдзинам не изменить этого.

— Полагаю, вы правы, — неожиданно легко согласился чиновник. — Поэтому выпьем же, господа, за императора! — Тост поддержали все находящиеся в салоне.

— Тенно хейка банзай! — дружный крик привлек внимание находящихся на палубе, и сюда потянулись остальные чиновники. Посмотрев на начинающееся столпотворение, капитан предложил пойти отдохнуть.

Почти через полтора часа на горизонте появился берег. Вышедшие на палубу офицеры застыли, увидев вместо привычного полудеревенского Вакканая нечто, напоминавшее гравюры из книг об Америке.

— Неужели это Вакканай? Почти настоящие небоскребы. — От удивления Тейго даже забыл свою обычную самурайскую невозмутимость, и лишь команды фельдфебеля Мияки, выводившего на палубу полуроту, заставили его очнуться.

«Сикоку-мару» приближался к берегам, родным и в тоже время совсем неведомым...

Турция, г. Трабзон.

Лиза Евсеева, гражданка РФ.

Сегодня не мой день. Совершенно точно.

Утром Дашуныка рассадила коленку. Не то чтобы сильно, но кровь никак не хотела останавливаться. Пришлось тащиться в медпункт, где вдруг выяснилось, что медицинская страховка, за которую заплачены немаленькие деньги, не действует. Хорошо хоть неприятность всплыла после того, как обработали рану. Доказать свою правоту удалось явочным порядком: я предложила врачу подать в суд и, громко хлопнув дверью, гордо удалилась. Вслед не побежали и полицию не вызвали. Не тот повод... Медицинский скандал наложился на и так не самое лучшее настроение, и я решила, что мое пребывание в гостеприимной Турции несколько затянулось. В конце концов, я не обязана высиживать в отеле все оплаченные дни. К тому же напрягали эти непонятки с заменами стран. Поменять билеты... Счас! Сайт «Аэрофлота» радовал трехзначным номером ошибки. Гид группы как растворился с вечера в дверном проеме отеля, так и не материализовался. Пришлось собственными ножками идти в город, в представительство фирмы. Зря по жаре ноги била! Офис встретил большим «амбарным» замком на дверях и от руки (!) написанным на скверном английском объявлением. С полчаса я продиралась через частокл грамматических ошибок чужого языка. Продралась. Для того чтобы понять, что в связи с исчезновением компании все рейсы отменяются, билеты недействительны, денег никто возвращать не будет, и претензии предъявлять можно только Господу Богу. Точнее, Аллаху, учитывая вероисповедование турок.

Рассчитывать на милость Аллаха никто не собирался. А потому, раздосадованно плюнув на дверь фирмачей-предателей, мы с Дашуныкой прямым ходом отправились в российское консульство. И тоже совершенно напрасно. Замка на двери, правда, не оказалось. Но назвать заведение работающим язык не поворачивался категорически. После долгого хождения по коридорам удалось отловить лишь какого-то субтильного вида клерка. «Добыча», ни на минуту не переставая жевать жвачку и снисходительно-оценивающе поглядывая на мою грудь, соизволила сообщить, что поскольку России больше нет, то бывшая российская гражданка есть никто, звать ее никак, а защищать от щедрот замечательной страны Турции никто не обязан. И не будет. Поэтому, если Елизавета Андреевна не хочет оказаться в местном доме удовольствий, то ей стоит покинуть страну как можно быстрее. И единственный шанс это сделать и не попасть все в тот же самый дом — за пять тысяч евро отправиться «дипломатической почтой» в Болгарию.

— Впрочем, если у вас нет денег, — добавил наглючий клерк, оценивающим взглядом окидывая мою фигуру, — то можно и совершенно бесплатно. Мы отплываем через четыре часа. Почему бы тебе не скрасить мне путешествие? — еще и на «ты» перешел!

Состояние, в котором я вылетела из консульства, можно было назвать истерикой. Но точнее — бешенством. Небольшое облегчение принес оставленный на щеке субтильного

отпечаток правой ладони. Как жаль, что от пощечины не бывает сотрясения мозга. Впрочем, так легко недомерок не отделался: возмущенная Дашунька, успела «под шумок» уронить на обидчика мамы здоровенную «пальму» в кадке. Надеюсь, ребенок не понял, за что конкретно мстит!

На этом неприятности не кончились. На ресепшене предложили освободить номер. Под тем же самым предлогом: якобы туроператор не оплатил проживание, а поскольку его больше не существует... Если бы это произошло утром, у них могло получиться. Даже наверняка. Но сейчас я закусил удила. Что именно вытворяла в течение сорока пяти минут в кабинете управляющего, наверное, не смогу вспомнить никогда. А если вспомню, то никогда и никому не расскажу. Разве что Егору. Нет, вряд ли... Потому что когда я вышла, сжимая в руке свидетельство полной и безоговорочной капитуляции турецкой стороны, ожидающая в холле Дашунька с неподдельным интересом спросила:

— Мам, он жив?

— Да! — кратко ответила я.

— Жаль... — разочарованно протянула дочка. Умница, вся в маму...

Мне было не жаль. Зрелище хозяина помещения, вылезающего из-под стола и заверяющего уважаемую мисс, что в течение оставшихся трех дней ее пребывания в отеле никто не посмеет испортить ей отдых, грело душу. Хотя настроение подняло незначительно.

В номере я вывалила на кровать все свои покупки и за пять минут разложила трофеи набегов на местные магазины на четыре кучки. Большинство вещей попали в категорию «самые необходимые», часть — в «очень нужные». Остальные две кучки, — «не очень нужные», и главная, на которую возлагалось больше всего надежд, — «не нужные» — остались не задействованными. Следующие полчаса прошли в безрезультатных попытках переместить что-нибудь из двух первых кучек в последние. Вконец рассвирепев от мук выбора, я одним движением смахнула весь гардероб, лежащий на кровати, в купленную для перевозки покупок в Россию сумку на колесиках, оставив только мини-платье с декольте и без спины, и по хорошо знакомой дороге отправилась на рынок, волоча за собой нажитое непосильным трудом. Общение с торговцами оказалось далеко не столь радужным, как при покупке, но, в конце концов, вернуло четверть потраченной за две недели суммы.

Оставалось только уехать из осточертевшего Трабзона. Но проклятый день продолжал издеваться над несчастной девушкой!

Корабли в Россию не ходили. Самолеты не летали. Летали в Болгарию, но не хватало денег. Хватало на паром. Но не хватало мест. Да и что делать в Болгарии без копейки в кармане? На пирсе разбитного вида парни предлагали за полцены отвезти куда угодно на катере. Внешний вид «морских волков» не внушал ни малейшего доверия. Чтобы иметь дело с подобными личностями, надо быть Егором. А еще лучше иметь при себе всю их памирскую команду или хотя бы взвод спецназа. К сожалению, ни мужа с его альпинистами, ни бравых командос с автоматами за моей спиной не наблюдалось.

Возвращение в отель было совсем не триумфальным...

Что сделал бы в моем положении Егор? Муж не сидел бы с грустным видом, а искал бы выход. Какой и где? Кто ж его знает?! Искал бы, придумывал и наверняка нашел! Нанял бы «морских волков» или отобрал у них катер. Или угнал самолет. Вытащил из кармана танк. Построил бы космический корабль. Захватил в заложники Абдуллу Поля... Мне все это было не по силам. А раз так...

— Доча, пошли на пляж!

— Ура! — обрадовалась Дашунька. И тут же уточнила: — А мороженого купим?

Денег было невероятно жаль, но ребенка жалче. Вручила обрадовавшейся дочке вафельный рожок со сладким содержимым и отправилась топить тоску в море.

Дочь первым делом помчалась к домику проката. Тратить было нельзя ни копейки, но что мешает нам полюбоваться на местную кунсткамеру? В объемном ангаре-сарайе собраны, наверное, все средства отдыха на воде, придуманные человечеством за свою долгую историю. Пластиковые доски, снабженные парусом и лишенные такового. Водные

велосипеды. Скутеры. Мотоциклы, любимое развлечение сынков богатеньких пап. Водные лыжи и прилагающиеся к ним парaplаны. Что-то совершенно непонятное, больше всего напоминающее матрас с мотором. Надувные лодки всех типов и размеров. Даже неизвестно каким образом затесавшаяся туристическая байдарка со знакомой эмблемой на деках и надписями «Ладога-2». При виде столь неуместного здесь предмета защемило сердце. Еще один осколок пропавшей России. Как тебя занесло сюда, бродяга... Я подошла к байдарке и ласково погладила «шкуру».

— Мисс хочет покататься на этом устройстве?

Хозяин, сухонький благообразный старичок, мгновенно оказался рядом. Как это удавалось, непонятно. Но старик по имени Селим всегда оказывался рядом с каждым потенциальным клиентом, сколько бы их ни оказалось в его хозяйстве. Похоже, не все сказки про джиннов были сказками. В голове забрезжила неясная мысль...

— Покататься? — задумалась я, автоматически «включая блондинку». — Красивая! На ней можно кататься?

— О, это прекрасная лодка! — залился соловьем дедушка. — Очень хорошо управляется. Вы можете попробовать совершенно бесплатно! Целый час!

— Да? — На Селима глядела восторженная дурочка-отдыхающая. — А как ей пользоваться?

Через мгновение двое не то внуков, не то племянников старика уже несли «Ладогу» к воде. Третий парень откуда-то вытащил два двулопастных весла. Старик подробно инструктировал бестолковую туристку, как управлять судном... Я подождала, пока дочка устроится на переднем месте, неуклюже забралась на заднее, кивнула «племянникам» и, когда те столкнули байдарку в воду, неуверенно взмахнула веслом, постаравшись кого-нибудь обрызгать.

Час пролетел незаметно. Дашка восторженно колотила по воде, не столько двигая судно вперед, сколько поднимая брызги. У меня получалось немного лучше. Байдарка то крутилась на месте, то ходко рвала по прямой, рыская носом из стороны в сторону, то уходила в крутые повороты под самыми неожиданными углами. Знал бы кто, чего мне стоило это... представление.

Зато, когда нос судна зашуршал по песку берега, я точно знала, что буду делать дальше.

— На ней можно сплавить на тот остров?

— Конечно, мисс, — заверил Селим. — Желаете прямо сейчас?

— Нет! Лучше завтра утром, — «блондинка» задумалась. — Там можно поставить палатку и пожить несколько дней. Сколько будет стоить прокат на три дня?

Селим назвал сумму. Не самую большую. Вполне устраивающую.

— Только очень брызгает с весел! У меня все штаны мокрые! Нет чего-нибудь, закрывающего эти дырки? — я показала рукой на «очко фартука».

— Можете не беспокоиться, — расплылся в улыбке прокатчик, — обязательно найдем. Во сколько вы планируете поехать?

— Ну... не знаю...

— Лучше отправляйтесь пораньше, — посоветовал Селим, — в шесть утра море очень спокойное. Гладкое, как зеркало. А после восьми с востока может прийти ветер.

— Хорошо. Мы придем в шесть...

— Буду ждать, мисс.

СССР, в горах Памира.

Группа альпинистов.

Усольцев уже несколько минут смотрел в паспорт Егора, как баран на новые ворота. Как уперся взглядом в дату выдачи, так и не мог оторваться. То, что паспорт был не советский, а российский, и с двухглавым орлом на обложке, взволновало его намного меньше.

Сам Егор перенес объяснение гораздо спокойнее. Хотя как сказать...

Легче всех было Саньку — Наташу известие бросило в истерику, и доктор занялся выполнением своих прямых обязанностей. На пару с Лешкой, в чьи обязанности это не входило, но которого никто не спрашивал. Девушка мертвой хваткой вцепилась в Лешкину руку и выпускать добычу не собиралась, а потому Лешка тоже оказался при деле. Собственно, ей не стоило пока ничего говорить. Но не подумали. Вроде вообще спала, как и Петя с Васей. Но парни дрыхли в «брезентовке», в стороне от событий. А Наташа тихонько посапывала в состегнутых спальниках, удобно пристроив голову на Лешкино плечо. И, видимо, посапывала не слишком крепко, раз мгновенно перешла от сна к истерике.

Влад, не вылезая из спальника, пытался начать дознание. Но девичьи всхлипы с грохотом разрушили все планы следователя. Пришлось бросать задуманное. Влад вылез из палатки, натянул пуховку, аккуратно, стараясь не расплескать ни капли, налил чаю. После этого внимательно изучил удостоверение Усольцева, пачку папирос «Казбек», тщательно осмотрел кошки, крючья, бухту пеньковой веревки и вынес вердикт:

— А фиг его знает!

— Это все, что ты можешь сказать? — поинтересовался Егор. — Следователь хренов!

— Не все, — обиделся Влад. — Удостоверение похоже на подлинное. Больше без экспертизы не скажешь. Снаряжение в отличном состоянии. Насколько могу судить, соответствует концу тридцатых годов. Анахронизмов не замечено. Что отмечает версию реконструкторов или сумасшедших, что те, что те что-нибудь бы прозевали. Версия розыгрыша маловероятна. Слишком тщательно подготовлено. Соответственно, очень дорого. Чтобы разыграть четырех идиотов, столько денег никто не вбухает. Это говорит о правдивости показаний. Кроме того, при возникновении угрозы жизни участницы группа приложила максимум усилий для спуска, но из роли не вышла. Жертвовать своим человеком ради шутки, даже затянувшейся и дорогостоящей, никто не будет.

— А что тогда «фиг знает»?

— А все. Экспертизу провести не могу. А психи бывают абсолютно непредсказуемые. Так что нужны дополнительные данные.

— Могу подбросить, — отозвался из палатки Санек, — медикаментозное лечение пациентки дает поразительные результаты. Девушка еще кэхать должна и без памяти валяться. А она явно подумывает, начать прямо сейчас с Лешкой целоваться или сначала его в загс затащить.

Из палатки послышалась какая-то возня, после чего док довольно сообщил:

— Что и требовалось доказать. Уже дерется.

— Имеем еще одно косвенное доказательство, — зафиксировал Влад. — Кто еще скажет?

— Ледовая обстановка, — бросил Лешка, высунув из палатки голову. — И стенка на перевале. В последние годы ледники активно тают. Стена — из-за разницы толщины ледового покрова. И лед перемороженный — из глубины он.

— Да? — усомнился Влад. — Считал, что это относится только к нижней части.

— Леха прав, — подтвердил Егор. — Либо все, либо ничего. Везде тает. Заодно имеем немного подробностей. Перенос не людей, а территорий. Одну границу и момент.

— Момент — появление стенки, — уточнил Лешка. — Во время непогоды.

— Не во время, — уточнил Егор, — перед! И буран из-за переноса! Разница температур и давлений сыграла. Так что в ночь на 22 июня. Между двумя и четырьмя часами утра. Блин!

— Ты чего? — спросил Санек.

— Четыре утра! Двадцать второго июня сорок первого года! — Егор обвел взглядом помертвевшие лица своих современников, уже все понявших, посмотрел на недоумевающих «предков» и закончил: — Война! С немцами!

— Как война? — Усольцев оторвался от созерцания егоровского паспорта. — У нас же пакт!

— Срали они на пакт, — пробурчал Влад. — Напали без объявления войны, и вся недолга. Мы победили, но такой кровью...

— Погоди, — сказал Лешка, — еще не вечер. Перенеслась территория. А какая? Киргизия? Памир? Одно ущелье? Весь Советский Союз? Если весь Союз перенесся, а Гитлер остался в прошлом, так и не будет войны.

— А если один Китай? — спросил Санек.

— Тогда всем кранты, — отозвался Егор. — За пару дней прибьют япошек, потом за неделю раздолбят Гитлера, англичан и американцев. И нас за компанию. И будет сплошная узкоглазая гегемония.

— Вы, товарищи, думаете, — спросил Сергей, — что подобный перенос осуществляется по государственным границам?

— Да ни хрена мы не думаем, — буркнул Лешка. — В наше время физика еще даже не задумывалась об этом.

— Нет, физика времени существует, — поправил Егор.

— Да? И что ты о ней думаешь? — ехидно спросил Лешка.

— То же, что и ты. К возникшей ситуации отношения не имеет, — Егор вздохнул. — Вопрос в другом. Что делать? Куды бечь?

— А нет вопроса, — остудил доктор начавшую зарождаться дискуссию. — Наталью, хоть и оклемаывается, спускать надо. Втроем это хреново...

— Тогда и думать не о чем. Валим вниз. За полдня тыщонку сбросим. Завтра, если темп не потеряем, выйдем к людям. Там и разберемся, что и как. Либо в Киргизию попадем, либо в Союз. Или еще куда. Сейчас, сколько ни гадай, толку — ноль.

— Поддерживаю, — сказал Усольцев. — Наталью вернете?

— Как док скажет, — махнул рукой Егор.

— Запретить не могу, — прикинул Санек, — но нежелательно. У Лешки на спине намного комфортнее и приятней. Силы больной еще пригодятся.

— Врачи во все времена — известные перестраховщики, — усмехнулся Сергей, — но не выполнять их указания себе дороже. Передаю тебя, Наталья, в жестокие руки эскулапов будущего. Хоть выпишься на скаку...

Восточная Пруссия.

Ганс Нойнер, оберштурмфюрер СС, дивизия «Мертвая голова».

В неподвижном воздухе висели запахи сгоревшего пороха и солярки, горелого железа и тряпок, свежей крови и прелой листвы и самый паршивый из всех запахов — запах смерти. Ганс, в отсыревшей от росы и висящей в воздухе влаги одежде, невыспавшийся, хмурый и злой потрошил штык-ножом банку мясных консервов из сухпайка. Ночка и утро выдались беспокойными, поляки опять пытались прощупать оборону своими «ночными дьяволами», но сейчас вроде бы все стихло — самое время перекусить. Сидящий рядом связист молча протянул Гансу наушники. В ответ на немой вопрос мотнул головой в сторону расположения основных сил батальона. Понятно — комбат Кнохляйн. Может быть, узнал что-то новое и спешит поделиться? Продолжая грызть галету, Ганс снял каску и натянул на голову наушники.

— Как там у тебя? — голос Кнохляйна звучал как-то необычно равнодушно, словно по необходимости. Что, интересно, произошло, что Фриц так странно разговаривает? Поляки захватили Кениг?

— Да нормально все, как отбили последнюю атаку, так больше никого и не видно. Похоже, пшки утихомирились. Даже их артиллерия замолчала.

— Угу. Scheisse! Что за ерунда со связью, опять поляки свою «свиристелку» включили? Хруст такой, что слова еле слышно!

— Это не помехи, это я галету грызть пытаюсь.

— Arschloch ты все-таки, Ганс. Потерпеть не мог, грызун? Я уже собирался связистам уши надрать за плохое состояние аппаратуры и наверх сообщать о готовящемся польском наступлении, — похоже, Фриц все-таки слегка развеселился.

— Ну так надери, лишним не будет, а я со вчерашнего дня не жрал и теперь не дают.

Что сказать-то хотел?

— Двадцать седьмой полк подошел, скоро нас сменят — смотри, чтоб твои ребята по ним не врезали сгоряча. И кончай жрать, мать твою, когда с тобой командир разговаривает! — Наконец-то командир стал похож на себя, улыбнулся Ганс.

— Угу, принято. Отбой.

Отложив наушники, Ганс снова взялся за банку консервов — война войной, а кушать-то хочется! А возникающие проблемы можно решать и за едой.

— Куно! — За спиной тут же послышалось негромкое шуршание листвы. Когда шуршание смолкло, Ганс, ненадолго оторвавшись от еды, продолжил: — Обойди все взводы и предупреди, что скоро нас сменят армейцы — пусть смотрят повнимательней, чтобы под их видом польские диверсанты не пролезли.

Шуршание стало удаляться. Ганс дочистил банку, аккуратно закинул ее в специально вырытую ямку в стенке окопа. Пленные говорили, что имеющиеся у противника приборы позволяют засечь любую железяку, да и на тепло реагируют. Так что теперь окопы специально перекрывали жердями и засыпали землей, а найти валяющуюся рядом с укреплением железяку стало вообще нереально.

Это не первые три дня. Ганс откинулся к стенке и, приказав радисту наблюдать за окрестностями, прикрыл глаза. Эх, какой-то Scheisskerl здорово подшутил над всем миром, и особенно над бедным Гансом и его ротой. Тогда, увидев польские пограничные знаки и самоуверенных панов, пытающихся изобразить границу на немецкой территории, Нойнер озверел и рванул в бой без размышлений, тем более что тяжелой техникой у противника и не пахло. Первая атака закончилась неожиданно быстрым разгромом слабовооруженных поляков, зато потом к ним подошло подкрепление...

В таких боях Нойнеру еще бывать не приходилось. Повторный налет странных автожиров, теперь совершенно других, вытянутых в длину, похожих на летающих ящеров, до зубов вооруженных и, самое главное, бронированных. Ганс вспомнил, как ricochetили трассирующие пули от корпуса обстреливаемой машины. Ответный удар автожиров был страшен. Ливень ракетных снарядов, очереди крупнокалиберных пулеметов... Разбив оставшуюся технику и уполовинив роту, «драконы» улетели. Тут, надо признать, роте повезло. Поляки промедлили с атакой, видимо, долго подтягивали силы. Этого хватило, чтобы все опомнились и наступление роты поляков с полутора десятками легких танков и тремя тяжелыми встретили уже более организованно. Ганс нахмурился, вспомнив, каких потерь стоило уничтожение одного из тяжелых танков... Тогда первый раз от роты осталось не более взвода. Но поляки оказались верны своим привычкам. Получив отпор, они откатились назад, и остатки роты продвинулись еще на несколько километров, захватив небольшой городок. В нем обороняться было легче, хотя бы потому, что бомбить собственное население поляки не рвались, да и артиллерию использовали ограниченно. Так тогда и продержались до прихода подкрепления...

— Идут, — прервал размышления Ганса радист. Действительно, по траншее к командному пункту двигалась группа пехотинцев во главе с гауптманом. Поздоровавшийся с Гансом гауптман удивленно посмотрел на собравшихся неподалеку от КП эсэсманов.

— Это вся ваша рота?

— Да, херр гауптман. Все, что осталось за три дня. Учтите, что поляки не любят пехотных атак и рукопашного боя. Они обстреливают позиции дальнобойной артиллерией, бомбят с реактивных самолетов, утюжат боевыми вертолетами, бьющими по вам тучами ракетных снарядов. В атаку же идут под прикрытием легких бронированных машин с автоматическими пушками и тяжелых танков. Если первые еще можно уничтожить, то вторые малоуязвимы — поражаются только в борт, и то артиллерийским огнем. Зато, если вам удастся сойтись вплотную, им даже их автоматические карабины не помогут. Слабоваты они в коленках, камрад. Учтите это.

— Благодарю. Надеюсь, нам не придется воспользоваться вашими советами. Говорят, идут переговоры. Поэтому вас и отводят с передовой — вашу дивизию поляки называют, —

капитан поморщился, но продолжил, — военными преступниками.

— Да неужели, — ничуть не удивился Нойнер. — Спасибо, херр гауптман, нам об этом уже давно известно.

— А о том, что вашего командира требуют выдать англичанам, а многих из вас — евреям, вы еще не слышали? Да и поляки требуют суда над теми, кто расстреливал пленных. Учтите, это не слухи, у меня знакомый в аппарате гауляйтера, я вчера с ним разговаривал.

— Спасибо, херр гауптман, буду знать, — теперь Ганс понял, чем был расстроен Кнохляйн. Надо же — военные преступники. И не боится же капитан «быкообразных»²⁸ заявлять такое ему прямо в лицо. Поистине, мир перевернулся. *Verdammte Scheisse!*²⁹

РУВД Фальгарского района Ленинабадской области.

Ходи Кенджаев, старший сержант РКМ НКВД.

Ходи Кенджаев, дежурный по управлению, позевывая, бил мух. Их много слетелось на сладкий запах арбуза, только что съеденного личным составом отдела. Работы не было. Таджикистан есть Таджикистан. Проходят годы и века, в долинах возникают и рушатся великие державы, строятся города, приходят новые народы... А в горах Согдианы все остается так же, как и при Искандере Зулкарнайне. Пробили новую дорогу вдоль Зеравшана. Кое-где даже асфальт положили. Впрочем, это событие только для вездесущих мальчишек. Мало ли в горах дорог?! А асфальт... Вчера не было, сегодня есть, завтра опять не будет. Прогнали баев. Сделали колхоз. Разве это важно? Раньше возили урожай баю. Сейчас — на сборный пункт. Завтра опять повезут баю. Сарай-то один и тот же...

Горы вечны и неторопливы, как таджикские аксакалы. А горцы спокойны и флегматичны, словно горы...

Товарищ Молотов сказал по радио, что Советский Союз перенесли в будущее и что война с немцами отменилась. Перенесли так перенесли. Горы переживут и двадцать первый век, как пережили девятнадцатый и половину двадцатого. И сотни веков до этого. Горы вечны. И пока они стоят, таджики будут жить по законам предков.

Старший сержант Ходи Кенджаев был философом. Правда, он и слова такого не знал. Но разве это имеет хоть какое-нибудь значение... Философ — такой человек, который, даже занимаясь каким-либо делом, размышляет о возвышенном. Например, руки бьют мух, а в голове думы о судьбе таджикского народа. От обоих занятий сержанта отвлек скрип открывающейся двери.

— Салам алейкум, уважаемые!

— Ваалейкум ассалам, ата, — ответил Ходи, — присаживайтесь к нашему дастархану, — и мотнул головой младшему сержанту Хамзалиеву.

Исмаил философом не был, но знак сержанта понял: на изобразившем дастархан канцелярском столе сами собой появились чайник, парящий из надколотого носика, и несколько пиал. Все верно, философ не философ, а гостя надо встречать согласно традиции. Тем более такого гостя! Ведь зашел к ним аксакал. Нет, Аксакал! С большой буквы. Настоящий. Таких уважают ровесники и слушаются джигиты даже чужих родов. Высокий, с прямой спиной и уверенной походкой. С властным, почти молодым, но очень мудрым взглядом. Россыпь морщин, четко прорезанных на темном лице. Такие лица бывают у тех, кто прожил жизнь в горах и продолжает проводить на высоте большую часть времени. Незнакомый, что само по себе удивительно. Кенджаев думал, что знает всех жителей района. Мальчонку какого мог пропустить, но не столь заметную фигуру. Пожалуй, лишь «железный» Шамси, глава рода Абазаровых, может сравниться с гостем в статности. Они и

²⁸ Эмблема 12-й пехотной дивизии, в которую входил 27-й полк — разъяренный бык.

²⁹ *Scheisse, Verdammte Scheisse* — грубые немецкие ругательства, *Arschloch* — тоже, буквально — задница с ушами, *Scheisskerl* — дебил.

похожи... Наверное, и близки возрастом. Но «железному» Шамси девяносто, хотя он крепок, как арча горных ущелий. Неужели и гость так же стар?

Старик благодарно кивнул и присел к столу. Неторопливо принял поданную младшим сержантом пиалу, отхлебнул, смакуя вкус, улыбнулся чему-то своему. Допив, поставил пустую пиалу на стол. Ходи немедленно наполнил ее вновь. Но гость не торопился пить.

— Я не был дома много дней, — сказал он, — учил правнука жизни в горах. Мы ушли очень далеко. Вернулись вчера. Родичи сказали, что сейчас опять сорок первый год. Это так?

Кенджаев чуть не поперхнулся чаем.

— Это так, ата. Значат ли ваши слова, что вы пришли из две тысячи десятого?

Старик улыбнулся:

— Именно. У меня нет сомнений в правдивости моих предков, но они знают мало. Какое сегодня число?

— Двадцать пятое июня, — ответил сержант. — Но куда же вы ходили?

— В Афганистан, — уточнять не стал, очевидно посчитав, что хоть сержант и власть, но допытываться не будет.

Ну конечно, Союз, как говорили, перенесся полностью. Куда еще мог уйти аксакал, чтобы не исчезнуть вместе с Таджикистаном-две тысячи десять? Но это же... Так далеко не ходит никто. Разве что...

— Война уже началась, — продолжал тем временем аксакал. — Где собирают тех, кто поедет на фронт? Я бы хотел присоединиться.

Милиционеры переглянулись.

— О каком фронте вы говорите, домулло? — осторожно спросил Ходи.

— Конечно, с немцами, — удивился аксакал непонятливости милиционеров. — Она идет уже три дня.

— Никакой войны нет, ата, — подтвердил Хамзалиев.

— Не понимаю. Если сейчас сорок первый, то Гитлер напал на нас двадцать второго июня. Я тогда служил в Красной армии. Я стар и знаю, что могу не идти на фронт. Но правнук мал, а мои руки еще крепки и не забыли, как держать оружие. И мой опыт не будет лишним. Я взрывал немецкие эшелоны в Белоруссии, резал их хваленых егерей на Кавказе, штурмовал города... Мы разбили их тогда, разобьем и сейчас. Но на той войне погибли мой отец и дед. Сейчас я ровесник своего прадеда. Недолго уже осталось. Если я погибну вместо деда, он воспитает младшего лучше меня.

Ходи низко поклонился аксакалу.

— Спасибо вам, ата. В этот раз все проще. В будущее перенесся только Советский Союз. А немцы — нет. Та война отменилась. Совсем.

— Вот как? — задумчиво произнес аксакал. — Что ж, тогда я зря вас побеспокоил. Спасибо за разъяснение.

Гость встал и направился к двери.

— Ата, — окликнул его старший сержант, — вам не нужна помощь? Ведь ваш дом остался в будущем...

— Мой дом стоит на том же месте, где стоял, — сурово ответил старик, — неужели ты думаешь, что род Абазаровых может не принять своих потомков?

Когда за гостем закрылась дверь, Хамзалиев ошалело произнес:

— Железных Шамси стало два?

— Железных Шамси стало больше на два, — ответил Ходи. — Он пришел с правнуком. Наверняка тоже Шамси. Абазаровы все железные.

Они переглянулись. Два несостоявшихся артиллериста, два несбывшихся Героя Советского Союза, получившие это звание за один и тот же бой. Только Исмаил — посмертно...

Нью-Йорк.

Здание Постоянного Представительства РФ при ООН.

— Все готово, Виталий Иванович, корреспонденты ждут.

— Спасибо, Антон Юрьевич. Пошли. — На лице спокойная улыбка уверенного в себе человека. Как он чувствует себя на самом деле, не узнает никогда и никто, потому что дипломату не только язык, но вся внешность дана для того, чтобы скрывать свои мысли и чувства. А постоянный представитель России при ООН, по мнению многих людей, — дипломат не из рядовых. Такой, пожалуй, и о Судном дне сообщит в соответствии с дипломатическим протоколом. Сегодня же предстояла «просто» пресс-конференция, всего-навсего о том, что вместо Российской Федерации в мире вновь появился СССР из сорок первого года прошлого века. Легко и просто, не так ли, господа и товарищи?

— Дамы и господа, постоянный представитель СССР при ООН. — Уже первые слова Успенского вызвали заметное оживление среди присутствующих в зале корреспондентов.

— Прошу вас, задавайте вопросы. Я постараюсь ответить на них как можно полнее, — улыбнувшись, заметил на своем хорошем английском постпред.

— Маргарет Бишар, «Голос Америки». Господин Чуркин, вы действительно считаете себя представителем СССР при ООН?

— Конечно, мисс Бишар. И не считаю, а являюсь. Поскольку имею соответствующие полномочия от Советского правительства.

— Но это нелегитимно, разве нет? СССР не существует... не существовал...

— Мисс, вам достаточно слетать в Варшаву, чтобы убедиться в обратном. А если вы заглянете в Конгресс, то можете сэкономить время и деньги на поездку, — улыбнулся Виталий и добавил под раздавшиеся кое-где смешки: — Просто уточните, когда принята и действует ли до сих пор поправка Джексона — Вэника. Могу вас уверить, что она не отменена и, следовательно, Конгресс США продолжал считать РФ преемником СССР. Полагаю, никто не сомневается в юридической компетентности Конгресса и Правительства США? Нет? Так вот, теперь с возвращением СССР отношения правопреемства просто аннулируются, возвращаясь к исходному состоянию.

— Господин Чуркин, вы уполномочены — кем?..

— Сообщая, что сегодня у меня состоялся разговор с наркомом, то есть министром, иностранных дел СССР товарищем Молотовым.

После этих слов в конференц-зале установилась тишина, взорванная вопросами сразу всех корреспондентов, пытавшихся одновременно уточнить только что прозвучавшую сенсационную новость.

— Пожалуйста, по очереди, вас много, и ответить одновременно всем я физически не в состоянии, — прервал нараставший гомон Виталий.

— Каким образом вы разговаривали с господином Молотовым? — невысокий подвижный француз успел пробиться поближе и задать вопрос первым.

— Мсье?

— О, пардон, мсье Чуркин. Клод Вотье, «Фигаро».

— Мсье Вотье, мы разговаривали с товарищем Молотовым по телефону. Надеюсь, вы не думаете, что в СССР прошлого века не было телефонов? — под откровенный хохот зала ответил ничуть не смутившемуся француз постпред.

— Господин Чуркин! — стоящая справа от француз журналистка в отчаянии повысила голос, стараясь привлечь к себе внимание.

— Слушаю вас, мисс.

— Берта Кнауф, «Ди Цайт». У меня к вам два вопроса. Первый — как вы относитесь к «правительству РФ в изгнании»?

— Я к нему не отношусь. Я — представитель законного правительства СССР, — под вновь раздавшиеся смешки ответил Виталий. — Считаю образование этого «правительства» ошибкой и буффонадой, а его членов — марионетками, обслуживающими чьи-то недружественные моей стране интересы.

— Понятно. Второй вопрос. Что вы думаете о появлении Восточной Пруссии вместо Калининградского анклава?

— Интересный вопрос. — Чуркин впервые задумался на несколько мгновений. — Мне трудно сразу сформулировать ответ на него. Могу только заметить, что существование нацистского анклава в центре Европы не может быть терпимо.

— Еще хотелось бы...

— Эй, мисс, вы задаете уже больше двух вопросов, — бесцеремонно перебил немку американец, — Персивал Кнаут, «Нью-Йорк таймс». Господин Чуркин, как вы прокомментируете сообщения о боевых действиях в Польше?

— Насколько я знаю, мистер Кнаут, боевые действия велись с немецкими войсками, дислоцированными в Восточной Пруссии. Эта территория в сорок первом году принадлежала нацистской Германии и на ней были сосредоточены войска группы армий «Север». Они и вторглись на территорию Польши. Соответственно, Советский Союз не имеет никакого отношения к этому конфликту.

— Но сообщалось и о боевых действиях в районе Белостока.

— Никаких боевых действий на границе СССР и Польши не велось. Было несколько вооруженных столкновений, вызванных изменением границ после тысяча девятьсот сорок пятого года. Все недоразумения уже давно разрешены на местах. Кроме того, я уполномочен заявить, что в Стокгольме завтра начинаются переговоры министров иностранных дел Польши и СССР.

— Однако имеются сообщения, что советские и польские представители вступили в переговоры с руководством Восточной Пруссии.

— Только на предмет прекращения кровопролития и заключения перемирия. Судьба же самой Восточной Пруссии должна быть решена на переговорах Германии, Польши и СССР.

— Почему именно эти страны?

— Как известно, Восточная Пруссия принадлежала Германии и имеет немецкое население. Решениями Ялтинской и Потсдамской конференций ее земли были переданы Польше и СССР. Которые, кроме того, пострадали от агрессии расположенных в данном районе немецких войск. Поэтому они и должны решать этот вопрос.

— Это ваше мнение, или вы озвучиваете официальные предложения?

— Это только мое мнение. Хочу подчеркнуть еще раз, что высказал только свое мнение, которое может не совпадать с официальной точкой зрения. Но я надеюсь, что мои рекомендации будут учтены Советским Правительством.

Корреспондента из «Нью-Йорк таймс» сменил англичанин из «Гардиан»:

— Господин Чуркин, что вы скажете о прекращении поставок газа в Европу?

— Я считаю, что европейцам необходимо понять уже сейчас: РФ исчезла, на ее месте сейчас СССР. Но не может страна из сорок первого года отвечать по торговым договорам, заключенным позже. Мы имеем дело с тем, что в юридической практике называется «форс-мажором», обстоятельствами непреодолимой силы...

Конференция продолжалась, но накал первых минут уже спал. Ответив на несколько вполне технических вопросов, Виталий Иванович дополнительно порадовал журналистов сообщением об американском после Штейнгарте,³⁰ прибывающем на днях в Вашингтон из Москвы для консультаций. Шутку оценили все, так что конференция закончилась на веселой ноте.

г. Батуми.

Александр Тучков, капитан ГБ.

Тучков уже во второй раз пересматривал лежащую перед ним папку. Все было запротоколировано, вплоть до перекрестного допроса. Если верить расплывающимся и нечетким буквам второй копии, получалось, что Александр Эдуардович Миллер, 1981 года рождения, был завербован лично Гимлером и Мюллером еще в 1938 году и передавал им

³⁰ Посол США в СССР 1941 г.

секретные сведения о формировании и структуре подразделений конных водолазов. Потом, уже в 1939 году, Александр Миллер завербовал свою жену, Елену Махмудовну Багаутдинову, 1989 года рождения, и она сообщала финнам о планах штурма линии Маннергейма. Непосредственно из Уфы. Голубиной почтой.

Тучков посмотрел на застывшего по стойке «смирно» сержанта ГБ Титорчука. В совершенно оловянных глазах явственно читалось желание поощрения и продвижения по службе.

— Скажи-ка мне, товарищ сержант, — произнес Тучков, с трудом сдерживая ярость, — ты что, мудак?

— Никак нет, товарищу капитан! Я не мудак! Зовсим не мудак!

Капитан начал свирепеть.

— А раз ты, сержант, не «зовсим» мудак, тогда объясни, как Миллер мог кого-то завербовать в сороковом году, если до двадцать второго июня сорок первого его в нашем мире не было?! Просто не существовало?!

В оловянных глазах на мгновение появился проблеск мысли. И исчез.

— Не могу знаты, товарищу капитан. Але воны у усьому призналися!

— Млять, Титорчук, ну почему, когда к тебе попадает настоящий враг, у тебя в деле чистейшей воды правда. Все самооговоры отделяешь, — начал загибать пальцы капитан, — ни одной связи не пропустишь. Образцово-показательные дела, хоть на всесоюзную сельскохозяйственную выставку отправляй — при этих словах сержант просто расцвел. — Но как только к тебе попадет нормальный, ни в чем не виновный человек, ты такую туфту гонишь, что тебя пристрелить хочется! Объясни мне, какая голубиная почта в январе?! И из Уфы?! А вот это?! — Капитан взял в руку бумагу и прочитал: «...Миллер тайно проник на совещание Генерального штаба и спрятался под стулом товарища Ворошилова...» Нет, Титорчук, ты точно мудак. Ты Миллера видел?!

— Так точно!

— Под каким стулом он мог спрятаться?!

Несмотря на почти три тысячи оставшихся в СССР «паромщиков», Тучкову эта пара запомнилась хорошо, видимо, по контрасту. Миллер был немцем, словно сошедшим с плакатов НСДАП, под два метра ростом и сто килограммов природных, а не накачанных мышц. Сварщик, умеющий варить потолочные швы с закрытыми глазами. Бывший владелец небольшой, на сотню свиней, фермы и его жена — миниатюрная татарка. Пара из тех, для кого выражение «знакомьтесь, это — моя половина» звучит буквально. Только точнее было бы сказать: «Треть». А может, потому, что с прибывшими немцами капитан общался лично. Все же война была с Германией. Понятно, что это — не те немцы. Но вот...

— Так це, — промямлил сержант, — мабуть, у товарища маршала якісь спеціальний стилець...

— Титорчук! Ну почему ты не нарисовал Набичвришвили шпионаж в пользу Турции?

— З того грузына шпыгун, як з гимна куля! — уверенно отрапортовал сержант. — Имеет место быть классовая несознательность, непонимание политики Партии и Правительства и непомерные амбиции, препятствующие адекватному восприятию действительности. Якщо казаты коротко, латентный троцкист вин, товарищ капитан!

Тучков поднял глаза от дела:

— Ты сам понял, что сказал, Титорчук?!

— Так точно, товарищ капитан!

— И где ты таких слов набрался?

— На политинформации, котру проводыв старший лейтенант Вашакидзе, товарищ капитан.

— Зоопарк! Где задержанный?

— Доставлен.

— Введи Миллера, а сам подожди в коридоре.

— Есть! — Титорчук вышел из кабинета и немного замешкался, пропуская Миллера.

Руки у немца оказались закованы за спиной.

— Товарищ сержант, снимите с задержанного наручники.

— Да он може...

— Ничего он не «может», товарищ сержант. Приказ ясен?

Миллер стоял, растирая следы от наручников.

— Садитесь, — Тучков еще не решил, как будет обращаться к задержанному, «гражданин», «господин» или «товарищ», поэтому сказал обезличенно, — Миллер.

— Так я уже сижу, — уголком рта усмехнулся тот.

Но на стул сел. Не было в нем страха, ощущения несправедливости, взгляд крошечных синих глаз излучал скорее задор, чем испуг.

— Не пойму, что это вас так веселит?

— Так, гражданин начальник, я к таким «наездам» уже привык, — не скрывая улыбки, пояснил задержанный. — У меня по пять раз на дню пытались ферму отнять. Что протоколы подписал, так любой адвокат их в две секунды раздраконит.

— Александр, вы там, в будущем, что, вообще историей не интересуетесь? И про «признание — царицу доказательств» не слышали? Про «кровавую гэбню» не в курсе? Вы же там такой херни про нас напридумывали! И что? Ни хрена не боитесь?! Так хоть уважали бы немного! Или просто жалели! Вас тут тысячи! Если каждый будет всякую похабень на себя возводить, я даже прочитать все ваши «мемуары» не успею! Какой, к матери, адвокат?! Вы признались в совершении государственных преступлений. Шпионаж — это от десяти до двадцати пяти лет заключения!

До Миллера начала доходить серьезность происходящего. Резко севшим голосом немец выдал:

— Командир, мне-то что, я не пропаду. Ты только Ленку отмажь!

— Эх, Саша, Саша. На твое счастье, ты оказался один такой умный. — Тучков нажал кнопку, дверь открылась. — Вывести заключенного! Сержанта Титорчука ко мне!

Титорчук вошел, настороженно поглядывая на начальника:

— Товарищу капитан, по вашему приказу прибыл!

— Значит, так, сержант! Миллера и его жену освободить. Дело закрыть за отсутствием. Извиниться не забудь. И запомни, Титорчук! Если ты видишь в деле голимую фантастику, значит, человек невиновен! Слово «фантастика» знаешь? Хотя ты теперь и не такие слова знаешь, спасибо товарищу Вашакидзе. Приказ понял?

— Так точно, товарищу капитан, зрозуміло! Лишень, це... — сержант опять замялся.

— Что еще?

— Так перемещенцы ці. Вони ж усі сплошна фантастика. Я его пытаю, що він у тридцять дев'ятому році робив, а він каже: «Не родився»!

— Уйди, Титорчук! Как отпустишь Миллеров, узнай у дежурного, нет ли вызовов. Проедешь, развеешься! А если нет — займись латентным троцкистом!

Титорчук вышел, и из коридора донесся добродушный сержантский говорок.

— Пидемо, — говорил сержант Миллеру, — товарищ шпион, заберем твою жонку мелкую и свезем вас до базы. Невиновные вы, значит. Так что звиняйте, ежели шо не так!

— Ничого, батьку, — ответил ему резко повеселевший немец, — я вже зрозумів, що бананив у вас немає!

«Черт бы побрал этого Гонладзе, — выругался про себя Тучков. — Лингвист сыскался на мою голову!»

Дверь открылась:

— Александр Павлович, к вам Чобанян.

Этого невысокого «живчика» из дальнего горного села капитан знал уже много лет. Первый раз они столкнулись, когда на строительстве дороги вдруг возникла здоровенная глыба размером с несколько роялей. Стали подозревать вредительство, хотя какое вредительство может быть под несколькими метрами породы? Разве что какой мусавит первобытный подложил... Но глыба намертво застопорила работу. Тогда и появился этот

Сэрож. Лукаво поглядывая на Тучкова, он спросил:

— Начальник, этот камень очень нужен? Можно, ми его заберем? Ашот дом строит, материал чуть-чуть не хватает?

Вооруженный небольшой киркой, парой клиньев и кувалдой, армянин за два дня разбил камень на куски и вывез на арбе, запряженной ишаком.

За прошедшее время он успел облысеть и обзавестись атеромой на правой части головы. Односельчане тут же перекрестили Чобоняна в «шишку-джан» и, видимо, чтобы окончательно оправдать прозвище, выбрали председателем колхоза.

Сейчас Сергей Галустович стоял перед Тучковым:

— Товарищ Тучков, ми тут на сходе колхоза решили взять на поруки Александра Миллера и Елену Багаутдинову. Вот протокол, — на стол легла бумага, — падготовыли.

Тучков взял, прочел несколько раз:

— Сережа, ты понимаешь, что ты рискуешь? Враги, настоящие враги, а не придуманные, ходят среди нас. Мы их ищем, выявляем, но их очень много.

— Саша, ты же умный! Разве не знаешь: когда родится армян, турок вешается?

— А с ними ты договорился?

— Саша?!

Действительно, глупый вопрос.

— Тогда беги быстро. Их освобождают сейчас. Без твоей поруки разобрались.

И добавил в хлопнувшую дверь.

— Зоопарк!

Федеративная Республика Германия, г. Берлин.

Здание ведомства федерального канцлера.

Опоздавший Карл-Теодор цу Гуттенберг, вошедший в кабинет канцлера, поздоровался со всеми, перебив докладчика, и, извинившись, прошел к ближайшему от сидящей во главе стола Анхелы Меркель стулу. По дороге он успел подробнее рассмотреть присутствующих и мысленно похвалил себя за сообразительность. Действительно, на этом внеплановом совещании присутствовали только соратники по партии. Нет, никакого нарушения демократии, что вы. Совещание было посвящено специфическому вопросу, и поэтому приглашены были лишь те министры, кто необходим для его рассмотрения. Ведь не приглашали же министра обороны на совещание по решению кризисных вопросов с газом и нефтью? Так и сейчас не пригласили министров экономического блока, поскольку вопрос был политический и военный. Карл мысленно улыбнулся пришедшей в голову мысли, что обсуждаемый вопрос был воистину русским: «Что делать?» Действительно, собравшиеся пытались решить один из множества появившихся вместе с внезапно свалившимся из сорок первого года прошлого века СССР вопросов: «Что делать с Восточной Пруссией?» Найти решение было действительно непросто. Немецкое население, полностью поддерживающее нацизм, не прошедшее денацификацию, возглавляемое преступными организациями, никак не вписывалось в реалии современной ФРГ. Но с другой стороны, они оставались немцами, как территория стала (или осталась? Юристы ломали над этим голову) — германской, а значит — правительство должно решать и ее проблемы.

Томас де Мезьер, министр внутренних дел, укоризненно посмотрев на прервавшего его доклад Карла, продолжил:

— Во время марша НДПГ в Дрездене произошло несколько крупных столкновений между ними и представителями левых партий. Пострадало более пятидесяти человек, двое из которых в настоящее время находятся в реанимации. Мною выделены дополнительные силы полиции, но подобные столкновения происходят во многих городах, особенно на Востоке, и сил полиции не хватает для поддержания порядка.

— Что вы предлагаете? Использовать армейские подразделения? — Недовольство в голосе канцлера мог не заметить только глухой.

— Возможно, придется прибегнуть к армейской помощи, — ничуть не смутившись,

ответил Томас, косясь на Карла.

— Мы готовы, если будет соответствующее решение, выделить части сухопутных войск для усиления полиции. В настоящее время по моему указанию в воинские части выданы щиты, дубинки и защитные костюмы. Части военной полиции уже готовы приступить к патрулированию в Берлине, — Карл-Теодор отреагировал мгновенно. — Простите, дамы и господа, но у меня одно важное и срочное сообщение — поляки приступили к переговорам с Восточной Пруссией, объявлено прекращение огня. Получено также сообщение, что части вермахта, вторгнувшиеся на территорию СССР, начали отступать с захваченных ранее территорий. Сегодня ими возвращен русским Каунас.

— Значит, поляки все же прислушались к нашим рекомендациям, — с удовлетворением констатировал министр иностранных дел и сразу сменил тон: — Но легче нам от этого не стало, американцы наконец сформулировали свои предложения. Они согласны с присоединением Восточной Пруссии к Германии при условии ее полной денацификации. Признать независимость или передавать этот район русским наши союзники не собираются ни при каких обстоятельствах. Поэтому, если Восточная Пруссия останется территорией, управляемой нацистами, Соединенные Штаты оставляют за собой право на вооруженное вмешательство с целью восстановления исторической справедливости и уничтожения антигуманной идеологии, осужденной человеческим сообществом, — Гвидо словно читал документ по памяти.

— Такое нельзя допустить ни в коем случае! — тут же отреагировала Анхела Меркель. — Что начнется, если американцы будут убивать этнических немцев, и какими будут наши политические перспективы, я думаю, никому объяснять не надо.

— Один «Союз Изгнанных»... — начал Томас, но его тут же перебил Карл-Теодор.

— Который активно поддерживают некоторые из наших коллег, — недовольно заметил он, — зачем было присутствовать на их митинге, да еще столь демонстративно?

— Извините, коллега, но это объединение включает более полумиллиона активных членов и ему сочувствуют не менее пяти миллионов избирателей, чьи голоса будут нашей коалиции отнюдь не лишними.

— Коллеги, коллеги, вы отвлеклись от обсуждаемого вопроса, — осторожно вмешалась Урсула фон Ляйтер.

— Вы не правы, — стараясь говорить спокойно, ответил ей Карл-Теодор, — если мы будем идти на поводу у экстремистов...

— Какие экстремисты, коллега, — тут же язвительно ответил Томас де Мезьер, — добропорядочные граждане нашей демократической страны, желающие исправить некоторые перекосы истории, из-за которых они были депортированы с родной земли. И когда есть реальная возможность эти требования удовлетворить, отказ от ее использования был бы не просто глупостью, а преступлением.

— Мы не на митинге, — желчно заметил цу Гуттенберг, — поэтому я предлагаю перейти к более конкретному обсуждению. Юридически...

— Вы у нас министр обороны, а не юстиции, — перебил его де Мезьер.

— Господа, господа, давайте без личных выпадов, — примиряюще заметила Урсула.

— Тем более, — словно не замечая министра внутренних дел, продолжил Карл-Теодор, — что с присоединением восточнопрусского анклава они получают дополнительно немало сторонников. Нам необходимо тщательно обдумать, как мы сможем адаптировать почти три миллиона новых граждан, воспитанных на чуждых нашему обществу принципах и склонных к силовому решению проблем. Юридически все население анклава попадает под законы о денацификации... Например, как быть с их призывом в вооруженные силы?

— Не волнуйтесь, Карл, — мягко заметила Урсула, — я уже поставила задачу перед моими специалистами. И не забывайте, что большинство из упомянутых вами миллионов — жители Восточной Пруссии, которые не собираются переселяться к нам. А полмиллиона новых граждан мы адаптируем, могу вас в этом заверить.

— Дамы и господа, — вступила в разговор Анхела, и все замолчали, — думаю, что я

выражу общее мнение о необходимости возвращения анклава Восточной Пруссии, одной из исконных немецких земель, в состав Германии. Естественно при условии денацификации и роспуска преступных организаций, а также наказания военных преступников. Полагаю также, что вы все понимаете, что наказывать за несовершенно совершенные преступления мы никого не будем. Как и выдавать уже один раз наказанных для повторного осуждения. Все дела будут рассматриваться только в германских судах и только германскими судьями, — Меркель внимательно осмотрела всех и добавила: — Я полагаю также, что мы просто обязаны иметь свою территорию на границе с СССР. И не допустить появления второго Косово рядом с нашими границами, к тому же населенного нашими соотечественниками. Это всем понятно? Поэтому господин Вестервелле лично проведет переговоры с правительством... — Гвидо утвердительно кивнул, она на секунду задумалась и продолжила: — Земли Восточная Пруссия. Господам цу Гуттенбергу и де Мезьеру приготовить планы интеграции вооруженных сил и полиции соответственно. Части, запланированные к переброске в этот район, привести в полную готовность, так чтобы они могли начать передислокацию немедленно после подачи сигнала. Полицейские части тоже, — добавила Анхела и улыбнулась:

— Я думаю, дамы и господа, мы сейчас приняли судьбоносное решение, которое поддержит не только бундестаг, но и большинство населения нашей страны.

Украина, г. Ковель. Управление НКВД.

А. Н. Блинов, лейтенант ГБ.

Сидевший перед Андреем человек выглядел жалким и испуганным, даже и не верилось, что именно он при задержании сумел зарезать сержанта Гусева. Блинов дождался, пока Мария Ивановна заправит бланк в пишущую машинку, и кивнул переводчику. Началась привычная уже за год самостоятельной работы прелюдия допроса:

— Фамилия? Имя?

Пока машинистка вносила в протокол данные на Гюнтера Фляйшмана, радиста из дивизии СС «Викинг», Андрей вспоминал деревню, в которой успели побывать бандиты. Повешенный глава сельрады, трупы, женские и детские — его семья, расстрелянные комсомольцы, совершенно седая, с трясущейся головой, учительница, в глазах которой застыло страдание. «Борцы за свободу» сначала хором изнасиловали ее, а потом сожгли ее дочь, заперев в школе. Хотели сжечь и мать, даже уже облили бензином, но не успели. Подоспевшие бойцы из разведбатальона сорок пятой стрелковой дивизии уничтожили бандитов, а заодно и бывших с ними немецких разведчиков. Одного только пленного и захватили. Что неудивительно, учитывая увиденное ими. Допросить пленного нашли время только сегодня, из-за События и других дел хватало, к тому же полученные от него сведения стали, похоже, уже неважны.

— Расскажите, как вы оказались на территории Советского Союза?

— В ночь на двадцать первое июня наша группа во главе с унтершарфюрером Детвайлером была переброшена на самолете через границу. Приземлившись, собравшись, подобрав сброшенное контейнерами оружие и снаряжение, мы спрятали парашюты и контейнеры и совершили пеший марш в район...

— С кем вы встретились в этом районе? — внимательно наблюдая за лицом допрашиваемого, продолжил Андрей.

— Там нас встретили представители местного партизанского отряда.

— Расскажите об этом подробнее.

— Сначала мы наткнулись на местного жителя, старика, вооруженного карабином. Унтершарфюрер обменялся с ним условными сигналами, после чего проводник провел нас по лесной тропинке к лагерю. Партизан было очень много. В прорытых в земле ямах были разложены костры, это делалось явно в целях маскировки. Тут же стояли сшитые из скатертей, занавесок и непонятно чего палатки. По моим прикидкам, в лагере насчитывалось не менее сорока человек. Мы решили подкрепиться консервированной тушенкой, наш

проводник присел к нам. «Деревня совсем рядом», — сообщил он по-немецки. «Что за деревня?» — спросил его Детвайлер. «Деревня, — ответил проводник. — Мы вас проводим. Вы там будете слушать. Сперва поешьте». Окинув одобрительным взглядом наши петлицы, старик с улыбкой произнес: «СС». К нам стали присаживаться и другие партизаны. Среди них была и женщина лет тридцати в затрапезной одежде. Но, невзирая и на одежду и на перепачканное лицо, она показалась мне красавицей. «Кто вы такие? — снова спросил я старика-проводника, несмотря на неодобрительный взгляд Детвайлера. — И где мы находимся?» Услышав мой вопрос, остальные лесные собраты старика заулыбались, будто им было известно нечто такое, о чем мы не знали. «Мы зовем его отец Деметриус. А меня зовут Рахиль. Добро пожаловать на Украину», — ответила вместо старика женщина. Нас действительно отвели в деревню, но где она расположена и ее название, я вам сказать не смогу, потерял ориентировку после длительного блуждания по лесу. По моим расчетам, она находится примерно в тридцати километрах от города.

— Какое задание получила ваша группа?

— Мы должны были провести разведку в полосе планируемого наступления, после начала боевых действий осуществлять диверсии для задержки отступающих, взрывать мосты и наводить на образовавшиеся в результате этого скопления авиацию. После того, как наши войска достигли бы нашего района, мы возвращались в свою часть — разведывательный батальон дивизии.

— Какие из указанных вами заданий вы успели выполнить?

— В течение суток мы передавали полученные от местных жителей и наблюдениями наших дозоров сведения о дислокации войск противни... вашей армии. Передачи производились каждый раз из разных районов леса для затруднения пеленгации. До двадцать второго июня мы получали подтверждения, что сообщения дошли по назначению. Однако после четырех утра двадцать второго связь на заданных частотах прекратилась. — Удивление Понтера этим фактом было заметно даже сейчас.

— Что было сделано для восстановления связи?

— Унтершарфюрер Детвайлер приказал мне проверить все диапазоны, а также договорился с Деметриусом о посылке связных в Ковель, где у партизан имелись свои люди. Попытки связаться по радио не удались, но мне стало известно о Происшествии. Однако унтершарфюрер Детвайлер и Деметриус отказались верить моим сообщениям. Детвайлер прямо запретил мне рассказывать кому-либо о перемещении во времени. Деметриус же заявил, что это какой-то хитрый трюк большевиков.

— Почему было совершено бандитское нападение на деревню?..

— Я точно не знаю. Кажется, Деметриус, узнав новости от Рахили, решил, что необходимо заявить о существовании антибольшевистского движения на Украине. Но это только мои догадки.

— Почему ваша группа оказалась в деревне вместе с бандитами?

— Мы не могли уйти из этого района без приказа, а без партизан нас бы моментально поймали. Поэтому мы последовали за отрядом. Но мы не совершали никаких преступлений, — тут же, дернувшись от испуга, добавил Гюнтер. — Прошу также учесть, что я всего лишь выполнял приказ своего непосредственного начальника и мое рабочее происхождение.

— Это будет учитывать суд. Наше дело провести допрос, — холодно заметил Блинов, вспомнив о Гусеве. — Вспомните лучше, что вам известно о резидентуре националистов в Ковеле. Малейшие подробности...

Где-то в Подмоскowie. Дача.

И. В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

«Железная Пята все-таки опустилась над миром. — Он отложил в сторону документ и задумчиво приступил к обычному ритуалу набивания трубки. — Не столь откровенная, как предсказанная, замаскированная в бархат и рюшки, но самая настоящая Железная Пята. Все

эти слова о глобализме, общечеловеческих ценностях, мировой экономике — всего лишь прикрытие новой, более сложной системы гегемонии и колониализма, которая мертвой хваткой вцепилась в ресурсы планеты, взимая дань со всех живущих на Земле — тем или иным способом. Только не учел товарищ Лондон, что капиталисты будут действовать не настолько откровенными методами, предпочтут финансовую петлю вместо рабского ошейника. Ну а на тех, кто эту петлю хочет разорвать, вполне в соответствии с товарищем Джеком, есть „большая дубинка“ в виде авианосцев и тяжелых бомбардировщиков. Если у вас нет „демократии“, тогда мы летим к вам, шени деда».

Раскурив, он еще раз посмотрел на экран вычислителя, на котором каждую секунду все увеличивалась и увеличивалась цифра американского долга, затем встал, привычно прошелся вдоль стола и выругался, уткнувшись в стену, занавешенную ковром вместо привычного окна. «Подумать только, ему приходится скрываться. Но Президиум СНК и Политбюро единогласно решили, что глава Советского государства, а также его заместители и основной персонал ключевых комиссариатов необходимо рассредоточить и укрыть от возможных покушений. Спасибо товарищам Фридлендеру, Пересыпкину и, как ни странно, Дзержинскому. Да, именно „неистовый Феликс“ заложил основы системы „Сумерки“, приготовив на случай поражения и оккупации убежища и конспиративные квартиры. И очень ошибались товарищи, писавшие в своем троцкистско-бухаринском будущем, что эта система была в тридцать седьмом разрушена. Ничего подобного, ее разрушили как раз преемники товарища Сталина. Вот сейчас она и пригодилась». Представив себе невидимый и неуловимый самолет, способный сбросить бомбы точно в отдельно стоящий дом, он опять выругался и тут же вернулся к столу, стоящий на котором вычислитель издал мелодичный сигнал о приходе очередного письма. Да, связисты сотворили настоящее чудо, за сутки ухитрившись совместить аппаратуру из будущего и современные (тут он опять выругался, вспомнив, что современное ему фактически устарело на семьдесят лет) системы связи. Полученное сообщение тоже не обрадовало. Нападение на границе с Афганистаном серьезной банды, с тяжелым вооружением, требовало тщательного анализа. Только вчера ему докладывали, что ведутся переговоры с местными властями, что оккупировавшие страну американцы не препятствуют налаживанию отношений, и вдруг... «Это местная инициатива, работа американской разведки или что-то другое? Надо серьезно обдумать. Возможно, эта провокация, как и неожиданное согласие польской стороны пойти на переговоры как с нацистами, так и с Союзом, звенья одного, пока непонятного коварного плана? Как и полеты разведчиков на недоступных для противовоздушной обороны высотах и полученные данные о передислокации части американского флота в Норвегию? А учения японского, южнокорейского и американского флотов на Тихом океане? Хотят найти и уничтожить ракетные подлодки, чтобы потом спокойно заняться нами?» Сведений, как всегда, не хватало, и приходилось анализировать, пытаясь понять логику решений людей из неожиданно свалившегося на голову будущего. Если даже у себя, в трудном, но казавшемся сейчас столь простым и уютным прошлом, не всегда удавалось понять оппонентов, то сейчас было вдвойне сложнее. Он еще раз прошелся вдоль стола и остановился напротив карты. Понятно, что еще неиспользованные ресурсы влекут этих господ, словно кота горшок сметаны. Но должны же они понимать, что при всей кажущейся беззащитности Союз не сдастся просто так, что налаживать добычу, переработку и вывоз придется в окружении враждебного населения. Им не хватает уроков Ирака? Он вспомнил впечатляющие цифры снижения добычи нефти в результате оккупации и совсем небольшие потери оккупантов, которые, если судить по имеющимся сведениям, вызвали волну недовольства в американском обществе. Улыбнувшись в усы, он припомнил прочитанное недавно сообщение о действиях германских «миротворцев», которые отказались защищать вверенное им население, потому что, видите ли, вокруг стреляют. Если все войска в будущем таковы, то неудивительно, что в Афганистане и Ираке до сих пор бегают банды террористов. Он взглянул на часы, до приезда Берии, Тимошенко, Шапошникова, Голованова, Судоплатова и Захарова оставалось еще десять минут.

Возвратившись за стол, он быстро, но внимательно прочел еще пару документов, поставил на одном резолюцию, отложив второй в сторону, и выбил трубку. Подумав, нажал кнопку селектора и попросил появившегося Поскребышева приготовить чай и бутерброды. Посидел несколько секунд, размышляя о чем-то, и, снова поднявшись, подошел к висящей на боковой стене карте СССР, испещренной условными значками.

Он так и стоял у стены, внимательно разглядывая нанесенные днем обозначения, когда дверь раскрылась и Поскребышев доложил о прибытии вызванных на совещание товарищей. Вошедшие увидели его стоящим у висящей на стене карты, покрытой условными знаками мест боестолкновений, уничтожения бандитских схронов и развертывания армейских частей для противодействия «лесным братьям», «партизанам ОУН» и прочей нечисти. Которая, как оказалось, ждала только нападения нацистов, чтобы приступить к убийствам советских людей. Не дождалась, вместо вермахта к ним пришел злой русский медведь, причем целыми корпусами и дивизиями, и начал устанавливать социальную справедливость.

— Проходите, товарищи, угощайтесь с дороги, — он был сама доброта и гостеприимство, только мелькающие изредка в глубине желтых глаз огоньки портили впечатление. — Все ознакомились с полученными материалами, товарищи? — Он прошелся вдоль стола, внимательно наблюдая за реакцией сидящих. Лаврентий сидел с каменным лицом, остальные реагировали... правильно. — Произошедшее Событие, как вы уже знаете, оставило нас практически беззащитными перед возможной агрессией империалистов. Кроме того, выяснилась слабость нашей тыловой базы в отдельных районах страны. Необходимы неотложные меры по реформированию вооруженных сил, особенно авиации и танковых войск, а также созданию специальных сил для борьбы с вражескими диверсантами и террористическими действиями. Для этого мы здесь и собрались. Начнем с авиации. Товарищ Голованов, как обстоят дела с изучением приземлившихся самолетов Ту-95 и Ту-142? Можно ли будет их восстановить и использовать в ближайшее время? — Он посмотрел на сидящего напротив полковника в несколько нескладно сидящей форме ВВС.

— Товарищ Сталин, — попытка встать была пресечена взмахом руки, и полковник продолжил отвечать сидя, — опытными пилотами, по моему мнению, данные машины могут быть освоены в течение полугода — десяти месяцев. Но мы не имеем керосина, необходимого для заправки этих машин, к тому же приземлившиеся на грунтовые аэродромы Ту-142 получили повреждения и не могут быть введены в строй в короткий срок, — Голованов замаялся на секунду, но тут же продолжил: — Считаю, что пока их освоение нецелесообразно, более необходимы сейчас для наших ВВС истребители, способные сражаться на равных с истребителями вероятного противника. Система наземной ПВО также требует серьезной реформы. Имеющимися средствами засечены неоднократные пролеты разведывательных самолетов на недостижимой высоте с недоступной нашим истребителям скорости. Часть полетов засечена с помощью новейших систем радиообнаружения. Необходимо создание сплошного поля радиообнаружения самолетов, нужны ракетные системы уничтожения самолетов...

Остановив Голованова жестом, он прошел к лежащим на столе папкам и, раскрыв одну из них, передал лист бумаги сидящему рядом Тимошенко. Тот быстро прочел и передал Голованову.

— Это примерный список того, что нам может предоставить товарищ Ким Ир Сен. С персоналом. Прикроем в первую очередь Московский район, Ленинград, Баку и Приморье. Но одной обороной войну не выиграешь. Именно поэтому нам нужно изучить и освоить эти самолеты.

— Товарищ Сталин, без ракетного оружия они практически бесполезны. Только ракет на них было подвешено всего две, причем в учебном снаряжении. Необходимо создать промышленность по выпуску таких ракет, оснастить их соответствующими боевыми частями...

— Товарищ Голованов, в данном случае мы работаем не на сиюминутные потребности, а на будущее. Поэтому приказываю вам приложить все усилия для освоения новой техники.

Поймите, это фактически единственные новейшие самолеты, которые мы имеем в своем распоряжении. Даже предоставленная товарищем Кимом техника не столь совершенна. И если мы сможем эти самолеты освоить сами — значит, нам будет подвластна и остальная техника. А производство... рано или поздно наладим, обязательно.

— Товарищ Сталин, я понимаю ваши доводы, но...

— Товарищ Голованов, а вы не забыли, что у нас имеется развернутая фактически по штатам военного времени авиация, девяносто процентов которой мы можем лишь ограниченно использовать против банд террористов. Что нам нужно сейчас — это обучение летчиков на любую новую технику. Понимаете? Мы не можем зря растрачивать ресурсы...

После бурного обсуждения проблем ВВС, которые надо было создавать фактически заново, разговор о реформе войск особого назначения проходил в спокойном деловом ключе. Решили использовать в качестве основы для формирования таких войск части воздушного десанта и часть дивизий НКВД, под управлением, нового Главного Управления НКО, названного ГУ Охраны Тыла. С танковыми войсками было еще проще — до появления новых машин решили ограничиться действиями против бандитов с использованием боеготовых машин и подразделений. Небоеготовые машины списать и с их помощью восстановить все, что можно, а остальное отправить на переплавку.

Едва успело совещание с военными закончиться, и его участники разъехались, к дачному поселку подъехала еще одна машина. Это прибывали участники совещания по состоянию промышленности. Война не состоялась, и теперь требовалось принимать меры по переводу предприятий на мирные рельсы. Кроме того, ждали решения вопросы по концессиям, а также по введению «особых экономических зон», и принятия плана развития Урала и Сибири с учетом новых, полученных с помощью информации из будущего знаний. Практически перед страной стояла задача новой индустриализации.

— Здравствуйте, товарищ Фридендер, присядьте вот здесь. Пока товарищи собираются, мы с вами поговорим, — внимательно рассматривая человека, чьи предложения в немалой степени способствовали пониманию ситуации, он окончательно решил, что новому наркомату быть. Хватит Берии баловаться со специальным НИИ...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ **26/06/2010 г. — 26/06/1941 г.**

Читинская область, ст. Отпор.

М. И. Чаковский, сержант ПВ НКВД.

На станции царило обычное в последние дни оживление. Толпы «иновременцев», китайские делегации, любопытствующие местные жители, усиление от армейцев, заполнили улицы и пристанционную территорию. Весь этот разнородный люд бродил по всем направлениям, садился в вагоны и высаживался из прибывших поездов на перрон, покупал на стихийно образовавшемся базарчике продукты и сувениры. Со всех сторон слышались громкий разнообразный говор, веселые, а подчас и соленые шутки, певучая китайская речь, а временами и хохот. Больше всего неприятностей доставляли пограничникам именно «гости из будущего», в большинстве своем недисциплинированные и лезущие в самые невероятные места. Одного такого любопытного еле успели выдернуть из-под водяной трубы, подготовленной для сброса воды. Проще всего было с китайцами. Прибывавшие группами, они так же группами и держались, дисциплинированно передвигаясь вслед за переводчиками-гидами. Просто удивительно, но пока ни один из них не пытался войти в нелегальный и несанкционированный контакт, однако комиссар заставы постоянно напоминал о бдительности. Именно поэтому одинокий китаец привлек внимание Михаила, получившего увольнение и отправившегося на базар. Затесавшись в толпу покупателей, Чаковский постарался незаметно сблизиться с пробиравшимся через толпящихся покупателей китайцем. В его поведении на первый взгляд не было ничего подозрительного или даже примечательного. Однако внимание пограничника привлекли

явная воинская выправка и целеустремленное преследование им группы китайских гостей. Сержант решил на всякий случай проследить за прохожим, но тот остановился у продававшего самодельные игрушки крестьянина и заговорил с ним по-русски без малейшего акцента. Чаковский решил, что это какой-то местный, и уже собирался бросить слежку, когда китаец, купив какой-то сувенир, отошел к забору и, внимательно оглядевшись, но не заметив осторожно наблюдавшего за ним Михаила, что-то быстро в него спрятал.

Михаил сделал вид, что присматривается к соленым огурцам, продаваемым крупным, мрачного вида мужиком. Тот, похоже, поняв затруднения сержанта, ловко изобразил бойкий разговор и, подмигнув, негромко спросил наклонившегося к нему удивленного сержанта: — Шпиона ловишь?

— Что, заметно? — ответил шутливым тоном Чаковский.

— Мне — да, — ответил крестьянин. — Кого выглядываешь?

— Видел вон того китайца, который за ихней группой побежал?

— Понял, сейчас проверим, — негромко ответил крестьянин и громко крикнул: — Не хочешь покупать, так и вали отсюда, не отпугивай покупателей!

На крик тотчас подошел патруль. Его начальник быстро переговорил с Михаилом, кивнул патрульным и устремился вслед за подозреваемым.

Сержант, подумав несколько секунд, решил все же посмотреть, чем все закончится. Но пока он раздумывал, впереди началась какая-то суматоха. Чаковский двинулся вперед, расталкивая прохожих, и неожиданно наткнулся на того самого убегающего китайца. Внезапно наткнувшись на пограничника, китаец резко притормозил и попытался провести удар ногой в голову сержанта. Но ему не повезло. Помнивший уроки инструктора Михаил текучим, неуловимым для непривычного взгляда движением уклонился от удара, захватил конечность и по всем правилам боевого самбо резко вывернул. Раздался хруст и вскрик пойманного, сменившийся удивленными криками и топотом сбегających патрулей. Вся схватка продолжалась не более нескольких секунд, показавшихся Михаилу вечностью.

Сбежавшиеся патрульные помогли дотащить потерявшего сознание китайца и одного из пострадавших бойцов патруля до стоящей неподалеку «полуторки». Через десяток минут машина остановилась у казармы заставы, в которой располагались теперь не только пограничники, но и все прибывшие на усиление части, как от НКВД, так и от НКО, и их штабы.

Пришедшего в себя китайца увели в каморку, занятую контрразведчиками, а сержант, печально вспомнив о пропавшем увольнительном, отправился в канцелярию, чтобы доложить о происшествии.

Лишь намного позднее он узнал, что захваченный китаец оказался старшим переводчиком разведывательного отдела округа. Ли Гуйленом.³¹ Имевший безупречную биографию и отличный послужной список, Ли считался незаменимым работником и постоянно привлекался к работе с агентурой. Завербованный еще в тридцать втором году японским резидентом Де Досуном, он успешно работал на своих хозяев. И только потерянная из-за События связь помогла разоблачению шпиона...

Белорусская ССР. Поезд Брест — Москва.

Кирилл Неустроев.

Мерный перестук колес. Плавное покачивание вагона. Сплошной полосой проносящиеся мимо окон лесополосы... Скучно...

Кирилл не любил поезда. Но самолеты здесь не летали. Во всяком случае, пассажирские. Машины с собой не было. И слава богу! Не хватало только гробить тачку по здешним «направлениям». Не на коне же ехать. Не умеет он на лошади. Даже не знает, с какой стороны к ней подходить. Как, вообще, можно ездить на том, что само думает! Хоть

³¹ Реальный шпион в разведуправлении, разоблачен в 1944 году.

пешком иди, только далековато до Смоленска... Кирилл прислушался. Сосед по купе, коренастый крепенький мужичок лет тридцати с гаком, неторопливо рассказывал попутчикам:

— Я туда-то еще в начале тридцатых попал. Сам брянский, в деревне плохо. Лошадей нет, скота мало. Земля, опять же, урожай не дает. Молодежь и стала разбегаться. Вот мы с двумя мужиками и поехали на Алдан золото копать. Добрались кое-как до приисков, а там на работу не приняли. «Иди, — говорят, — вольным работай!» Говорить хорошо. А участки отвели бедные, мало что вырабатываешь. Тут слухи пошли о Колыме: «Там, мол, золота много. Проработай лето — богатым будешь». Только хлеба, говорят, нет. Подзаработали мы тогда денег на дорогу в Большой Невере да и махнули во Владивосток. Я ж не бродяга какой был, и не беспризорник, семилетку окончил. И в плотницком деле не последний. Вот и пристроился в лесоводческую экспедицию. Начальником там был Северов Пантелеймон Иванович. Вроде и ростом невысок. А пальцы такие, вот как объяснить, длинные и тонкие. Такими только в носу ковырять, а он серебряный полтинник в трубочку враз закатал, когда на него мужики буром поперли-то. Проехали мы почти две тыщи верст в вагоне до Владивостока. Как сейчас помню, двадцать третьего мая приехали, в день рождения мой. Сдали багаж в камеру хранения, пристроились в гостиницу, да и в порт. Только там нас огорошили: когда будет пароход в бухту Нагаева — неизвестно. «Во всяком случае, не скоро» — так и сказали в Управлении...

«Ишь, распушил хвост перед девчонкой, — зло подумал Кирилл, — золото он на Колыме мыл!»

Девочка была симпатичная. Кирилл поначалу даже подумал, не приударить ли. Тем более он теперь холостой. Но не решился. И возраст уже не детский, да и мама объекта, сидящая на соседней полке, одним своим видом убавила энтузиазм.

— Так вроде на Колыме эки одни золото добывают, — бросил Кирилл.

Очень хотелось одернуть расхваставшегося рассказчика. Но тот не повелся. Окинул Кирилла задумчивым взглядом, понимающе покачал головой, усмехнулся:

— Ты из этих? Из будущего? Не то вам нарасказывали, совсем не то! Заключение-то на больших приисках трудятся. А по ручьям их водить — на охране в трубу вылетишь. Тут только «вольняшки». Как мы. Только одному трудно. Артель сколотишь человек в несколько и работаешь...

— А заработок как делите?

— Как-как. По-разному. Как общество решит. Мы поровну всегда делили.

— Так не справедливо же, — удивился Кирилл, — один больше намыл, другой меньше.

— А третий кашеварил в этот день, — продолжил мужичок, — и что? В другой день иначе сложится. А кашу тоже не каждому же себе варить. В общем, мы так всей артелью решили, так и делили.

— А если кто сачкует?

— Что? — не понял старатель.

— Ну, то есть ленится. Работает не в полную силу.

— А-а-а, филонит... — протянул попутчик. — Так его вдругорядь и не возьмет никто. Да и выгнать могут с артели. Один по-любому меньше намоешь...

Мужичок продолжал рассказ, но Кирилл потерял интерес к разговору. Еще раз прикинул в голове план. Много неясного, но на месте виднее будет.

— Слышь, паря, — окликнул его рассказчик, — а как там, в будущем? Жить хорошо было?

— По-разному, — уклончиво ответил Кирилл, мучительно вспоминая, как зовут попутчика. Федор, что ли? А вроде бы познакомились. — Кто работать умеет, тому везде и всегда жить хорошо.

— То верно, — согласился не то Федор, не то не Федор, — мне батька еще когда говорил: «Учись, Федюня, пахать. Пахари завсегда нужны».

Ага, значит, Федор все-таки. А слово «пахать» в смысле «работать» здесь в ходу. Сам

Кирилл «пахать» не любил. Предпочитал по-быстрому «срубить капусту». Но афишировать это, конечно, не собирался. Разговорчивый мужичок тем временем не отставал:

— А едешь куда?

— В Смоленск.

— По делу какому или так, интересу ради?

— Прадед у меня там живет. Повидать хочу.

Врать Кирилл смысла не видел. Но и душу открывать не собирался. Официальная версия, которую он излагал чекистам в Бресте, звучала чуть иначе. Смоленский токарь Иван Неустроев умудрился в конце июня засунуть руку в станок Отделался легко, тремя пальцами, но Кирилл, как правнук, должен предупредить, чтобы аккуратней был. Глядишь, и обойдется...

Попутчики вовсю обсуждали перспективы общения дедов и внуков. Кирилл вздохнул и с тоской уставился в окно. До Смоленска оставалась еще пара часов...

Турция, г. Трабзон.

Лиза Евсеева, гражданка РФ.

Закрывать номер. Красную табличку на ручку двери. По идее персонал не должен теперь сюда заходить. Не бог весть какая маскировка, конечно, но все-таки. Надеть рюкзак, взять за руку дочь. Спуститься по лестнице, она выводит к маленькой двери, не видной с ресепшена, а лифт — шумное устройство. Возможно, я заигрываюсь в шпионов, но береженому и коктейль в руки. Будем действовать, словно разведчик в тылу врага.

Прокатчик был на месте, как и обещал. От старика пахло, нет, прямо-таки воняло крепким кофе.

— Вы не передумали, мисс, — улыбнулся Селим, — это хорошо!

— Ой, я даже не знаю, — защебетала «блондинка», — все-таки такая опасная штука, а остров так далеко...

Селим внимательно посмотрел на меня и неожиданно произнес по-русски:

— Не теряй время зря, дочка. Я не возьму с тебя денег. Старый Селим прожил долгую жизнь и научился разбираться в людях. Если через три дня ты не вернешь байдарку, он не будет поднимать шума. Потому что вчера вечером продал это бесполезное приспособление какому-то немцу. Я приготовил тебе два спасательных жилета и те штуки, которые ты просила. Кажется, русские называют их «юбки». И четыре бутылки с водой, по пять литров в каждой. Вода тебе потребуется.

— Я... — «вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Разведчица фигова!» — Вы знаете русский?

— Старый Селим много чего знает, доченька. Молчи и слушай. А еще лучше, слушай и одновременно носи вещи, — он взял большой тюк и пошел к воде. Оставалось только следовать за ним. — Иди метрах в ста от суши. Берега скалистые, и пристать можно далеко не везде. Если поднимется волнение — отойди подальше в море, но не теряй берег из виду. А если перевернетесь, держитесь за лодку. Она не утонет.

— Я знаю эту байдарку, — чего уж тут, раскусил меня дед, можно не ерундить. — Ходила на такой по Волге... И по Ладоге.

Селим поставил тюк на песок и направился обратно.

— Это хорошо. Но Карадениз, Черное море — не ваша река. За день ты можешь дойти до Ризо. Это примерно треть пути. Там есть островок, на котором можно переночевать. Про то место не знают контрабандисты. Их надо бояться. И пограничников тоже. Тебе всех надо бояться. Помогай.

Старик взялся за ручку на носу байдарки. Я подняла корму. Дашунька с веслами шла следом. До берега старик молчал, сосредоточенно пыхтя. Только положив ношу у самой воды, продолжил инструктаж:

— Во второй день иди, пока сможешь, и немного потом. Ночью пройди границу. Прямо под берегом, где нависают камни, есть подземный туннель. Там не ходят, слишком

мелко. Лодка не пройдет. А там, где не ходят, там и не ловят. Но твоя байдарка проскочит под скалой, не заметив дна.

Селим говорил, пока мы укладывали в байдарку вещи, надевали спасжилеты, сталкивали судно в воду, продолжал, пока я усаживала ребенка и пристегивала ей юбку... Селим рассказывал много, слишком много, чтобы можно было все запомнить. Но я писала его речь на телефон. Пригодится. Все пригодится. Я не жадная, я — предусмотрительная. Жаль, что не всегда.

Когда все было готово, старик замолчал. Я отвела байдарку от берега, забралась на место капитана и, натягивая «юбку» на рант «очка», услышала последнюю фразу:

— Ты задумала очень смелое дело, девочка. И очень опасное. Однако это твой единственный шанс. Кое-кто уже положил на тебя глаз, но его ждет большой сюрприз. Старый Селим верит в тебя. У вас, русских, всегда получается то, о чем другие боятся даже думать.

— До свидания, — просто ответила я. — Спасибо вам.

— Прощай! Пусть Аллах будет к тебе милосердным.

Синие лопасти весел взметнулись в воздух, и байдарка стремглав понеслась вперед, под углом удаляясь от пляжа...

Смоленская область, лагерь ОН-1.

Поручик Збигнев Жена.

Третий день в лагере творилось нечто непонятное. На работу младших офицеров выводить перестали, свежие газеты не выдавали, даже радио было отключено. Попытки узнать новости у охраны натывались на стену молчания. Пошли слухи, что началась война с Германией, а кое-кто уверял, что не только с Германией, но и с перешедшей на ее сторону Польшей, а также Англией и Францией. Збигнев впитывал их как губка. Ему, искренне верящему во все, что им рассказывали о «пшеклентных большевиках», после содержания в лагере и принудительных работ на строительстве дорог, казалось, что все ранее прочитанное и услышанное было преуменьшением.

— Это москальское быдло на самом деле гораздо хуже того, что мы о нем думаем, — не раз говорил он своему другу и собеседнику, такому же поручику запаса, Мареку Кшипшицюльскому. — Я еще перед войной говорил нашему директору, что только мы, поляки, — единственные цивилизованные люди на Востоке Европы. Теперь все могут видеть, как я был прав! Заставить потомственных шляхтичей, офицеров, работать на строительстве дорог — на это способны только варвары. Кого мы и видим, стоит только посмотреть на лагерную охрану. Настоящие монголоиды! Да и начальник лагеря точно такой же варвар, не способный выйти за пределы инструкций и приказов. Видите — война только началась, а у москалей уже все посыпалось.

— Вы уверены, пан поручик, что война началась? — Марек был настроен скептически, к тому же непонятно с чего был уверен, что едва начнется война, русские всех их расстреляют. — При той неорганизованности русских, которую вы описываете, мы уже несколько дней должны были бы наблюдать немецкие бомбардировщики. Вспомните, как германские «авионы» висели над нами с самого начала войны. Сейчас же ни одного налета, вы замечаете?

— Думаю, что все гораздо проще, пан Марек. Бомбардировщики Германии сейчас смешивают с землей передовые части большевиков, помогая наступлению армии. Как бы я хотел сейчас оказаться в рядах наступающих. Я бы отомстил пшеклентному быдлу за все...

— Не знаю, пан Збигнев, не знаю. Не уверен я, что война началась. Да и не станут немцы вступать с нами в союз. Они нас разбили, разделили нашу землю с русскими и воюют с англичанами. Зачем им восстанавливать нашу страну?

— Эх, пан Марек, какой же вы пессимист. Я уверен... — договорить Збигнев не успел, от помещения канцелярии раздались удары в било, сзывающие всех на построение.

— Что это придумали, проклятые? — удивился Марек. — Не к добру это, пан Збигнев,

спаси нас Матка Бозка Ченстоховска.

— Не бойтесь вы так, — перекрестившись, ответил Жепа. — Ничего нам большевики не сделают, англичан и американцев побоятся.

— Ну да, в тридцать девятом не побоялись, а сейчас испугаются, — ворча на ходу, Марек поспешил к плацу у здания канцелярии вслед за торопящимся Збигневом. Они оказались на месте одними из первых и сейчас с удивлением рассматривали стоящих у крыльца незнакомых высокопоставленных энкавэдэшников. Один из них развернулся и что-то сказал стоящему на крыльце сержанту. Тот, козырнув, скрылся за дверью. Пока сержант отсутствовал, на плацу собрались все польские обитатели лагеря. Последними, не торопясь, подошли полковник Саский и майоры Блянк и Сокул-Шохин, старшие из офицеров лагеря.

— Господа, — неожиданное обращение заставило всех насторожиться. Что еще придумали эти русские? — Некоторые из вас со мной знакомы, остальным представляюсь: лейтенант госбезопасности Хохлов, заместитель начальника управления по делам военнопленных НКВД СССР. Советское правительство уполномочило меня довести до вас, что территория современного СССР по неизвестным пока причинам перенеслась в будущее на семьдесят лет вперед. Сейчас за пределами советских границ две тысячи десятый год. Война с фашистами давно закончена, Польская Республика восстановлена и получила часть земель разбитой в сорок пятом году Германии. СССР и Польская Республика не находятся ныне в состоянии войны. Поэтому Советское правительство готово, руководствуясь принципами добрососедства и гуманизма, вернуть вас на родину. Но вы должны осознать, что за границами СССР прошло более полувека, и вы попадете в совершенно другую страну, к своим потомкам, которые могут быть и не готовы вас видеть. Поэтому наше правительство предлагает всем, кто желает, остаться в Советском Союзе и продолжить службу в рядах Вооруженных сил СССР или работу по специальности на предприятиях промышленности. Желющие могут ознакомиться с условиями принятия гражданства СССР в канцелярии лагеря.

Поляки молча выслушали речь лейтенанта, не прерывая ее даже шепотом. Только она закончилась, как вышедшие из-за спины Хохлова сержант и несколько солдат подошли к полякам и стали раздавать отпечатанные на великолепной мелованной бумаге, с цветными фотографиями, журналы на польском языке. Потрясенные поляки разглядывали полуобнаженную красавицу на обложке и так же молча расходились, унося с собой журналы...

Знал бы Томек, закупавший по просьбе своего приятеля Василия целый грузовик развлекательных журналов, для чего они понадобились, наверное, отказался бы эту просьбу выполнять.

Федеративная Республика Германия, г. Вюрцбург.

Степан Андреевич Брусникин, пенсионер.

Семья в полном составе собиралась редко. Изредка заскакивали дети. Их появление больше смахивало на визиты вежливости, чем на искреннее желание провести родителей. Еще реже видели в доме внуков. Как ни странно, самым частым гостем был правнук Федька, шестнадцатилетний оболтус, недавно обзаведшийся мотоциклом. Приезжал скорее всего не столько ради общения с «ургросфатером», сколько ради хвастовства. В этом возрасте доставляет удовольствие хвастаться свободой. Но ведь не мотался же по сборищам мотоциклистов. Как их там, байкеры? Или моторадфареры? Не гонял по автобанам, пристроив сзади белокурую соплюшку. А навевывался к старикам. Хотя и мотался, и гонял, и соплюшки присутствовали. Но ведь и навевывался. Одно другому не мешает. Мы же знаем...

Правнук вел себя совершенно по-русски. Врывался в дом без предварительного, за неделю, созвона с договоренностями, влетал без звонка и стука, бросал: «Здорово, дедуля!» — и проводил час, два или три, налегая на бабушкины оладьи с магазинной сметаной. И сколько гостил, по-немецки ни слова. Знал, что прадед этого не любит.

Сегодня собрались все. Приехал сын с женой, ставшей солидной матроной, дочь, обе внучки, Ирина Сергеевна с мужем, а Оленька без своего хахаля, зато с маленьким Геней. И Федька, конечно, как без этого оболтуса-то! Отсутствию внучатого зятя Степан Андреевич не расстроился. С самого первого знакомства чванливый немец стоял поперек горла. А когда всплыло, что дед Генриха служил в СС и погиб на Восточном фронте, отношения испортились окончательно. Муж Ольги к русским относился нормально, но дедом искренне гордился. А Степан Андреевич эсэсовцев ненавидел. Кто-то из таких убил Андрея Брусникина. Мог бы стрелять и в Степана, но того по малолетству на войну не взяли. А потому старик Генриха терпеть не мог. Да тот и сам не стремился к налаживанию мостов к угрюмому старику. Даже сегодня, на восьмидесятилетие, не приехал. И слава богу!

Стол накрыли по-русски, с винегретом и оливье, с отдельной подачей горячего. И пили сегодня только водку, из уважения к юбиляру, хотя Сергей и морщился украдкой. Разговор, как обычно, шел обо всем и ни о чем, без особых ухабов перетекая с темы на тему. Говорили по-русски. Не из-за того, что кто-то не знал немецкого, просто такой порядок завел у себя Степан Андреевич.

— А, кстати, — ни с того ни с сего, сказал Федька, — Сталин объявил, что граждане СНГ и эмигранты могут получить советское гражданство. Если вернуться в Россию.

— Фридрих! — возмутилась Ирина, словно сын сказал что-то неприличное.

— Нашли дураков! — фыркнул Сергей. — В коммуналки с общим туалетом и кухней на восемь семей зовут! И «палочки» вместо зарплаты!

— Положим, — возмутился Степан Андреевич, — ты никогда не жил в коммуналке! И зарплату получал исправно. И неплохую!

— Зато вы с мамой жили! — начал заводиться сын. — Или это на мою беременную жену бросилась с ножом пьяная соседка?

— Фира была не пьяная. Сошла с ума, — не повышая голоса, сказал Степан Андреевич. — С ума сходят в любой стране. Даже в твоей любимой Америке.

— В любой стране люди имеют отдельные квартиры, а не ютятся в комнатухах! — поддержала мужа Анна, единственная, чье имя одинаково звучало что в русском, что в немецком варианте. — И чокнутая дура не бросается на беременную соседку. Просто не имеет возможности.

— Коммунисты считают, — с авторитетным видом заявил Куно, — что вы сейчас все бросите и поедете в Россию.

— Ага, счас! — возмутилась Оля. — Дружными рядами, в колонну по четыре под кумачовыми транспарантами помаршируем. Мой Генрих вообще не понимает, почему СССР до сих пор не забросали атомными бомбами. Терпеть режим, признанный судом преступным...

— Это каким таким судом? — поинтересовался Степан Андреевич, пока не повышая голоса. Хотя, хотелось. Ой, как хотелось врезать кулаком по столу, чтобы посуда попадала. И чтобы не звучали в его доме родные голоса, больше похожие сейчас на голоса врагов...

— Не помню, слышала где-то. Или читала в журнале, — отмахнулась внучка. — Да и неважно. Это же всем известно! В СССР тоталитарное общество. Неужели найдутся идиоты, которые бросят все и отправятся «спасти родину»? Ведь коммуналки — это еще не худший вариант. Будет же проверка благонадежности. И прямо с границы эшелонами в Сибирь! В лагерь! Они что, думают, все забыли про НКВД?

— Теть Эльза, — подал голос Федька, — а какой смысл?

— То есть? — обернулась женщина.

— Фридрих! — одернула сына Ира.

— Ну, мам, непонятно же! — продолжил упрямый правнук. — Зачем Сталину звать людей в страну и тут же их арестовывать? Только деньги и силы тратить зря!

— Ирма, что ты на самом деле? — поддержала племянника Ольга. — Зачем затыкать мальчику рот? Он правильно спрашивает. В СССР делают не то, что правильно и логично, а то, что захотелось товарищу Сталину! Или пьяному сержанту из органов! Примеров в

истории было больше чем достаточно!

— Если Сталину шлея под хвост попадет, — сказал Сергей, — запросто развяжет новую войну. Армия, которую на Гитлера готовили, на границе стоит.

— Да? — вспыхнул юбиляр. — На Гитлера готовили? И какую войну развязал Сталин?

— Ну, в Афганистане-то развязали... — неуверенно сказал Сергей.

— Сталин? В Афганистане? Как это у него получилось?

Сын замялся, осознав, что ляпнул откровенную глупость.

— Ну не Сталин. Преемники его.

— Пап, а Зимняя война? — спросила Маша. — Ее ведь Советы начали.

— Зимняя? Это ты про Финскую, что ли?! А ты бы стерпела, если соседи устанавливают на своей территории орудия, из которых могут обстреливать второй город страны? Как американцы отреагировали, когда Хрущев на Кубу ракеты повез? А финнам предлагали обмен: леса в одном месте на леса в другом. Притом в несколько раз больше! А острова попросили, так финские придурки про них и знать не знали. СССР войну не развяжет!

— Все равно ехать в Россию — страшная глупость. Полная неустроенность. Никаких удобств. Нищета. Дикость, — отрезала Ольга, подводя итог под спором. — И война вполне возможна. Не ползет Сталин — ползут на Сталина. Никто не будет терпеть тирана под боком.

— Сидящего на куче богатств, — ехидно вставила Маша, — правда, Эльза?

— Верно, сестренка, — заметил Сергей. — Нефть, золото, алмазы. Все еще не разработано. Ядерной войны не будет, ни к чему портить экологию. Просто придут и возьмут.

— Точно, — поддержала Ольга, — Красной армии нечего противопоставить современным войскам.

Степан Андреевич упер во внуку тяжелый взгляд:

— Думаешь? Гитлер тоже так считал. Только уточни у своего фашиста, сколько нашей земли досталось его деду вместо обещанного надела. А сейчас... Вояки натовские хорошо знают, как мы умеем воевать!

— Быстро заткнулись все! — Варвара Семеновна редко вмешивалась в серьезные разговоры, предпочитая слушать, но уж если вмешивалась... — Нашли кухню в хрущевке! Другой темы нет?! Дед, иди покури, изнываешь же! Сережка, ты обещал мне полочку поправить! Возьми Куно и вперед, там всех делов на пять минут работы! Федька! С Геной погуляй! А мы тут потреплемся по-бабски!..

Полтавская область. N-й км Харьковского шоссе.

Отец и сын Непийвода, колхозники.

— И смотри, Петро, если не поступишь этот год до университета, то я тебя лично удавлю. Чем породил, как говорится, тем убью!

— Фу на вас три раза, батьку, шо ж вы херню таку несете. Шо ото вас переклинило, немов на ногу соби топора уронили!

— Я той топор зараз тебе на голову беспутну уроню, шобы нияка дурныця туды не лизла! А якщо сказал, що до университету пидеешь, то никуда не динешься!

— Я, тату, краще до вийска пиду! Там и годують безкоштовно, и командиры лаяться колы треба, а не колы у них настрій поганый! И топором не грозятся, а лишень гауптческою вахтой!

Перепапка была привычной и не обидной. Да и протекала не из вредности обоих участников, а исключительно веселия для. Одно дело, когда молча идешь по обочине, глотаешь едкую пыль от проносящихся мимо редких автомашин. И совсем другое, когда есть кого обляять и обматерить. Не со злости. Чтобы в ответку выдал. Слово за слово, верста долой. Надо только еще пять верст по шоссе пройти, а затем свернуть на грунтовку и еще с десяток отмахать. А там и родное село близко. С накрытым столом, с жонкой, что как

квочка будет бегать вокруг вернувшихся из трудного похода. Из райцентра сын пришел, с учебы. А отец встречать вышел, еще затемно. Пешком. Негоже, мол, единственную лошадку в семье гонять зазря. Петро цельный год прохлаждался, пушай обратно привыкает к сельскому бытию.

Со стороны Киева донесся низкий басовитый рев, становившийся громче с каждой минутой.

Оба, как по команде, повернулись, выглядывая источник звука.

— Це шо? — спросил сын.

Отец почесал в затылке.

— А я звидкы знаю? Може, литак? И хто у нас вумный як вутка?

— Да ни, це не литак. Я їх багато слышал, — ответил Петька, пропустив мимо ушей очередную обиду. — Да и гуркит зи шляху идет, а не зверху...

Шум нарастал. В дополнение, за оставшимся за спиной поворотом появилось быстро увеличивающееся пылевое облако, смахивающее чуть ли не на грозное.

— Смерч це! — всполошился Петька. — Немов у пустеле! Нам за таке дыво на географії розказували!

Из-за холма выскочила легковая машина размерами в две «эмки» и на огромной скорости пронеслась мимо путников, обдав порывом горячего ветра. Следом, один за другим, нескончаемым потоком неслись огромные грузовики. Каждый — чуть ли не с вагон размером. Блестящие новенькой краской, пышущие жаром двигателей...

Отец с сыном отшатнулись подальше от дороги. Старший мелко крестился, глядя на проносившиеся мимо махины. Младший только ошарашенно лупал глазами.

— Ну, мля, чистый эшелон пролетел! — сказал Петька, когда корма замыкающего скрылась вдалеке. — Батя, дай закурить. Опосля такого перекур завсегда нужный.

— Эт ты, сынку, верно подметил, — задумчиво протянул отец, вытряхивая из пачки папиросы. Из речи странным образом пропал «южнорусский говор». Наверное, подействовала невиданная картина. — И кто это был?

— Как «кто»? — изумился сын. — Ты че, батя, в своем селе вообще озверел? По радио же говорили, что к нам из будущего перенеслись. От, наверное, они самые и поехали. Как раз из Киева, да по Харьковскому до москалей прямым ходом, на Белгород выскакивают, а потом, аж до Москвы.

Петька с удовольствием затаился и раздумчиво добавил:

— А может, и в самом Харькове станут. Кто тих, «прыбульцив» знае?

— «Прыбульци»... — покачал головой отец. — Нихто не знае. А машины у них... Чистые звери...

— Такой бы в хозяйство, да, батя? Кабину вместо уборной приспособить, а кузов — как летняя кухня. Только окошки прорезать. Или вообще с совхозного поля по ночам буряк воровать?

— Тю на тебя, дурень! Совсем в том райцентре от рук отбился, — неожиданно озлился отец. — Видишь, какие дела творятся? Я тебе шо говорил? Без образования ты теперь никто! И звать тебя никак! Плюнь и разотри! Шоб цей же год до университета поступил!

— Та ты чого, батьку, я ж против й слова не казав?

— Казав не казав! А ну кыдай цигарку, досыть вже! Смолышь, як той эшелон!

г. Лондон. Аэропорт Хитроу.

Первушин Андрей Иванович, предприниматель.

Правильно говорил Мюллер, что верить нельзя никому! На неделю уехал — Родину подменили! Ни на кого нельзя положиться! Андрей пока не мог сказать, хорошо это или плохо, и понравится ли ему сталинский СССР. Еще не определился. По правде говоря, он и брежневского-то особо не помнил. Но первым делом, как только вышел «Указ о гражданстве», съездил в бывшее посольство РФ. Жизнь вне родного Урюпинска Первушин не представлял. Вроде и не держало там ничего, родителей не знал, женой и детьми не

обзавелся. Не по детдомовским же стенам скучать или по «друзьям»-собутыльникам? Но вот категорически не тянуло на ПМЖ не только в Берлин или Париж, но даже в Москву и Волгоград, который теперь снова Сталинград.

Сначала хотел отпуск все же отгулять. Еще неделю назад Андрей всем сердцем рвался в Англию. С детства горел желанием прогуляться по Даунинг-стрит, съездить в Вестминстерское аббатство, полюбоваться на Тауэр с одноименного моста, плюнуть в Темзу... Своими глазами увидеть Биг-Бен. И в Стоунхендж сгонять, в конце-то концов! И никуда не уезжать до конца июля! Категорически! Отпуск же! Первый за семь лет. И неизвестно, когда будет следующий.

Но сейчас Первушин стремился как можно быстрее покинуть туманный Альбион. Английская столица разом потеряла свою прелесть. Достопримечательности не вызывали ни малейшего интереса. Все мелочи терялись в сравнении с происходящим на родине, и Андрей сразу по получении документов в посольстве (надо же! Уже бюрократию организовали!) купил билет на ближайший рейс в Варшаву. С СССР прямого сообщения пока не было.

«Матюгальник» под потолком объявил номер рейса. Андрей поднялся, накинул на спину рюкзачок, подхватил кейс с ноутбуком и подошел к стойке паспортного контроля.

Миловидная девушка, затянутая в отлично сидящую форму, при виде симпатичного парня расцвела в улыбке. Однако мимолетный взгляд на паспорт стер любые проявления дружелюбия.

— Эндрю Первусшин? — спросила местная «пограничница» ледяным тоном, с трудом выговорив сложное в произношении имя.

— Да. С утра точно им был.

— Вы гражданин России?

— Я снова гражданин Советского Союза, — твердо сказал Первушин, уже начиная подозревать нехорошее.

— Прошу прощения, но я не могу допустить вашу посадку в самолет.

Это еще что за фокусы? Никакого криминала Андрей за собой не помнил.

— На каком основании?

— Решением Верховного суда и Правительства Ее Величества, поддержанного волей королевы, граждане бывших стран СНГ, СССР и Российской империи не имеют права покидать территорию Великобритании.

Ни хрена себе! Андрей онемел. Даже не на минуту. На несколько секунд. Но их хватило, чтобы девица успела с тем же льдом, даже айсбергом, в голосе заявить:

— Господин, все вопросы решите в представительстве вашей авиакомпании. Следующий!

Щаз! Только шнурки поглажу! Реакция на хамство у Первушина всегда была не совсем адекватной.

— Это с какой радости?

Вопрос звучал гораздо грубее, но русский мат девушка явно не понимала. Или очень старательно делала вид, что не понимает.

— У нас распоряжение руководства!

Видимо, эта сучка нажала на какую-то пимпочку, поскольку к стойке чуть ли не бегом подлетел молодой хлыщ в костюме в сопровождении пары копов с дубинками. Копы Андрея беспокоили мало, но дальнейший разговор пришлось вести с хлыщом. В отличие от разозлившегося Первушина, тот держался вежливо, но стоял на своем, как стена. Запрещено, и все. И не волнует.

— А если кто-то прилетит из СССР? — напирал Андрей. — И полетит обратно?

— Нам не сказано ни о каких исключениях. В представительстве авиакомпании вам вернут стоимость билета. Все деньги, включая комиссионные сборы и компенсацию за такси в гостиницу и обратно. Это все, что я могу сделать.

— Щедрые вы наши! А в Германию я могу вылететь?

— Пока только во Францию и США. В остальные страны вы сможете отправиться, как

только они примут аналогичное постановление.

Дальнейший разговор был бесполезен. Будь это не аэропорт, а реальная граница, Первушин хотел бы глянуть, как его останавливали бы эти два дуболома с резиновыми членами! Но прорыв в самолет ничего не даст и ничего не решит. Еще и террористом объявят...

— Вы можете обратиться в Совет министров. Или оспорить его действия в Королевском суде, — напыщенно произнес хлыщ с таким видом, будто и эти слова — величайшее благо.

Андрей, задавив яростное желание разбить хлыщу его напмаженное хлебало, молча направился к выходу.

«Вот так, значит? Забегали, суки! Испугались! Надо понимать, началась холодная война номер два. Ладно, посмотрим, у кого яйца стальные, а у кого так, серебрянкой присыпаны...»

У выхода из аэропорта представительного вида старик обкладывал пространство большим боцманским загибом.

«Товарищ по несчастью», — подумал Первушин и, проходя мимо матерщинника, бросил:

— Не ссы, отец! Прорвемся!

Белорусская ССР.

Управление НКВД по городу Брест.

Зевающий после бессонной ночи оперуполномоченный ГУГБ НКВД Петр Лерман сегодня был совершенно не похож на себя. Куда девался стройный, всегда подтянутый и гладковыбритый сержант с щегольским пенсне. Сейчас перед Светловым сидел усталый мужичок в мешковатой мятой форме, с тяжелыми черепаховыми очками на носу, больше всего напоминающий классического бухгалтера в период сдачи годового отчета. Нервного, замотанного до последней степени и зло глядящего на окружающий мир сквозь толстые линзы.

— Ну как? — спросил Светлов.

— Да уже у самого в глазах рябит от этих... иновременных, — ответил Лерман и, не удержавшись, зевнул. — Черт их побери. Словно плотину прорвало. Едут и едут, толпами. Все поезда забиты, как бочки с огурцами. Ладно бы, если бы жить, так ведь большинство просто посмотреть едет. А у тебя как?

— Еще хуже, — махнул рукой младший лейтенант, — ты-то в основном с бумагами...

— Товарищ сержант, — заглянула в дверь кабинета озабоченная женщина средних лет. — Где у вас можно кипяточком разжиться?

— По коридору до конца и направо, — спокойно ответил Лерман.

— Это кто у тебя? — обалдел Светлов.

— Они же. Едут впятером на крохотной машинке. Меньше «эмки». Муж, жена и трое детей. В КПЗ разместили.

— В КПЗ?

— Ага! Негде больше, все в городе забито. Да и все равно, там нет никого.

— Если вдруг задержанных приведут?

Лерман махнул рукой:

— Прикую к батарее. Мы же теперь «кровавая гэбня». Палачи и садисты. Слышал эту байку?

Светлов кивнул:

— Не то слово. Всю плешь проели! Каждый второй вспоминает!

— Вот, — продолжил Исаак, — раз садисты, то и прикую. Зато дети будут спать на удобных нарах!

При слове «спать» оба зевнули.

— Непонятные они какие-то, — продолжил Светлов. — Словно с другой планеты.

Семьдесят лет! Другой мир, другие люди. Как марсиане...

— Ну а эти, на заставе, «чоповцы»? — уточнил Лерман, глядя в лицо младшему лейтенанту.

— Нет, те простые. Как мы. Одно слово — бойцы. А тут мутно все.

Сержант опять зевнул. Лейтенант безуспешно попытался сдержаться. Получилось только хуже.

— Подозрительные есть?

— Полно! По мне — так все подряд. Ну... Вот этот, например. По профессии — журналист. Едет предупредить деда, чтобы тот в аварию не попал. Но не чувствую я в нем любви к предку. Предлог это.

— Как считаешь, на самом деле что?

— Хрен его знает. Наверное, посмотреть хочет, что у нас и как. Может, думает насовсем перебраться, а может, наоборот, собирается потом гадости говорить. Не поймешь, пока не проявится. Сам понимаешь, проявится уже, когда назад вернется. Не умеем мы, товарищ сержант, им в душу заглядывать. И что с ним сделаешь? Не пустить — так не за что вроде. А пустить — хрен его знает...

— И что решил?

— Пустил, конечно. Куда деваться, приказ от двадцать третьего. Решил, пусть будет ваша проблема.

— Наша... ваша... Общая у нас проблема, общая... Давай бумаги. — Лерман взял протянутые документы, посмотрел и что-то на них пометил. — Пошлю в Смоленск, пусть приглядят... От меня теперь куда?

— А в отряд вызывали. Сам понимаешь, иначе к тебе и не зашел бы.

— Понятно. Ладно, бывай. Мне сейчас, кроме твоих, еще кучу дел подкинули.

— Понятное дело, — пожал руку вставшего сержанта Светлов. — С этим Событием ни поспать, ни пожрать.

— Это точно, никакой жизни, ни половой, ни общественной, — коротко усмехнулся Лерман и, уже не глядя на уходящего пограничника, углубился в бумаги.

Восточная Пруссия, г. Кенигсберг.

Ганс Нойнер, оберштурмфюрер СС, дивизия «Мертвая голова».

Ганс сидел на летней площадке небольшой бирштубе и с удовольствием разглядывал проходящих мимо девушек. Сидящий рядом Куно деликатно молчал, потихоньку потягивая пиво из большой кружки. В этом заведении блюли традиции и пивные кружки были настоящими керамическими, с крышкой, словно только что перенесенными на стол прямо из шестнадцатого века. Поймав себя на очередной мысли о временном переносе, Ганс нервно усмехнулся и сделал большой глоток из кружки. Надо бы отвлечься от всего мира, сходить в бордель. Только вот с этим в Кенигсберге было совсем плохо, точнее вообще никак. А ехать в женское общежитие «трудового фронта» не хотелось, да и времени было мало. Ганс отпил еще глоток, посмотрел на часы и мысленно чертыхнулся. Командир, конечно не опаздывает, но сильно задерживается. Неужели действительно что-то случилось? Беспокойство Нойнера оказалось напрасным, из притормозившего прямо напротив трамвая выбрался Кнохляйн. Что сразу удивило Ганса — в гражданском костюме, а не в форме.

— Привет, камрады. Сидите, — заметно было, что Фриц не хотел привлекать лишнего внимания. — Что пьете?

— «Остмарк», — ответил Куно, жестом подзывая кельнера.

— А «Понарт» у вас есть? — вежливо, совсем не похоже на себя, спросил подбежавшего служителя Кнохляйн. Ганс сразу сообразил, что его подозрения совсем не беспочвенны и неприятности все же будут, поэтому, пока Ганс заказывал пиво, допил одним глотком кружку.

— А мне шнапс, — дополнил он заказ.

— Ага, Ганс почувствовал, что становится жарко, — пошутил Фриц, как только

кельнер отошел достаточно далеко. И продолжил, внимательно глядя на удивленные лица. — Камрады, вынужден вас огорчить, но мы трое внесены поляками в списки военных преступников за расстрел пленных и насилия над мирным населением. Кроме того, тебя, Куно, требуют евреи из этого их государства, — на лице Фрица появилась брезгливая гримаса, — Израиль. За насилия и уничтожение иудеев в период службы в Заксенхаузене. Пока переговоры только начались, но мне удалось узнать, что вероятнее всего... — Кнохляйн замолчал, пережидая, пока кельнер поставит на столик заказанное пиво, рюмочку шнапса и три блюда с сосисками. Расплатился сам, пресекая возражения собеседников, и продолжил, когда они остались одни и выпили под традиционное «Прозит» по глотку:

— Вероятнее всего, наши бонзы примут предложение современной Германии о присоединении. Немцы все же, хотя у них там что-то вроде очередного издания Веймара. Живут лучше, и даже вооруженные силы есть, но полностью легли под американцев. — Он печально кивнул головой. — Так что ждет нас дорога дальняя и квартира с зарешеченными окнами. Думаю, стоит только появиться здесь первому же полицейскому из будущего, и мы окажемся в казенном учреждении... Но мне, честно говоря, совершенно не хочется проверять, насколько справедливо или несправедливо современное немецкое правосудие. Думаю, и вам тоже.

Кнохляйн замолчал и, подняв кружку, сделал несколько глотков. Молчание за столиком затянулось, словно каждый из сидящих боялся, что первое же произнесенное слово вызовет предсказанные Фрицем последствия. Наконец Куно со стуком поставил пустую кружку на стол и вопросительно посмотрел на Ганса.

— Что предлагаешь, Фриц? — спросил неторопливо и словно бы совсем незаинтересованно Нойнер. — Дезертировать?

— Нет, камрады, дезертировать мы не будем. Просто подстелем себе мягкую перинку на всякий случай. Если вдруг все пойдет по наихудшему варианту, мы должны быть готовы, — злая улыбка мгновенно преобразила Кнохляйна, вернув ему прежний облик. — Я тут договорился о покупке трех комплектов документов, для нас. Берем документы, гражданскую одежду, «кюбельваген» у меня при штабе есть, его и возьмем. Куно, ты ведь машину неплохо водишь?

— Так точно, в свое время в NSKK³² состоял, — невозмутимо ответил Клинтманн, — могу водить все, что на колесах. Только куда мы на машине уедем, разрешите узнать? В Польшу?

— Нет, камрады, в Россию. — Фриц, иронически улыбаясь, смотрел на ошарашенных его заявлением сослуживцев.

— В Россию? К унтерменшам? — от неожиданности даже Куно лишился своей обычной сдержанности.

— Ну, допустим, к большевикам, — Ганс успокоился быстрее, — что они унтерменши — это Геббельс надвое сказал... — Все засмеялись. — Но нужны ли мы им?

— Думаю, что с ними мы найдем общий язык быстрее, чем с американо-английскими плутократами, иудеями из Израйля или немцами из современной Германии. Тот же Геббельс, между нами, в годы борьбы не раз заявлял о глубоком родстве нашего движения и большевизма. Так что для нас единственный выход избежать тюрьмы в Германии...

— Попасть в русский ГУЛАГ, — заметил Ганс.

— Нет, Ганс, нет. Я уже узнал. Несколько армейцев уже перебежали к русским. Как мне сообщили — их никто не посадил.

— Не верю я в это, доннерветер, не верю, — непримиримо заметил Ганс.

— А в то, что нас расстреляют поляки, веришь?

— Ну, если нас им выдадут...

— Так вот, в канцелярии гауляйтера собрали документы по объединению Германии. —

³² Национал-социалистический автомобильный корпус.

Заметив недоумение собеседников, Фриц пояснил: — После войны часть Германии была оккупирована русскими, часть — англо-американцами, потом на месте этих зон появились два государства, Восточная и Западная Германии. В Восточной у руля были коммунисты, в Западной — понятно кто... В тысяча девятьсот девяносто первом они объединились, точнее восточные присоединились к западным. До объединения им обещали много чего, полные гарантии безопасности и все такое. Но как только объединение закончилось, все обещания тут же были забыты. Вроде бы даже бывшего главу государства Восточных арестовали и судили. — Фриц сделал паузу, отхлебнул из кружки и продолжил: — И кстати, камрады, если попадем в немецкую тюрьму, считайте, что нам повезло. Хуже, если нас выдадут евреям или янки — ни те, ни другие, насколько я разузнал, в таких случаях вообще не заморачиваются юридическими формальностями. Украдут, вывезут к себе, а потом повесят. А правительство Германии сделает вид, что ничего не произошло...

— У французов и англичан научились, — заметил вдруг Куно. — Мне отец рассказывал, что в конце Великой войны те тоже много чего обещали, если Германия капитулирует, а потом раздели нас догола. Короче, я вам верю, гауптштурмфюрер.

— А ты, Ганс? — пристально глядя в глаза спросил у Нойнера Кнохляйн.

— Доннерветер, я с вами. Только когда будем в Сибири снег убирать, будете мне помогать, я этому не обучен...

Ленинабадская область, пос. Фальгар.

Чайхана.

Невысокий сухонький старичок с длинной жиденькой бородкой проскользнул в чайхану, суетливо озираясь, прошмыгнул к дастархану в дальнем углу веранды и вежливо поздоровался с сидящими там аксакалами:

— Ассалам алейкум, уважаемые!

— Ваалейкум, ассалам, Мустафа, — ответил Абдулла, высокий жилистый старик, словно вырубленный из цельного ствола столетней арчи. Второй аксакал, сидевший на дастархане, молча кивнул.

— Что интересного происходит в мире, Абдулла? Или ты, Вагиз, поделишься свежими новостями?

— Ты всегда так торопишься, Мустафа, как будто боишься опоздать родиться на свет? — ответил Вагиз. — Присядь, выпей чаю, посмотри на мир спокойно и с достоинством, присущим старости, а не спеши, словно пылкий юнец. Ты уже родился.

— Как скажешь, о мудрейший, — пришедший прислушался к совету, поспешив устроиться на дастархане.

— Хороший чай, — произнес все тот же Мустафа после третьей пиалы чая, устраиваясь поудобнее, — и все же, уважаемые, есть ли новости?

— Есть, Мустафа, есть! — усмехнулся Вагиз. — Как может не быть новостей, если мир сошел с ума и катится в сторону Джуханнама быстрее, чем мы успеваем наполнять пиалы чаем?

— Поделись с нами открывшейся тебе мудростью, досточтенный, — заинтересованно произнес Абдулла, — что привело тебя к таким выводам?

— Уже несколько дней урусы суетятся, словно Искандер-бек снова перешел границу, к Самарканду подходят муджахеды Энвер-паши, а Салим возродил Матчинское бекство.

— Ты меня удивляешь своей плохой памятью, Вагиз, — горько усмехнулся Мустафа, — Искандер-бек гостит у гурий уже десять лет как. Энвер-пашу зарубили джигиты Буденного еще в двадцать втором году, а Салима урусы застрелили годом позже. Тогда же пала и Матча.

— Я не говорил, что они ожили! — не растерялся Вагиз. — Я только сравнил суету последних дней с теми временами. Может быть, ердамчи Сталин начал большую войну? Он ведь не зря обликом похож на Хромого Старца...

— Между прочим, — продолжал Мустафа, словно не слыша собеседника, — говорят,

что Энвер-пашу разрубили пополам, словно курдючного барана. Не каждый батыр может нанести такой удар...

— Точно так же потерял свою пустую голову Сахреддин Набиев, когда захотел безвинно наказать сына «железного Шамси», — вступил в разговор Абдулла, отставив пустую пиалу. — Большая глупость — налететь на дом Абазаровых, имея всего лишь пять джигитов!

— Сахреддин всегда был дураком, — усмехнулся Вагиз, — он думал, что ему придется иметь дело всего лишь с двумя бойцами. Честно говоря, и в этом случае неизвестно, чем бы кончилось дело. А так все было ясно заранее.

— Эта история прошла мимо моего внимания, уважаемые, — нетерпеливо подпрыгнул Мустафа. — Не могли бы вы поделиться лепешкой мудрости, разломив ее снова?

— Ты тогда уезжал работать в Сталинабад, — пояснил Абдулла, — и вернулся только через три года, когда страсти уже поутихли.

— И что же произошло?

— Набиев называл себя «последним муджахедом», — сказал Вагиз, — но был всего лишь басмачом, самым обычным бандитом, умеющим воевать лишь со стариками и детьми. Однако, как показала жизнь, он и с ними не мог справиться.

— Это показала не жизнь, — уточнил Абдулла, — это показала смерть. Одного зарезал «железный Шамси». Как барана, пчаком в горло. Еще двоих забрали стрелы, выпущенные мальчишкой. А самого Сахреддина и Максуда Ахмадова зарубили сын и внук старика. Говорят, кетменями. Но кетмень не проходит сквозь кости, словно через масло! Еще одного взяли в плен. Говорили, что Фарида ударила его по голове большой сковородкой.

— Жена старого Шамси? — уточнил Мустафа. — Да, она может...

— Так это мы к чему, — проговорил Вагиз. — Энвера-пашу убили таким же ударом, что и Набиева с другом.

— Думаешь, это сделал кто-то из Абазаровых? — спросил Мустафа.

— Ну, я не буду клясться бородой пророка... — протянул Вагиз. — Но Шамси-сын тогда был в тех местах. А вот Салима точно убил он. Из винтовки. Это видели многие. Это уже потом урусы ворвались в кишлак...

Старик умолк и потянулся к чайнику. Остальные последовали его примеру.

— Все Абазаровы хорошие стрелки, — произнес Мустафа, опустошив пиалу. — Но ведь Энвер-паша был сейидом. Как можно поднять руку на потомка Магомета?

— Все Абазаровы не верят в Аллаха, — пояснил Вагиз. — Атеисты, да спасет Аллах их заблудшие души. Да и люди говорят, что Энвер-паша — всего лишь жалкий самозванец и ведет свой род чуть ли не из кяфиров...

Аксакалы осушили еще по пиале.

— И все-таки, — спросил Мустафа, — из-за чего так переполошились урусы? Неужели война?

— Не знаю, — ответил Вагиз.

— Вы совсем разучились думать, уважаемые, — с сочувствием сказал Абдулла, — по радио сказали, что Советский Союз перенесся в будущее.

— И только? — удивился Вагиз. — Было бы из-за чего беспокоиться.

— Не скажи, — возразил Абдулла, — что ты будешь делать, если твой внук Саид сейчас придет сюда восьмидесятилетним? Как ты будешь с ним общаться, ведь ты еще сам не достиг этого возраста!

Вагиз задумался.

— Да... — наконец сказал он. — Это серьезный вопрос. Что с тобой, Мустафа?

Обычно смуглое лицо аксакала сейчас было бледно, как мел.

— Уважаемые, — произнес он. — Вчера в дом Шамси Абазарова пришли двое: старик и мальчишка. Это Абазаровы из будущего. Старик — правнук «железного» Шамси. Так получается, если посчитать его годы. А ребенок — еще более отдаленный потомок.

— Почему ты так решил? — поинтересовался Абдулла.

— Старик очень похож на прадеда.
— И что? Это могут быть их родственники из дальних кишлаков.
— Нет. Это они. Я видел одну вещь, которой не может быть ни у кого другого.
— И что это за вещь? — поинтересовался Вагиз.
Мустафа с победной улыбкой обвел собеседников:
— Семейный лук Абазаровых! «Железный» Шамси никогда не даст лук чужому. Даже дальнему родичу! Этот лук из будущего!
На этот раз раздумья длились две пиалы.
— Ты прав, — сказал Абдулла. — Носить этот лук может только Шамси Абазаров. Но если пришедший старик — правнук домулло, то где его первый правнук, который в прошлом году ушел в армию?
— Думаю, он служит там, где был, — ответил Вагиз. — Ведь он тоже перенесся со всей страной. А вот кем он приходится вновь пришедшему?
Целых три пиалы аксакалы думали о степени родства двух Шамси Абазаровых, но ничего не смогли решить.
— Не знаю, — признал поражение Абдулла. — Я и раньше вечно путался в Шамси. Что за дурацкая привычка, называть сына по отцу! Но тогда, по крайней мере, было понятно: «Железный» Шамси, его сын, внук, правнук. А теперь?
— А теперь есть еще старый правнук и правнук правнука, — сказал Мустафа. — При этом правнук правнука старше праправнука, который скоро родится и будет приходиться ему дедом.
— Кто кому будет приходиться дедом? — подозрительно уточнил Вагиз.
— Шамси Абазаров Шамси Абазарову! — гордо ответил Мустафа.
— Это и так ясно. Но какой какому? — ехидно уставился на хитреца Абдулла.
— Тот, который еще не родился, тому, который уже пришел, — эту фразу Мустафа произнес уже не так уверенно. — Или наоборот? Вы меня запутали. Нет, вроде все правильно.
— А кем будет приходиться тот старый Шамси, который пришел, тому который еще не родился? — голос Абдуллы сочился ядом. — И кто старше, «железный» Шамси или его правнук? А, Мустафа?
— Кто считает чужие годы, начинает путаться в своих, уважаемые... Но Шамси ходил с пуштунами воевать англичан, а это было шестьдесят лет тому назад. Что-то мне говорит, что они сами с этим разберутся...

Прибалтика. Один из портов СССР.

Алекс Лаго, капитан трампа «El Zorro Polar».

Пришедший в порт трамп особого внимания ни усталых пограничников, ни бдительных, несмотря на огромный объем работы, таможенников не привлек. Подумаешь, еще одно из нескольких сотен судов, стоящих на рейде и ждущих либо указаний от начальства, либо разгрузки. За пять дней в порту навидались такого до полного отупения. Форс-мажор, ничего не поделаешь. Страны и фирмы исчезли, но грузы-то остались, и куда-то их девать надо? Вот и тянулись в порт суда, везущие нужные и ненужные уже никому автомобили и бытовую электронику, удобрения и керамическую плитку, игрушки, резиновых женщин и изделия из латекса, надеясь спихнуть кому-нибудь ненужное содержимое трюмов или получить страховку.

Капитан, он же — как выяснилось из документов, — совладелец судна, попытался узнать у таможенника, что ему делать с несколькими тысячами тонн минеральных удобрений, закупленных какой-то уже несуществующей фирмой, но мрачный работник советских «органов» разговорчивостью не отличался. Уяснив, что хочет этот, говорящий с жутким акцентом по-русски, капитан-капиталист, таможенник коротко послал его по адресу размещения специальной комиссии, решающей такие вопросы. Добавив, что там все разъяснят, он тут же распрощался.

Спустя полчаса с катера, подошедшего к специально выделенной для таких случаев пристани, спустились на берег капитан и суперкарго «Полярной Лисицы». Поплутав некоторое время по территории порта, они все же нашли подсказанный таможенником адрес. Очередь, начинающаяся уже на входе, привела бравого морского волка, капитана Лаго, в уныние, и, спихнув на суперкарго все заботы, связанные с «Комиссией по Грузовым Претензиям», он быстрым шагом отправился в управление порта. Там, узнав, что, даже если груз его будет принят, на разгрузку судно будет поставлено лишь через пару дней, он некоторое время препирался с измотанным начальником. Так и не сумев ничего добиться, он пригрозил, что обратится в суд, и в ответ был послан уже по другому, известному любому русскому, короткому адресу из трех букв. Но капитан оказался достаточно упорен, чтобы получить адрес не только суда, но и управления РКМ. Секретарь, не менее начальника замотанная, крашенная пергидролью блондинка, недолго думая, напечатала ему требуемое на непривычной, грубоватой выделки, хотя и тонкой на ощупь, бумаге.

Пройдя необходимые формальности, капитан вернулся в здание комиссии, где очередь продвинулась на целых четыре человека, и, предупредив суперкарго, вышел в город.

Спустя примерно полчаса, добравшись пешком до здания суда, Лаго внезапно свернул в сторону. Перейдя на другую сторону улицы, он на чистом русском языке, без всякого акцента, спросил у идущего навстречу лейтенанта, как пройти в совершенно другую сторону, и, задержавшись несколько секунд у витрины ближайшего магазинчика, словно что-то на ней разглядывая, а возможно, и проверяя наличие слежки, пошагал к перекрестку.

Еще минут пятнадцать спустя он оказался у небольшого, ничем не приметного внешне здания. Не останавливаясь, капитан быстро открыл дверь и вошел внутрь. На входе, у внутренней двери, его остановили двое охранников в форме, с «наганами» в кобурах.

— Вы к кому, товарищ? — спросил старший наряда, невысокий, худощавый, но жилистый боец с треугольниками в васьмовых петлицах.

— Извините, — капитан снова заговорил без малейшего акцента, — могу я видеть товарища Лапиньша?

Сержант, внешне не изменившись в лице, как-то весь подобрался, словно кот перед прыжком.

— Ваше имя? — негромко произнес он, чуть отойдя в сторону.

— Скажите, что к нему «пришли от Феди». — Моряк стоял спокойно, всем своим видом показывая, что ничего необычного не произошло. Однако сержант несколько не расслабился. Даже приказывая напарнику вызвать дежурного, он напряженно следил за каждым движением неожиданного гостя. Узнав в чем дело, появившийся из боковой двери командир, с такими же васьмовыми петлицами, быстро исчез за основной дверью. Не прошло и десяти минут, как дежурный появился в сопровождении еще одного сержанта и пригласил Лаго следовать за ним. Еще через пять минут тщательно обысканный моряк сидел в небольшом, но уютном кабинете с висящим на стене портретом Дзержинского.

— ...Значит, вот оно как, — сидящий напротив человек в гимнастерке без знаков различия недоверчиво покачал головой.

— Так точно, — ответил по-военному Алекс, а точнее, как он представился в начале разговора — Алексей Николаевич, заставив собеседника слегка поморщиться от старорежимного выражения.

— Сверху ориентировали о такой возможности, — задумчиво, словно проговорившись от неожиданности, сказал «товарищ Лапиньш». — Но как вы докажете, что это — не провокация?

— Сообщали, что у ВАС, — Лаго выделил слово так, что собеседник опять поморщился, — на Северный флот прибыла эскадра из будущего. Если СМИ, — заметив недоуменный взгляд собеседника, моряк поправился, — газеты, не врут, с ними прибыл начальник штаба Северного флота. Передайте ему срочно с курьером вот это. — Алекс протянул собеседнику конверт. — Пока вы будете выяснять обстоятельства, мне придется задержать свое судно в порту. Необходимо согласовать операцию прикрытия. Я подаю в суд,

или вы придумаете что-то иное, более правдоподобное?

— Давайте так, — собеседник не задумывался ни на секунду, — мы найдем предшественника того учреждения, в которое вы должны были привезти груз. Соответствующие указания портовые власти...

— Вы хотите расшифровать нас? — недоуменно бросил Лаго.

— Ну что вы, мы будем действовать не столь прямо, как вы решили, — улыбнулся «товарищ Лапиньш». — Вы забыли о секретных сотрудниках? — иронически добавил он. — Да и ваш груз нашему народному хозяйству лишним не будет.

— Хорошо, — улыбнулся в ответ капитан. — Тогда разрешите откланяться, мне уже пора быть в порту.

— До свидания. Следующую встречу назначим на послезавтра, по этому адресу, — он показал Алексу бумагу. Тот прочел написанное, кивнул в знак того, что запомнил, и встал, прощаясь.

Проводив Лаго до выхода, собеседник задержался на некоторое время в комнате дежурного, о чем-то инструктируя сменившихся бойцов.

Вернувшись в кабинет, он вызвал по телефону секретчика, а потом заказал машину.

Прибывший секретчик помог упаковать полученный от капитана конверт и опечатать получившийся пакет. Проводив сотрудника, капитан госбезопасности спрятал пакет в портфель и тут же опечатал его личной печатью. После чего достал из сейфа браунинг, проверил его состояние и сунул в карман, несмотря на наличие на боку кобуры с наганом.

Через пятнадцать минут машина, в которой сидел капитан, ехала по городским улочкам к управлению НКВД...

— Товарищ старший майор! На связь вышел человек из системы «Армагеддон»,³³ — спокойный доклад капитана ГБ заставил сидящего расслабленного начальника вскочить.

— Докладывайте...

Киргизская ССР, в предгорьях Памира.

Группа альпинистов.

Такое хорошо вспоминать на турслете, где-нибудь на берегу Волги, под убаюкивающее потрескивание костра, далекие гудки проходящих судов и унылое кваканье лягушек...

А еще лучше — на «гостевой» поляне альплагеря. Когда маршрут уже за спиной, а вздымающиеся вдалеке заснеженные вершины создают романтический фон.

Накинув пуховку, лениво привалившись спиной к не успевшему остыть после захода солнца камню, сидишь, прихлебывая чаек из заботливо принесенной кем-то кружки или попыхивая выдавшей виды трубочкой, и лениво цедишь скупое отмеренные слова: «А что делать?.. На спину — и вперед... Отек легких же... Да ладно, полста кило... Рюки тяжелее бывают... Ну да, шестьдесят на выходе... Линейная шестерка... Конечно, успели... За день четыре тыщи скинули...»

И девочки из «новичковых» отделений смотрят горящими в восхищении глазами, напрочь забыв про собственных мальчиков. Ты же герой. Легенда. Монстр. Супермен пополам с Бэтменом! Можешь брать любую и вести в палатку. Даже забытые подругами мальчишки не смеют возразить. Им остается только вздыхать украдкой и мечтать, что когда-нибудь придет время, и они будут такими же сильными и умелыми. И так же смогут ураганом пронестись по ледникам с пострадавшей на спине и лазать по скалам, небрежно потряхивая шестидесятикилограммовым рюкзаком за плечами. Им пока невдомек, что мешком такого веса нельзя потряхивать. Просто физически невозможно. Его и надеть-то самостоятельно за счастье.

Рюкзак пригибает к земле, заставляя чувствовать себя Атлантом, держащим небо. Нет,

³³ Есть такая система или нет, точно не известно. Но в книгах встречалось, что у России и США есть специальные замаскированные суда, предназначенные для передачи РПКСН сигнала на пуск ракет в случае начала ядерной войны.

не держащим. Несущим, что еще хуже. Вес ломает спину, лямки режут плечи, пояс пережимает бедра, ноги дрожат при каждом шаге, и ты всем телом наваливаешься на ледоруб или альпеншток, мертвой хваткой зажатый в руке. Пот заливают глаза, ручьями стекает по лицу и спине, и не спасает ни самое продвинутое термобелье, ни супердышащая штормовка, ни специально просчитанная геометрия рюкзака, ни его качающаяся подвеска. И физическая подготовка, результат бесконечных тренировок, тоже не спасает. Стальные мышцы, так восхищающие девочек в палатке, лишь дают возможность не упасть сразу, а «прокачанная» дыхалка, предмет зависти «значков» и «разрядников», позволяет еще и идти. Переставлять ноги в нужном направлении.

Шестьдесят килограммов — это много. Очень много. Больше, чем можно. Хотя иногда меньше, чем нужно. Но еще хуже, когда груз — человек. Девочка в палатке и девочка за спиной или на носилках — две большие разницы, как говорили евреи в благословенной довоенной Одессе. Девочка в палатке — это много удовольствия и никаких серьезных эксцессов. Если, конечно, правильная девочка. А девочка на спине тянет к земле сильнее любого рюкзака, даже если она маленькая, худенькая и легкая. Потому что девочка не снабжена ни качающейся подвеской, ни специально просчитанной геометрией. К ее вроде бы «бараньему весу» добавляются килограммы одежды и обуви, она шевелится в самые неподходящие моменты и в самом неподходящем направлении, заставляя тебя терять равновесие, чудом удерживаясь на ногах. А если в комплекте к девушке прилагается пневмония, норовящая плавно перейти в отек легких или мозга, если тело через шаг кхает тебе в ухо, обдавая жарким потоком воздуха... Не надо путать это с жарким дыханием все в той же палатке. Да и в палатке девушка в комплекте с пневмонией — совсем не та девушка. Она полусидит в заботливо и трудолюбиво сооруженном ложе, поскольку горизонтальное положение ей строго противопоказано, и дрожит, невзирая на супертеплые спальники и пару живых грелок по бокам. И ты, одна из этих грелок, в таком же неестественном положении не столько пытаешься заснуть, сколько следишь, чтобы неосторожное движение не сдвинуло спальник с опекаемого тела.

Она не девушка. Она — больная. По идее ее надо тащить всю ночь, потом весь день и опять всю ночь пока не окажешься внизу, в цивилизации, в приемном отделении больницы, где есть квалифицированные врачи, полный комплект современных лекарств и оборудование, похожее на антураж фантастических фильмов. Но человек не может идти сутками. Тем более под большой нагрузкой. Даже герой, легенда, монстр и Супермен пополам с Бэтменом. Всем им тоже надо изредка есть, пить, спать и «ходить за камень». И еще спасибо, что «легенде» хватает сил тянуть тельце на спине, и не приходится сооружать носилки, чтобы вчетвером тащить их в руках, не снимая со спин рюкзаков и топя сбоку от тропы, над которой гордо проплывает нелепое сооружение из ледорубов, стоек от палаток, ковриков, спальников и вспомогательной веревки, общим весом в половину пострадавшей...

К вечеру третьего дня, когда вышли к кишлаку с длинным непроизносимым названием, Лешка был выжат досуха. Сил не осталось даже на самое маленькое движение типа прикуривания сигареты или отправки в рот очередной порции витаминов. Он видел, что остальные не в лучшем состоянии: два дополнительных рюкзака, раскиданные на шестерых, а в первый день так и вовсе на троих, — не лучшее средство сохранения сил. Но прекрасно понимал, что если выяснится отсутствие хоть малейшей пользы от кишлака, то все встанут, взвалит на плечи мешки и пойдут дальше. И он тоже. Встанет, взвалит и пойдет. Куда ж тут на фиг денешься?

Однако сейчас Лешка не мог даже поднять руки. И не хотел!

Расселись у крайнего дома, сильно смахивающего на летний кош. Кто устроившись на сброшенных рюкзаках, кто прямо на земле, как Лешка, растянувшийся во весь рост и обзирающий безоблачное небо. Низко, тепло. Мухи не кусают. А даже если и кусают? По фиг на мух. На все по фиг. Лежать!!! И не двигаться! Егор сидел на рюкзаке в термобельевине и капроновых штанах на голое тело. От спины валил пар, словно из трубы. Надо бы начать распорядиться, двигаться, людей поискать... Но нет сил. Нет мыслей. Нет

желания...

Влад, привалившийся к низенькой каменной кладке заборчика... Капитан Усольцев. Плашмя, ноги подняты на рюкзак... Наташа... Привал... Отдых... Перекур... Хорошо...

Все-таки человек ужасно живучая скотина. Первым зашевелился Санек. Подошел на подгибающихся ногах к Наташе, пощупал пульс, послушал дыхание. Улыбнулся. Достал из клапана аптечку, не целиком, только «дежурный комплект», сделал укол, вручил больной горсть таблеток. Тем временем начали оживать остальные. Появились котелки, зашипели горелки, сам собой возник «дастархан» на спине лежащего рюкзака. Егор и Сергей двинулись к дому, пообщаться с хозяевами. Пять минут полной неподвижности — это очень много. Если добавить немного силы воли и понимания необходимости движения.

Отцы-командиры вернулись с местным аксакалом привычного облика. Для аксакала привычного. Грязный стеганый чапан, бесформенные штаны, засаленный тубетей, растоптанные кожаные сапоги с галошами. Смуглое, морщинистое лицо. Длинная узкая седая борода. Короткий узловатый посох, до блеска отполированный старческими руками. И полное незнание русского языка. Следом за процессией на порядочной дистанции шел босоногий мальчишка лет десяти.

Аксакал походил вокруг «урусов», горестно покачал головой, задумчиво поцокал языком. Что-то громко крикнул малышу, и тот унесся в глубь кишлака, сверкая чумазыми пятками. Старик еще немного походил. Вася налил чай и протянул кружку старику. Тот одобрительно покивал, присел к «дастархану», сказал что-то по-киргизски. Взял из протянутой миски половинку «Марса», внимательно рассмотрел со всех сторон, принялся, целиком засунул в рот. Прожевал, запил. Улыбнулся, опять сказал какую-то фразу, показывая на дом. Послушал предложения угощаться еще, подкрепленные недвусмысленными жестами. Взял вторую половинку «Марса», но на этот раз откусил кусок и начал неторопливо жевать, степенно прикладываясь к термокружке...

Из тысяча девятьсот сорок первого года дед? Из две тысячи двенадцатого? Или из тысяча восемьсот тридцать второго? Аксакалы — явление, неподвластное времени. Как саксаулы и горы...

Из глубины кишлака донесся перестук копыт. Конники Буденного, однако...

Всадников оказалось трое. По краям двое киргизов, сильно напоминающие кинематографических басмачей: чапаны, бесформенные треухи на головах и ружья поперек седел. Именно ружья. С двух десятков метров толком не разглядишь, но на вид невероятно древние карамульки, чуть ли не с кремневыми замками. Саиды из «Белого солнца», один в один!

Третий другой. Тоже киргиз. Но этот уже в «эпохе». «Хэбэшная» гимнастерка, бывшая когда-то белой, а нынче — серая от пыли, синяя сержантская «пила» на петлицах, и ствол винтовки, торчащий из-за спины. Товарищ Сухов киргизского разлива...

Егор огорченно покрутил головой. Сорок первый. Точно сорок первый. Жаль, надежда умерла окончательно...

«Басмачи» остановились, разъехавшись чуть в стороны и положив ружья поперек седел. Сержант спешил, перекинулся парой фраз с дедом и подошел почти вплотную к туристам, мимоходом расстегнув кобуру на поясе.

— Документ ест? — подозрительно спросил представитель власти, щуря и без того узенькие глазки.

— Ты что это, товарищ сержант, на советских людей оружие наставляешь? — спросил Усольцев, протягивая удостоверение.

— Э-э, таварищ капитан, — протянул киргиз, — ты советски, а он, — последовал кивок в сторону Егора, — не советски! Я здес поставлен бдытелност, тиги, крепыт... И падазрытельны человек арестоват! Кайдан билем, может, он шпиен кытайский?

Слово «шпиен» сержант произнес не с киргизским акцентом, а с выговором глухой поволжской деревеньки...

— Не подозрительные они, — отмахнулся Сергей. — Девчонку нашу спасли. Потеряли

бы Наташу. Ты лучше скажи, машина в кишлаке есть? Надо бы больную к врачу доставить. Или у вас свой фельдшер имеется?

— Фельшар джок. Машин джок, — покачал головой киргиз и возбужденно затараторил. — Радио бар. Кара-Ташка инимди жонотом. Из Кара-Таш машин прыезжайт. Большой забираат. Шпиен забираат!

— Радио есть? А скажи, что там говорили о перемещениях во времени? Ребята из будущего к нам попали...

— Не знай! — категорично ответил сержант. — Товарищ Молотов гаварил, война с Германия не будет. Пропал Германия. Куда пропал? Не знай...

— А еще что говорил? — продолжал наседать Усольцев.

— Много гаварыл. Слышна плоха. Горы! — нравоучительно поднял палец сержант. — Падазрительны будем арестоват, в Кара-Таш отправляй! Болду! Не мешай, таварищ капитан, а то я тебя тоже арестоват! Как пособник!

Егор не вмешивался в разговор. Заранее договорились с Усольцевым: если выходят в Кыргызстан — говорит Егор. Если в Киргизскую ССР — Сергей. Да и не будет толку от Егорова вмешательства. Слишком мелкая сошка этот сержант. И настрой у него, прямо скажем... Егор начал прикидывать шансы в случае столкновения. Швырнуть «шакала» в правого всадника. Лешка тут же среагирует в левого. Ногой по голове сержанту... Еще есть Влад на случай сюрпризов... Даже в их нынешнем состоянии... Блин! Ну что за бред в голову лезет! Избить гэбиста при исполнении, убить двух его помощников! На десять лет ежедневного расстрела тянет! После этого путь только один — назад, в горы, к китайцам. Если уйдешь. До непроходимых для лошадей тропок — день ходьбы, мигом догонят. Да и не наш это метод, «шакалами» милиционеров рубить. Пусть арестовывает. Доберемся до начальства, а уж там...

Сержант повернулся к верховым и что-то громко приказал, показывая рукой. Палец поочередно упирался в Егора, Лешку, Санька... Аксакал, которого Наташа заботливо кормила уже третьим «Марсом», оторвался от «дастархана» и обратился к сержанту с короткой сердитой фразой.

Услышав ответ, старик вытер о халат руки, встал, неторопливо подошел к сержанту и вдруг изо всей силы огрел его посохом. Тот взвизгнул, но старик не успокаивался. Удары сыпались один за другим, при этом старик выкрикивал длинные фразы по-киргизски. Егор разбирал разве что постоянно повторяющееся «шайтан». Сержант не сопротивлялся, только отступал, прикрываясь руками, и жалобным тоном выкрикивая ответы. «Басмачи» следили за происходящим с серьезным видом, сосредоточенно качая головами.

Наконец старик остановился, похоже, просто устав. Опустив посох, он сердито бросил сержанту длинную фразу, повернулся и что-то сказал, обращаясь к Усольцеву и показывая посохом на дом. Капитан развел руками.

— Будеш у Абай-таята жит! — сказал сержант, акцент которого резко усилился. — Ныкуда не ходит! Машинэ келет, Кара Таш поздеш, — и, увидев, что аксакал отошел достаточно далеко, тихонько добавил. — Кекмээ...

Федеративная Республика Германия, г. Вюрцбург.

Степан Андреевич Брусникин, пенсионер.

Юбилей был испорчен. Безнадежно. Гости разъехались. Степан Андреевич сидел за столом, подпирая голову рукой и мрачно вглядываясь в лужицу разлитого вина, красным пятном безнадежно испортившего скатерть.

— Что, старый, ностальгия заела?

Вздыхнул:

— Не знаю, Варенька. Всегда сомневался, надо ли было ехать. Но тогда... Страну разрушили, завод закрыли, жить стало не на что. А теперь мои же дети такое про Родину говорят! Кем они выросли?

— Немцами они выросли, — в свою очередь вздохнув, ответила Варвара Семеновна. —

Как это сейчас называется... гражданами Евросоюза. Наши дети откликаются на имена Зигфрид и Марта. А внуки и в паспортах — Ирма и Эльза. Замужем за немцами. И Феденьку с рождения Фридрихом зовут. Геночка уже заговорил по-немецки. А по-русски — нет. Все. Они уже не русские, или настолько не хотят ими быть, что перестали быть хоть кем-то...

— Понимаю. Но помнить-то корни надо! А не повторять всякий бред! Хрущев врал, Брежнев врал, потом этот, с пятном на голове все обоврал...

Варвара Семеновна прервала уборку и присела рядом с мужем:

— Они повторяют то, чему их учили. В школе, в газетах, в новостях...

— Сережку? В школе?

— И Сережку. Самая волна хрущевская шла. Да и не все так гладко было, Степ. Сам вспомни. Хоть Надю ту же. На дне рождения на торте цифры расплылись. Там написано было «Наде 21 год». Какая-то сволочь донос написала, что это каббалистические знаки, и девочку посадили.

— Не посадили, — возразил Степан Андреевич, — выслали. И не, куда-то в Сибирь, а к отцу в Караганду. Она же дочь репрессированного бухаринца была. Он точно за дело сидел. А как освободился, так семью к нему на поселение и выслали. И неизвестно, выслали или сами уехали.

— Нет, Надя сама бы поехала, только закончив университет. Ей оставалось два экзамена сдать. Потом замучилась с заочной сдачей. Выслали ее.

— Наверное. Бывали перегибы.

— Вот и я про то. А муж ее? Он же за что сидел? Беспризорник из мусорного бака две морковки гнилые вытащил, а его за это сперва сторож доской огрел, а потом еще и срок дали. И на поселение!

Степан Андреевич поднял голову:

— А вот в эту сказку я никогда не верил. Как это беспризорник попал в мусорный бак на овощной базе? Не так все было, старая, совсем не так. Полез на базу. Зачем, черт его знает, может, украсть что-то хотел. Ту же морковь, если и вправду голодный был. Не две, конечно, и не гнилые. И нарвался на сторожа. Тот ему: «Стоять!» — а шпаненок за финку. Они же не только голодные ходили, но и злые. Ну и что сторожу было делать? Схватил доску и... Что бы этот беспризорник девочке потом рассказывал? Да то же самое! Про голодную дитятку, зверя-сторожа и безжалостных чекистов.

Варвара Семеновна вздохнула:

— Наверное.

— А мы только с его слов это и знаем... Не все гладко было, не спору. Но ведь и не все плохо. Кого еще из наших знакомых посадили? Даже вспомнить не могу.

Жена задумалась:

— Еврея с третьей квартиры. Помнишь, имя у него еще неприличное: не то Сруль, не то Шмуль.

— Так его же за хищения. Вся улица знала, что ворует! Видно было, как жил.

— Его за хищения...

Помолчали. Сидели в сгущающейся темноте, не зажигая света, не убирая праздничный стол. Вспоминали прошлое. Молча. Отдельно и в то же время, вместе.

Военное детство. Тяжелую, но веселую юность. Свадьбу, бедную, даже нищенскую по нынешним меркам, но такую счастливую... Смерть Сталина. Горе, придавившее к земле. Сережку, делающего первые шаги по полу новой, год назад полученной квартиры. Своей квартиры! Речь Хрущева и разоблачение «культа личности». Машеньку, лопочущую первые слова. Брежневский переворот. «Болото» семидесятых. Серебряную свадьбу. Первую внучку. Череду похорон генсеков. Вторую внучку. Перестройка. Нищета, по сравнению с которой военные времена казались чуть ли не раем. Отъезд Сережи с семьей. Развал Союза. Маша, собравшаяся следом за братом. Заплетающийся голос вечно пьяного Ельцина по телевизору. Танки, стреляющие на улицах Москвы. Собственный отъезд. Из умершей страны к живым

детям. Попытки вживания в новые порядки. Золотая свадьба...

— Думаешь, надо ехать? — спросила Варвара Семеновна.

— Не надо, — ответил Степан Андреевич, — не надо, Варя. Ни в коем случае нельзя нам ехать. Зачем там два беспомощных и бесполезных старика? Обуза. Единственное, чем мы можем помочь товарищу Сталину, — это не мешать ему.

С улицы донесся треск мотоциклетного мотора. Знакомый топот. И звонок. Федька впервые воспользовался им, вместо того чтобы просто ворваться в дом. И вошел тихонько, тут же замерев в дверях.

— Дед, — сказал Федька, — не спишь еще? Расскажи про Союз. А то эльтерны только фигню повторяют, что в Интернете написана, а ты там жил.

Из-за спины правнука высунулась любопытная мордашка с всклокоченными разноцветными волосами.

— Это Танька, — представил Федор. — Семыкина. Ей тоже интересного...

Брест. Управление НКВД.

Юрий Колганов, бывший генеральный директор.

Исаак Лерман, оперуполномоченный ГУГБ НКВД.

Юрий внимательно рассматривал сидящего напротив замотанного чекиста в старомодных очках с круглыми линзами и толстой оправой, и думал, не сплеховал ли он, поверив в громкие обещания. В восьмидесятые-девяностые тоже обещали много хорошего и всем сразу, а в итоге получили по Черномырдину — «как всегда». Кто знает, решит этот... сержант госбезопасности по фамилии, если он правильно запомнил, Лерман, что Юрий — гондурасский шпион, и попадет бывший военный, бывший гендиректор в подвалы Лубянки, где его быстро заставят во всем признаться.

Тем временем Лерман достал чистый бланк и новую ручку, как ни удивительно, гелевую, явно подарок какого-то туриста из будущего. Заметив взгляд, брошенный Колгановым на ручку, сержант смущенно пояснил:

— Приезжие подарили. Всем в управлении по ручке. Удобные.

— Да, удобные, — согласился Юрий.

— Итак, перейдем к делу, — построжил лицом оперуполномоченный, одновременно записывая что-то в лежащем перед ним бланке. — Фамилия, имя, отчество, год рождения?

Записывая ответы Колганова, сержант ухитрялся почти не смотреть на бумагу, профессионально контролируя реакции допрашиваемого.

— Профессия? Должность?

— Инженер-электрик, генеральный директор ЗАО «Просвітництво», — ответил Юрий и, подумав, добавил: — Бывший. Майор в отставке, бывший военнослужащий войсковой части восемнадцать восемьсот восемьдесят пять, — заметив непонимание в глазах Лермана, он добавил: — Пишите, пишите. Думаю, именно это больше всего заинтересует ваше начальство. Это, если вы понимаете, о чем я, — Двенадцатое Главное управление Министерства обороны России.

— России? — удивился было сержант, но тут же улыбнулся, сообразив. — После ухода на пенсию переехали жить на Украину?

— Так точно, — кивнув, подтвердил Колганов, — вернулся в родной город, Днепропетровск.

— Значит, служили в двенадцатом ГУ, — записывая, повторил Исаак, задумался на мгновение и, внимательно взглянув в глаза Юрию, спросил: — Это как-то связано с имеющейся у нас информацией о сверхмощном... — небольшая пауза намекала, что чекист припоминает слово, — «ядерном» оружии?

— Вы правы, — удовлетворенно согласился Юрий. Не зря он выжидал, расчет оказался точным. Органы уже получили информацию и скорее всего даже соответствующие инструкции. Теперь ему будет намного проще объясниться.

— Разработка, хранение, применение? — Исаак спросил быстро, слегка понизив голос

и даже бросив взгляд в сторону двери.

— Хранение, — ответил спокойно Юрий.

— Азохен вей, — с прорезавшимся одесским акцентом ответил сержант, — не могли сразу сказать? Из-за вас бланк испортил, придется лишнюю бумагу заполнять. — Он отложил в сторону ручку и, быстро достав откуда-то из ящиков стола чернильницу и ручку, начал густо заштриховывать бланк. Закончив эту малопонятную для Юрия процедуру, он встал, убрал испорченный бланк в сейф.

— По инструкции, вас сразу надо в Минск отправлять, с сопровождающим. Вот только народа у нас сейчас нет. Поэтому придется вам сегодня переночевать... — тут сержант с чего-то вдруг задумался, потом, просветлев лицом, продолжил: — В кабинете начальника. Он как раз до послезавтра отсутствует. Больше, извините, негде, даже в КПЗ занято.

— Арестованные сидят? — спросил без всякой задней мысли Колганов. И очень удивился, заметив, как смутился Лерман.

— Нет, проезжающих временно поместили, им вообще ночевать негде. Но вы не волнуйтесь, я свой матрас, одеяло и подушку дам. Завтра начальник вернется, я освобожусь, и мы с вами в Минск полетим. На пассажирском «эр-пятом». Согласны?

— А куда я денусь, товарищ... сержант госбезопасности, — ответил Юрий, улыбаясь. Все прошло даже лучше, чем он задумал. Одно удивительно — как это местные так легко поверили ему на слово? Неужели так доверяют? А вдруг он шпион и его так спокойно, без проверки пустят в святая святых?

«Черт, а ведь если мне так легко поверили, то, значит, никакой возможности связаться с кем-нибудь у меня не будет. Похоже, я сам себя перехитрил. Посадят в „шарашку“, и буду я там за пайку работать». — Мысли, пронесшиеся в голове, видимо, как-то отразились на его лице, заставив чекиста подобраться.

— Да вы не волнуйтесь, товарищ Колганов. Арестовывать вас никто не будет. Конечно, некоторые ограничения из-за секретности будут, но зато будете получать генеральскую зарплату как минимум. Не верите? Зря. У нас никого просто так не арестовывают, что бы вам там ни говорили. И такие, как вы, специалисты нашей стране нужны не меньше генералов.

— Да верю я вам, верю, — несколько резковато ответил Юрий. Но, похоже, чекиста ни в чем не убедил.

— Та-а-ак, — понимающе кивнул Лерман. — Сейчас мы с вами просто поговорим.

Подмигнув, он подошел к дверям, закрыл замок на ключ и, вернувшись, достал из сейфа бутылку коньяка и пару бутербродов из черного хлеба с салом. Отодвинув в сторону бумаги, Исаак ловко достал откуда-то пару граненых стаканов. Разливая, он, с гордостью показав на этикетку бутылки, сказал:

— «Двин». В Москве брал. Ну, давай, майор, будем!

Москва. Здание на площади Дзержинского.

В. Н. Меркулов, комиссар госбезопасности третьего ранга, первый заместитель наркома ВД.

— ...Они и вышли по упомянутому в этих мемуарах адресу. Говорят, специально документы меняли, чтобы груз именно в этот порт доставить, — докладчик четко описал все, случившееся в порту, включая и впечатления бойцов охраны о госте. — Конверт переслали нам, а я тотчас же приказал отправить его самолетом в Архангельск.

— Содержание послания проверили?

— Да, Всеволод Николаевич. Тем более что конверт был не запечатан. Там дата и шифр из серии букв и цифр... Скорее всего — условный сигнал.

— Понятно. Значит, говорите — Алексей Николаевич Лаго. Родственник А/243? Установили точно? Или ваши догадки?

— Насколько удалось, — развел руками докладчик. — Сами понимаете, что точных данных нам сейчас никто не даст. В наших документах о родственниках никаких сведений нет.

— Похоже на провокацию. — Меркулов прищурился и посмотрел прямо на горящую настольную лампу, в свете которой вился невесть как попавший в кабинет мотылек. — Мы, как этот мотылек, устремимся вперед, а окажется, что это не свет в конце тоннеля, а огонек ловушки. Можно такое предположить?

— Не думаю. Про адмирала Воложинского и его эскадру действительно есть сообщение на одном из... — говорящий слегка споткнулся на непривычном слове, — «сайтов». Про подводные ракетоносцы во всех новостях рассуждают, только американских сообщений отследили больше тысячи. А вот про то, что связь у нас с ними есть, — никто и не догадывается. Видимо, мало кто помнит, что именно товарищ Кузнецов к созданию этой связи руку приложил и что мы ею уже пользуемся.

— Не стоит недооценивать спецслужбы. Они-то это наверняка знают, архивы перелопатили и подняли все, к этой теме относящееся, — нахмурился Меркулов.

— Может быть, — легко согласился докладчик. — Только вот шифров у них таких быть не может. Помните, я докладывал полученные от адмирала сведения? Их знает не более десятка человек, у каждого они свои и меняются постоянно по определенной системе. Так что завтра будем иметь точное подтверждение. Что касается мемуаров... — он задумался. — Пока ни одного разведчика с нами на связь не вышло. Ждем. А без этого какое может быть подтверждение, раз их даже после девяносто первого не печатали, — он еще раз развел руками.

— Ладно. — Меркулов встал из-за стола и подошел вплотную к докладчику. — Землю копай, но о капитане надо знать все. Свободен.

Едва дверь кабинета закрылась, как он вернулся к столу и поднял трубку. — Дайте Борисова.

— Товарищ Борисов? По теме двенадцать разрешите подойти с личным докладом? Есть через пятнадцать минут...

Подмосковье. Неподалеку от г. Ногинск.

Завод «Электросталь».

Пожалуй, с момента запуска завода в кабинете его директора не собиралось сразу столько специалистов и начальников. Собравшиеся внимательно разглядывали лежащие на столе несколько диковинных, похожих на необычной формы короткие лопасти воздушного винта, детали.

— Товарищи, вы все знаете, что в связи с произошедшим событием наша страна вынуждена срочно догонять весь остальной мир, — заместитель наркома черной металлургии по спецсталим Александр Шереметьев не стал дожидаться, когда последний из приглашенных займет свое место за столом. — Особенно важно, как указал товарищ Сталин, сократить наше отставание в авиации. Современная авиация зарубежных стран полностью оснащена новыми двигателями, так называемыми турбореактивными, детали которых работают при немыслимо высоких температурах и давлениях. Одной из основных деталей такого двигателя являются «лопатки», те самые, что вы видите перед собой. Примерный химический состав требующихся для их создания сталей мы знаем, но является ли он достаточно точным, придется установить вам. Как и создать новый технологический процесс для производства таких сталей. Товарищ Сталин лично поставил задачу — запустить данное производство в кратчайшие сроки...

На вопрос Шереметьева о сроках создания первой партии сплава главный инженер, крупный специалист по освоению спецсплавов, Михаил Зуев, подумав, назвал очень короткий срок, всего три месяца. Но присутствующий на совещании представитель СНК, до того скромно сидевший в стороне, потребовал сокращения сроков. В конце концов он добился его сокращения до одного месяца. Тут же был составлен почасовой круглосуточный график, ряд процессов перевели на параллельный режим, подключили все экспериментальные и серийные службы завода.

Представитель, молодой, энергичный, явно заинтересованный в успешном выполнении

порученного ему задания, заявил, что остается на месяц и будет каждый день докладывать лично секретарю товарища Сталина о состоянии дел.

— Даже не будучи специалистом-металлургом, я могу себе представить, насколько это архисложная задача — по имеющейся детали, определив его химический состав, создать новый технологический процесс, в том числе «разгадать», вернее, с помощью многочисленных экспериментов определить программу сложной термической обработки и быстро запустить новое, сложнейшее производство. Но, товарищи, поймите, что мы сейчас находимся фактически на передовом крае обороны нашей страны и должны работать как на войне. Поэтому я надеюсь, что никаких срывов графика мы с вами, товарищи, не допустим.

Харьков. Завод № 183. Конструкторское бюро.

— Товарищи, товарищи! Спокойнее. Подведем итоги, — поблескивая бритой «под Котовского» головой и поправляя сбившийся галстук, Александр Морозов старался утихомирить разошедшихся коллег. — Предложенный товарищем Колесниковым, первый, простейший, вариант модернизации — усиление броневой защиты, разработка пятиступенчатой КПП, установка командирской башенки, упрощение конструкции корпуса с целью облегчения условий автоматической сварки, перенос из боевого отделения и увеличение емкости топливных баков, внедрение торсионной подвески. По вооружению — установка восьмидесятипятимиллиметрового орудия. Так, Андрей Васильевич?

— Да, Александр Александрович, до получения нового оборудования мы все равно не сможем выпускать ничего нового, — сидящий неподалеку от главного Колесников после своей реплики посмотрел на директора завода. Максарев кивнул, записал что-то себе в блокнот и спросил, обращаясь к Морозову: — Мне кажется, вполне приемлемое решение.

Морозов упрямо покачал головой, не соглашаясь, и сказал в наступившей тишине:

— Нет. Такой танк не способен бороться с танками вероятных противников, и его производство будет лишь бесполезным переводом материальных ресурсов. Я считаю, что мы должны сразу начать проектирование нового танка, имеющего самую минимальную преимущество с выпускаемым нами сейчас. Иначе мы так и будем отставать от мирового уровня. Предлагаю сразу начать разработку танка весом не менее тридцати пяти тонн, с орудием в сто миллиметров и комбинированной броней, по типу описанной в бюллетене номер два — с песчаным наполнителем. Башню сместим к корме, двигатель — новый вариант В-2, установим поперек продольной оси, радиста-пулеметчика убираем, люк механика-водителя с лобового листа — тоже, общую высоту необходимо сохранить в пределах существующей. И обязательно предусмотрим возможность установки автомата заряжания...

г. Лондон.

Первушин Андрей Иванович, предприниматель.

Тревожные думы не покидали Андрея до самой гостиницы.

Что делать? Можно улететь к французам. Вряд ли граница с немцами на глухом замке. Отвыкли лягушатники от серьезной службы. Если и стерегут, то только на дорогах, и то проселки зевают. Да если и нет...

Допустим, пробраться в Германию можно. Кстати, боши тоже могут принять подобную хрень. А у них наших немерено. Да и забить. Примут — доберемся официально.

Куда дальше? В Польшу! И считай, на месте. А если и поляки скурвятся? По фиг, все равно пройду! Лесом! Война — херня. Главное — маневры! Варианты маневров возникали один за другим... Морем... Воздухом... Кто отследит «киркинского» спецназера в море, а мастера спорта по туризму в лесу? Никто. Угнать катер, махнуть через пролив... Потопят — так вода теплая... Максимум месяц — и он в Союзе. Всех проблем-то! Не изнеженным европейцам гавкать на Андрюху Первушина!

А потом... И что потом? Андрюха прорвался. А тот дед из аэропорта? Тоже мастер? А другие? Сколько стариков, женщин, детей здесь останется? Да просто тех, кто не умеет

переходить границы и даже элементарно выжить в летнем лесу. Тех, кого долго и старательно не учили этому?

Что, боец, на альтруизм потянуло? Ну да, потянуло, и что с того? В СССР такие настроения всегда приветствовались! Это сейчас на соседей волками смотрят да нагадить норовят. Да и наглам хочется фитиль вставить. Чтобы лет сто задница болела от одного упоминания об Андрюхе Первушине! Нет, вопрос надо решать иначе. Глобально, так сказать. Заодно и новой родине помочь. Официально страна вряд ли что сможет сделать. Ноту пошлют? Так нет за Союзом сейчас военной силы, так что срали наглы на эти ноты. Да еще в союзе с пиндосами. Небось оттуда ноги и растут. Может, методом Валеры Калоева? Чем Камерон отличается от этого швейцарского индюка-диспетчера. Охраны побольше? Так охрана реагирует на второй удар! Стоп, Андрюха! Это тебя не туда несет. В святые великомученики рано. Да и индивидуальный террор проблемы не решал никогда. А к стихийным митингам протеста новых граждан Союза наглы наверняка готовы. И к митингам, и к демонстрациям... Минутку. Готовы? А это еще как посмотреть!

Кажется, британцы любят римские принципы. Разделяй и властвуй. А на себе попробовать?

Спокойно, Андрюха, спокойно. На хрен эмоции и думать! Может получится. Наверняка получится. Мы пойдем другим путем, нах! Только просчитать все детали...

К приезду в гостиницу план был готов.

Где-то в Подмоскowie. Дача.

И. В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР.

Взяв остро заточенный карандаш, он аккуратно подчеркнул заинтересовавший его абзац и перечел его еще раз: «Холодная война в конечном счете устраивала обе стороны. Советскому Союзу она позволяла консолидировать свое господство в Восточной Европе. Но еще важнее ее последствия были для Америки. Ибо чем острее было противостояние, тем прочнее было „американское лидерство“, тем более Западная Европа нуждалась в США экономически и зависела от них политически». Отложив карандаш, он взглянул на экран, уточняя время. Можно было не торопиться, поэтому он отложил книгу и прошелся вдоль стола, раздумывая. Первые пять дней в новом мире... пожалуй, неплохо подвести промежуточные итоги...

Результат столкновения с немцами в Прибалтике, если не пытаться лгать самому себе, его ошеломил. Сильнейший, непредвиденный никакими военными теориями удар первого эшелона немцев, приведший к неожиданно быстрому разгрому выдвинутых к границе войск, неудачные действия механизированных корпусов, разгром, авиации на аэродромах, потеря управления — он надеялся на лучшее. Самый важный практический экзамен был с треском провален. И хотя он знал, что в предыдущий раз положение удалось выправить, пусть и ценой огромных жертв, сейчас страна была фактически беззащитна. Профессионалы, которым он доверял, не смогли подготовить армию даже к борьбе с немцами.

«Что же тогда говорить о возможной войне с НАТО? Пока страну спасают три вещи — полная неожиданность События, ракетные подводные крейсера стратегического назначения и противоречия между основными игроками. А командный состав придется чистить. Не как в тридцать седьмом, аккуратнее, но чистить. И готовить новых командиров из перспективных, известных по сведениям группы Абакумова и данным „неперемещенцев“. И пока никаких учебных сборов, до получения новой техники и отработки нового облика армии не проводить. Продолжить отвод от границ, привлечение к борьбе с бандитами, частичную демобилизацию, и не более того. Флот... а вот флота и авиации у нас практически нет. Флот, флот... армию частично сократили, придется сокращать и флот. Главное — сохранить чудом приобретенную эскадру, — он подошел к столу и открыл нужную папку, — один крейсер, два... больших противолодочных и два сторожевых корабля, подводные лодки — три дизельные, три с самолетами-снарядами и две или три с ракетами. Зародыш флота, если подумать. Стоит сосредоточить на одном из морских театров, наверное. Ладно, пусть

продумают специалисты. Строительство всех больших кораблей, кроме „Советского Союза“ и готовых к спуску легких крейсеров прекратить. Строительство линкора и спуск крейсеров до изучения возможности модернизации, заморозить. Пожалуй, обговорить это с товарищами Кузнецовым и Воложинским. Труднее с авиацией. Не считать же за нее пятнадцать тысяч годных лишь в музей, да пять тяжелых аппаратов, из которых два противолодочных бомбардировщика годятся лишь на разборку. Несколько корейских зенитных и истребительных полков погоды тоже не делают... Войска в обмен на продовольствие, да. Наилучший выход и для нас, и для них, на ближайшее время. Посмотрим, что сумеет выговорить под признание новой границы у китайцев товарищ Вышинский. Хорошо бы получить хотя бы их старые реактивные самолеты, для начала. Будет на чем учить наших летчиков. Пока же, как и армию — для борьбы с внутренней контрреволюцией. И понемногу готовить перевооружение, да. Использовать наработки той же Кореи по ракетам и артиллерии, закупить кое-что у других стран, договориться о признании лицензий, переданных нашими предшественниками. В обмен на отмену лицензионных выплат. Но самое главное — не попасть в ловушку внешних кредитов. Можно пойти по легкому пути — взять кредиты по концессии на них купить все, что необходимо. Но это путь к закабалению, путь в никуда. Поэтому надо создавать свое производство. И договариваться с Кубой, Северной Кореей и, если удастся — с Китаем, об инструкторах. Пожалуй, даже не только об инструкторах. Неплохо бы заполнить их специалистов для чтения лекций в наших академиях».

Вызвав секретаря, которого, вместо привычного Поскребышева, заменял один из людей Берии, он попросил чаю и снова углубился в чтение. Дочитав, положил книгу на соседний стол и, немного подумав, выбрал следующую. Но читать не стал, выпил принесенного чаю с парой бутербродов, закурил, походил по кабинету, раздумывая.

Политическая обстановка оказалась не лучше, чем военная. СССР мог уверенно надеяться на нормальные, дружественные отношения всего лишь с несколькими странами — Северной Кореей, Кубой, Венесуэлой, возможно, с Израилем, Индией и Финляндией. Возможно, удастся наладить отношения с Ираном. А вот Китай, при всей своей коммунистической риторике, явно будет сложным партнером. «Равные отношения с ним наладить, скорее всего, не получится. Или получится? Посмотрим, что скажет товарищ Вышинский по итогам своего визита. А вот товарища Рауля Кастро завтра надо встретить как можно дружественней, — он открыл еще одну и папку и сделал какую-то пометку на лежащей сверху бумаге. Израильяне прилетают позднее, но не официальной правительственной делегацией. Отправим их встречать Кагановича и Фридлендера. А Лаврентий присмотрит, чтобы никаких эксцессов не было», — вызвав секретаря, он отдал ему папку с бумагами и уточнил, приехал Берия или нет. Оказалось, что пока нет.

Тогда он открыл лежащую на столе книгу, заглянул, но читать не стал, снова углубившись в размышления. Признание постоянного представительства СССР при ООН радовало, но не сильно. В Лиге наций СССР тоже состоял, что нисколько не помогло остановить Гитлера вовремя. Конечно, на бумаге ООН выглядит серьезнее Лиги, но по факту...

«Если посмотреть на историю последних перед Событием лет — САСШ и их союзники на ООН не обращали никакого внимания, действуя по собственному желанию. Фактически ООН превратилось в подобие Лиги Наций предвоенного периода, только с большим числом членов. Но как трибуна для выражения нашей точки зрения подойдет. Да членство в Совете Безопасности было бы очень полезным. Посмотрим, как на появление нашего постпреда отреагируют другие страны, и тогда уже будем решать. Самое главное — избежать прямой конфронтации. Намекнули, что у нас есть сверхоружие — и понемногу налаживаем отношения. Должно получиться, я думаю...»

ЭПИЛОГ

Конверт из плотной, белой, с небольшим голубоватым отливом бумаги.

На нем — адрес и штамп почты СССР от 3.07.1941 г.

Дорогой деда Витя Здравствуй!

У нас все хорошо. Мы паехали домой в Самару, но ее больше нет. Вместо нашего дома теперь другая строана. Мама говорит, что ее надо называть Сесесесер. Но у меня это слово плохо выговариваться. Здесь все говорят па русски. И даже города называются как у нас. Только Самара теперь называется Куйбышев. Папа сказал, что как раньше. Нашего дома совсем нет. И паляны Фрунзе тоже. Везде маленькие домики.

Я тибе расскажу все по порядку. Сначала мы ехали по Германии, потом по Польше. Все было так, как когда ехали туда ты это видел. А потом преехали совсем не туда. Хотя это место тоже называется Брест, но оно савсем другое.

В Бресте нас встретили дяди чикисты. Они очень хорошие. Мама почему-то их очень боялась, но савсем зря, они не сделали нам ничего плохого. Наоборот. Отвели нас в капезе. Там здорово, места больше чем в квартире у нас было. И нары очень удобные. На них мягкие матрасы и спать гораздо лучше, чем в машине. Папа очень беспокоился, говорил в Сесесере нет хорошего бензина. И дяди чикисты отпустили его обратно в Польшу на зоправку. И даже подарили две конистры. Когда папа вернулся, нам этого бензина хватило до самого Куйбышева.

В кепезе мы жили два дня. А потом поехали в Маскву. Так дяди чикисты сказали, потому что в Куйбышеве нет нашего дома. А Маскве есть другие дяди, которые всех направляют, кому куда ехать. Но мы все равно поехали в Куйбышев, только паговорили с этими дядями.

Здесь многое изменилось. Моста через Волгу больше нет. И Толятти куда-то пропал вместе с Жигулевским морем. Волга теперь маленькая, не такая, как раньше.

Мы остановились в большом частном доме у папиных родных. Они сначала не хотели нас узнавать, но это точно родные, тут тот дедушка с усами, который у тебя на большой фотографии. Его зовут Евстафий.

А еще тут есть мальчик Витя. Он немножко вредный, но хороший. Мы сначала немножко подрались, но теперь играем вместе. Мама говорит, что Витя мой прадедушка, но это ниправда. Мой прадедушка ты, а Витя савсем не похож.

Деда, ты выздаравливай пабыстрее и преезжай. На машине мы за тобой преехать не сможем, потому что нет бензина. Но можно преехать на поезде. Я познакомлю тебя с дедом Евстафием и с Витей. Ты абьяснишь маме, что он не ты.

Преезжай быстрее, деда. Я тебя очень люблю и очень жду. И Ритка с Машкой — тоже, только они еще плохо пишут.

Твой Правнук Саня.